

УДК 821.512.157-312.6Иванов
ББК 84(2Рос=Як)-44
И20

Родные Василия Давыдовича выражают благодарность
за работу над содержанием
Марии Павловой и Василию Решетникову
и заместителю Председателя
Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)
Жиркову Александру Николаевичу
за содействие в создании книги.

Воспоминания записаны и литературно оформлены **Марией Павловой**
Историческая консультация **Василия Решетникова**

Литературно – художественное произведение
На русском языке

Иванов, Василий Давыдович

И20 Я вернусь.../ В. Д. Иванов . — Якутск, 2012. — 112 с.

Агентство СІР НБР Саха

В данном произведении, отображена удивительная история построенная на основании реальных событий прошлого столетия. Ее главный герой – Василий Иванов, паренек из далекого якутского села, мальчик из многодетной семьи и приемный сын бездетных родителей. Ранняя юность которого пришлась на годы Великой Отечественной войны. Он был всего лишь одним из многих сыновей, кто ушел на фронт, поднявшись с учебной скамьи, но ему была уготована поистине удивительная судьба. История реальная, не пропагандистская и не разоблачительная: сельская довоенная жизнь, семейные воспоминания, послевоенная женитьба и мирная жизнь. Эта книга, уместила в себе историю нашей страны, нашей республики, практически от самого ее начала и до наших дней

ДК 821.512.157-312.Иванов
ББК 84(2Рос=Як)-44

Иванов В. Д., 2012
Литературное оформление Мария Павлова, 2012
Историческая правка Василий Решетников, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

— *Я вернусь, мама! - свист пули над головой, вой осколка, лязг танковых гусениц, надрывный рев пикирующего бомбардировщика, щелчок мины под ногами...*

— *Я вернусь, мама! - скрип новеньких хромовых сапог, тяжесть погон на плечах, горечь 100 наркомовских грамм, дружеское плечо однополчанина...*

— *Вернусь, мама! - тяжелее дыхание умирающего товарища, боль от старых ран, вкус последнего куска хлеба, многолетняя усталость во всем теле...*

— *Я вернусь, мама! - грохот многопушечного салюта, ликующие крики, выстрелы в воздух, красное знамя над серыми куполами поверженной столицы...*

— *Я вернусь...*

Василий Давыдович Иванов, 1923 года рождения. Сын, брат, муж, отец, дед и прадед. Ветеран-Фронтвик, коммунист, орденосец, воин-гвардеец, бесстрашный милиционер и алмазник. Человек, прошедший самую страшную войну тысячелетия пешком, через пол-Европы. Он выжил, потому что верил - он обязательно вернется!

Он сражался на руинах Сталинграда и штурмовал стены Берлина. Его часть сторожила личный бункер фюрера и охраняла Потсдамскую конференцию. Он козырял Сталину с Жуковым и видел, как водружали флаг на Рейхстаг, где скрывался Гитлер до последнего часа...

Он награжден орденом Боевого Красного Знамени, медалью «За боевые заслуги», освобождение нескольких столиц, в мирной жизни — орденом Октябрьской революции и множеством других знаков отличия.

Человек, по рассказам и воспоминаниям которого написана эта книга, которую вы сейчас держите в руках.

В его воспоминаниях уместилась вся история нашей страны, нашей республики, практически от самого начала и до наших дней. История реальная, не пропагандистская и не разоблачительная. Василий Давыдович из тех людей, которые верны себе до конца. Во всем.

Василий Давыдович рассказал обо всем, что видел, что знал и чему был свидетелем. Сельская довоенная жизнь, семейные воспоминания, послевоенная женитьба и мирная жизнь были четко

отсечены от Войны. Есть грань, которая навсегда отрезает мир, жизнь от войны и смерти.

Великая Отечественная Война – это Молох XX век. Война длившаяся четыре года и унесшая свыше двадцати миллионов жизней, сломавшая и искалечившая еще больше. Война в которой советские люди бились за право на жизнь, за свободу от фашистского истребления и угнетения. Война, в которой самая могущественная и совершенная в истории человечества военная машина была повергнута в прах, уничтожена и разгромлена героизмом и отвагой простых людей.

Немало героических и трагических страниц в ее истории – разгром 1941 года, блокада Ленинграда, битва под Москвой, великое противостояние на Волге, Ржевская мясорубка, Курская дуга, Днепр, Балатон, Берлин... Эти слова огнем высечены в сердце каждого россиянина. И хочется, конечно хочется еще раз узнать, поточнее, поподробней – как это было?

Шуршал диктофон, скрипела ручка и каждое воспоминание Василия Давыдовича складывалось в отдельный рассказ для этой повести...

Часть I. Тонгсуо

Глава 1. Мама

Как часто на фронте во время самых жарких схваток, в минуты смертельной опасности я вспоминал дорогие сердцу черты моей матери... Ее образ был для меня спасительным маяком в этом кровавом месиве. Нет! Никогда я не мог допустить даже мысли, что погибну на поле боя, и моя бедная несчастная мать будет горько рыдать, получив похоронку.

«Я вернусь, мама», -- говорил я дорогому образу в самых жарких схватках и, наверное, эта любовь к усыновившей меня женщине, ставшей мне ближе той, что воспроизвела на белый свет, помогла мне остаться в живых. Я всегда был уверен, знал наверняка, что непременно выживу, вернусь домой и обниму самого близкого и родного человека...

Ее ласковые руки, нежный голос, добрые глаза я различал с первых минут, как начал помнить себя. Долгое время я не знал, что женщина, которую называю матерью, на самом деле таковой мне не приходится. Лишь спустя много лет рассказали, как меня усыновили...

Глава 2. В корзине для рыбы

Родился я в местности Чочу в Виллойском улусе 24 ноября 1923

года в большой, но небогатой семье, пятым ребенком. Родной мой отец, по словам всех, кто его знал, не был, к сожалению, ни рачительным хозяином, ни добросовестным мужем, ни заботливым отцом. Даже женитьба и рождение детей не изменили его привычного уклада жизни, не возродили желания остепениться, как подобает добропорядочному семьянину, трудиться в поте лица для того, чтобы жена и дети жили в достатке.

Он был заядлым игроком в карты, и это увлечение манило его из дома в самые разные дали, безжалостно отрывая от семьи. С таким хозяином, мужем и отцом, наверное, родной моей матери, братьям и сестрам пришлось нелегко. Меня же от всех переживаний избавил случай.

Во время одной из очередных карточных отлучек отца Куйусутар Уйбаан, высокий, рослый полурусский старик, попросил моего родителя:

-- Сын женился, а детей у молодых нет. Не отдашь ли младшего? Все же и вам легче, и мальчонке у нас будет хорошо. Вырастет в любви и ласке.

В те времена такие уговоры были вполне обыденным явлением, тем более мать, меня усыновившая приходилась нам дальней родственницей. Отец, рассказывали, подумал и ответил старику:

-- Бери! Все же мы родственники теперь и живем недалеко друг от друга. Буду видеть, как сын мой растет. Считаю, он у меня на глазах человеком станет.

Рядом с родной моей семьей в маленьком амбаре жил старик Тихон, который много лет спустя, рассказал, как меня, трехмесячного, укутанного в заячье одеяльце, положили в тымтай¹ – посудину для рыбы. Эту импровизированную люльку отец верхом повез за десять километров в новую семью сына Куйусутар Уйбаана и моей матери Матрены Семеновны Томской. С тех пор, как она вынула меня из корзины и развернула заячье одеяльце, мы стали самыми близкими и родными друг другу людьми. Тонгсуо²... Так из-за носа с горбинкой, меня любя прозвали в новой семье...

Глава 3. Счастливчик

Я много раз бывал на грани жизни и смерти. Наверное, каждый, кто прошел через пламя войны может сказать тоже самое. Но Безносая начала преследовать меня гораздо раньше, чем Гитлер напал на Советский Союз. Старуха с косою подстерегала меня еще в самом

раннем детстве...

Маленьким я часто болел. Здоровых детей тогда, считай, и не было. Бытовые условия оставляли желать лучшего, медицины на селе не существовало. За первые три года жизни я был на грани между жизнью и смертью ровно три раза.

Сначала была эпидемия кори. В тот год умерло столько детей, что в церкви окрестили в одно время двенадцать детей из всей округи. Мы с Анисией Дмитриевой, с которой родились в один день, в один день и крестились, а позже еще и учились в одном классе. Родители не раз вспоминали обстоятельства, при которых нас крестили, как умирали один за другим дети от эпидемии, а мы выжили... Это было первым испытанием для моих новых родителей.

Ослабленный перенесенной корью, я в скором времени подхватил новую напасть – воспаление легких. Мать потом не могла без слез вспоминать, как не отходила от моей кровати ни на шаг, стерегла мое прерывистое тяжелое дыхание, шептала про себя заговоры и молитвы.

А мне становилось все хуже и хуже: я таял, сгорал, как свечка и близким пришлось смириться с этим, они приготовились проститься со мной навсегда. Мама горевала и днем, и ночью, оплакивая меня еще живого...

В ту пору к нам приезжала родственница, которую уважительно звали Эдьий³ Дайя. Дарья была особенная женщина, умела предсказывать будущее, исцеляла от недугов.

-- Дай мне что-нибудь из его одежды, -- попросила она у матери.
-- Положу под подушку, да и посмотрю во сне: выживет ли ваш сын.

На другой день Эдьий Дайя проснулась радостной и сказала:

-- Не плачьте понапрасну, он у вас очень счастливый.

Вскоре я пошел на поправку. Этот чудесный случай моя мать вспоминала потом не раз, и твердила про себя как заклинание:

-- Он счастливый! Очень счастливый!

В первые годы моей жизни заговор довелось произнести еще один раз, когда спустя какое-то время, я вновь тяжело заболел, на сей раз коклюшем. И я снова почти умер, но сумел выкарабкаться из цепких объятий смерти, пожертвовав, разве что хорошим зрением.

А к трем годам я был здоровым озорным карапузом на радость матери и отцу. В таком возрасте можно было уже вздохнуть с облегчением: «Сын наш человеком стал, будет жить!»

Глава 4. Смерть отца

Отца, усыновившего меня, звали Михаил Иванович Андреев. Они с моей матерью жили мирно, ладили, можно сказать любили друг друга. Меня он тоже любил, как родного, и все вместе мы были счастливы. Но наше тихое безмятежное семейное счастье, как все хорошее в этом мире, длилось недолго.

Мне было три года, когда отец поздней осенью собрался на охоту. Он был физически крепким мужчиной, очень любил охотиться, рыбачить. Я смутно помню его облик, свою привязанность к нему, большие руки, пахнувшие табаком.

С охоты он не вернулся. Мать рассказывала, что в тот злосчастный день я вел себя довольно странно. Нашел отцовскую трубку, сосал ее, не выпуская из рук, и очень горько плакал. Трубку пытались отобрать, но безуспешно. Странное поведение обеспокоило всех домашних, тем более отец задерживался на охоте, что случалось крайне редко. Недобрые предчувствия обернулись несчастьем.

Вскоре принесли черную весть, что отец наш безвременно погиб. Люди рассказывали, что, переходя через озеро, он провалился под лед, зацепился за кромку полыньи якутским ножом и кричал, зовя на помощь, пока не охрип. Когда его нашли, он был еще жив, но весь заоченел от холода. Спасти его не удалось. Мы осиротели...

Глава 5. Женихи

В те времена одинокой женщине с маленьким ребенком было трудно выжить без мужа: кормильца и добытчика. Потому, когда к матери посватался пожилой вдовец Ыгдаа Петров с тремя детьми, она согласилась выйти за него замуж. Но наладить семейную жизнь с ним тоже не удалось -- спустя некоторое время новый отчим тяжело заболел. Он не мог принимать пищу, лечивший его доктор Львов поставил диагноз – непроходимость желудка. Питался он через трубку, но состояние не улучшалось. Этой же зимой Ыгдаа умер. Так мы осиротели во второй раз.

Моя мама отличалась трудолюбием, спокойным и тихим нравом, к тому же она была красивой и еще не старой женщиной. Многие одинокие мужчины были бы не прочь жениться на такой вдове.

Весной того же года, после смерти моего второго отчима к матери посватался русский старик Константин Жирков по прозвищу Кукаарыс. Был он из Виллойска, из местных казаков. На самом деле ему было немного за пятьдесят лет, но бородатый и седовласый он тогда

казался мне, ребенку, глубоким старцем. Старик Кукаарыс долго обхаживал мать, регулярно навещая, привозя подарки и ей, и мне. Больше всего мне запомнились хрустящие сладкие вафли, которыми он меня угощал. Я никогда до этого не ел сладостей, потому старик Кукаарыс легко подкупил меня. Видя наше дружеское общение, мать не стала отнекиваться...

В город Виллюйск мы переехали по осени, уладив все дела со своим небольшим хозяйством. У нас с матерью было три коровы, один бык и кобылица. Пристроив их родственникам, мы выехали в Виллюйск. Дом старика Кукаарыса, бревенчатая русская изба находилась рядом с церковью. Дом был большой, непривычный после нашей маленькой якутской юрты. Скотины у Кукаарыса не было, но, исследуя его двор, я обнаружил старый заброшенный хлев. Наверное, было время, когда и он держал коров.

В Виллюйске я пошел в детский сад. Жизнь в городе была совсем другая, нежели в деревне. Но я почему-то помню это время весьма смутно. Помню, что тятя, так я называл старика, зимой серьезно занедужил. Помню даже фамилию врача, который его лечил – Потапов. Он был известным в свое время доктором, жил и работал в разных районах Якутии. Многие люди нашего поколения поминают его добрыми словами. Он дал тятю направление на лечение в город Якутск, Кукаарыс уехал и... исчез. Не было от него ни весточки, ни косточки. Кто-то говорил, что он уехал на историческую родину, кто-то говорил, что он умер в больнице, а мы с матерью ничего о нем не знали. Кое-как пережили зиму, а летом собрали свои нехитрые пожитки и поехали туда, откуда прибыли.

После этого случая, я думаю, мама сама не верила, что когда-нибудь ей удастся устроить свою личную жизнь, найти любящего и заботливого отца для меня. Я уверен, что она всегда прежде всего думала обо мне. Иначе бы зачем молодая, красивая женщина стала бы выходить замуж за пожилых мужчин, почти стариков, какими были Кукаарыс и Ыгдаа? Она вступала в брак, чтобы вырастить меня, поставить на ноги, устроить мое будущее. Никогда в жизни, ни за что я не осудил бы ее за многобрачие, и никому не позволил бы этого сделать в моем присутствии. Может, и Господь Бог, видя чистоту ее души, послал ей наконец-то человека, который стал матери достойным и любящим мужем, а мне заботливым отцом.

Глава 6. Падающий Давыд

Скотина наша до переезда в Вилуйск осталась у родственников, в далекой местности Харбалаах-Тэптэгин. Туда мы с мамой, после исчезновения казака Кукаарыса, и поехали.

В сайылыке⁴ жило несколько семей. Взрослых и детей было много. Поводился к моей матери мужчина средних лет, невысокого роста. Звали его Давыдом. Я невзлюбил его с самого первого дня, как увидел. То ли, заметив его особое отношение к матери, и уловив ответную симпатию, я приревновал его к ней... Черт его знает! Помню, что невзлюбил его за что-то и очень крепко.

Он частенько заходил к нашим родственникам, часами разговаривал с моей матерью, помогал доить коров. Я считал, что такое поведение недостойно истинного мужчины. Любая работа со скотом считалась сугубо женской обязанностью. А когда я однажды застал его за жаркой оладий, неприязнь сменило еще более сильное чувство -- презрение.

Помню, как сильно я досадовал, узнав, что нас с Давыдом связывают еще и кровные узы. Давыд был братом моей родной матери. Но тогда такие подробности мне не сообщали, поскольку в то время я еще не знал, что меня усыновили.

О родстве с Давыдом без подробностей о настоящих родителях, я узнал от матери. Как-то, заметив мой напряженный взгляд, устремленный на Давыда, мама подозвала меня и сказала:

-- Давыд ведь твой дядя, сыночек...

-- Не хочу такого маленького дядю! – угрюмо пробурчал я и, не дослушав, что ответит мама, выбежал из юрты, громко хлопнув дверью.

Не могу сказать, что такое известие изменило мое отношение к Давыду. Я продолжал его тихо ненавидеть, хотя с его стороны не было никаких оснований для возникновения столь резкой неприязни.

... Упрямылся я долго. А дядя Давыд лез вон из кожи, чтобы добиться моего расположения. Всячески заговаривал со мной, привозил подарки, учил всяким житейским премудростям. Но я по-прежнему глядел на него волчонком. Однажды дядя Давыд спросил:

-- Хочешь погостить у бабушки с дедушкой?

Мои бабушка с дедушкой жили в пятидесяти километрах от местности, где мы провели лето. Я никогда их раньше не видел, поэтому любопытство взяло верх.

-- Ладно, -- снисходительно бросил я. – Съезжу с тобой.

Мы пустились в дорогу верхом. Помню, как проехали круглое, как лепешка, озеро, за которым раскинулась широкая пашня. За пашней находилось несколько дворов. Мы заехали в один, где стояли два дома.

Один старый, другой поновее. В новом доме жили старик со старухой. Обстановка у них была небогатая, но все содержалось в чистоте и порядке. Нас приветили, как полагается встречать гостей, усадили за стол, налили чаю, выставили скромное угощение. Бабка долго смотрела на меня выцветшими глазами, потом сказала:

-- Похож больше на Тихоновых... Бледный он какой-то!

Я обиделся. Какие еще Тихоновы, когда наша фамилия – Ивановы? И почему это я «какой-то бледный»? Обиделся я так сильно, что отодвинул чашку с чаем и отложил надкусанную оладью. Я не знал, что это фамилия моего родного отца, а привечавшие меня старики, родители моей родной матери. Все это я узнал позже и понял, что они имели тогда в виду: бабушка сказала, что я уродился больше в отца, чем в мать.

Бабка с дедом, по всей видимости, готовились к нашему приезду. Бабушка напекла оладий, дед нажарил на вертеле карасей. Печеную рыбу нам завернули с собой, чтобы мы дома угостили маму. Помню, ее положили прямо в заплечную корзину, поверх сырой рыбы, которую нам тоже дали с собой в качестве гостинцев.

На обратном пути в местности Дулгалах был отрезок, когда надо было идти по кочкам пешком. Давыд, нагруженный тымтаем с тяжелой рыбой, угодил ногой в ямку между кочками и упал. Вся рыба из корзины вывалилась прямо на траву. Живая затрепыхалась на мокрой траве, а печеная безучастно уставилась побелевшими глазами прямо в небо. Давыд долго возился, собирая разбросанную рыбу. Каждую рыбину отряхивал и аккуратно складывал обратно в корзину. Сложив гостинцы бабушки и деда, мы едва тронулись дальше, как, пройдя несколько шагов, Давыд снова оступися и упал, опрокинув тымтай с рыбой во второй раз. Я громко засмеялся:

-- Ты все время падаешь, тебя надо прозвать Падающим (Охтор) Давыдом!

Давыд не стал меня ругать, лишь коротко бросил:

-- Собери рыбу.

И молчал потом всю дорогу.

По приезду Давыда ждала еще одна неприятность. К матери за время нашего отсутствия приехал старик Кукаарыс. Завидев его, я нарочно радостно воскликнул:

-- Тятя приехал!

И со всех ног помчался к Константину. Давыд огорчился, а я был доволен, как никогда. Я не хотел, чтобы Падающий Давыд был моим отцом...

Глава 7. Мой отец Давыд

Однако моим ожиданиям не суждено было сбыться. Мать отказалась ехать с тятьей в город. Сейчас я понимаю, что она задолго до его приезда сделала свой выбор, решила жить с Давыдом. Кукаарыс и упрашивал, и сердился, но уехал-таки ни с чем.

Однако счастьем матери резко воспротивился я. Мама уже не знала, как меня убедить, как заставить принять нового отчима. Однажды даже попросила:

-- Сыночек, миленький, маленький мой Тонгсуо, давай возьмем Давыда в папы.

-- Он же все время падает. Не хочу падающего отца! – отрезал я.

Даже огорченные, полные слез глаза матери не могли заставить меня изменить свое решение...

В сайылыке был всего один общий дом. Мы с матерью жили в одной из трех комнат. Кровать у нас тоже была одна. Я спал в ногах у матери. Однажды ночью я проснулся и увидел, что нас на кровати трое. Очевидно, когда я засыпал, к матери приходил из соседней комнаты Давыд, а утром уходил раньше, чем я проснусь. Увидев такое вероломство, я заголосил так, что проснулись даже собаки во дворе.

-- Вы только посмотрите, люди добрые! Падающий Давыд к нам в постель забрался! А ну, уходи!

После случившегося позора, понятно, что мама с Давыдом не могли уже скрывать своих отношений. Они стали мужем и женой, а я все равно продолжал недолюбливать отчима. Он же никогда меня не ругал, всегда покупал подарки и гостинцы, а я их гордо отвергал. Я не принимал Давыда аж до 1939-го года, а сейчас, оглядываясь назад, думаю, что даже родные отцы редко любят своих детей так, как любил меня Давыд.

Глава 8. Белый пес

В детстве у меня был белый пес по кличке Магантык (Белек). Собаки умнее этой я не встречал больше на протяжении всей своей жизни. Стоит мне вспомнить о своей «золотой поре», как в памяти тут же оживает образ верного друга, как будто Магантык, живой и невредимый до сих пор носится где-то там по моему давно минувшему детству и каждый раз, когда я возвращаюсь туда в своих воспоминаниях, приветствует меня радостным лаем...

Это был замечательный прирожденный охотник. Отчим любил

им похвастаться при каждом удобном случае: «Зачем тратить патроны на зайцев, когда есть такой пес?!» и демонстративно отказывался идти на охоту. Магантык в подтверждение этих слов регулярно приносил и оставлял на пороге аккуратно придушенную дичь: то жирных зайцев, то желторотых утят. Мама свежевала, ощипывала его добычу да нахваливала умного пса: «Ай да Магантык, ай да молодец, кормилец наш!»

Но любили мы его, конечно, не только за охотничьи качества. У пса было немало других достоинств, главное из которых -- верность мне, своему маленькому хозяину.

Мне было лет девять, когда мы с белым псом были практически неразлучны: вместе купались, бегали по лесам и алаасам⁵ от зари до позднего вечера. С ним я не боялся ни людей, ни зверей, ни абаасы⁶. Никто на свете не посмел бы обидеть меня при моей собаке. С ним я мог смело пройти в сумерки мимо кладбища, старинных заброшенных юрт - «ётёхов»⁷, которые мои сверстники и даже некоторые взрослые предпочитали обходить далеко стороной. Лишь бы Магантык бежал рядом и размеренно махал своим пушистым хвостом, как будто подбадривая меня: «Идем, хозяин, идем».

Я любил играть с ним.

-- Магантык! -- кричал издали, приближаясь к своему дому. И тут же во дворе, словно из под земли выросло белое пятно: это Магантык выскакивал из своего укрытия и прислушивался к зову хозяина. Завидев меня вдалеке, бросался навстречу, а я стремглав убегал от него к речке Чыбыыда, протекавшей недалеко от нашего дома и спешно прятался в кустах. Через некоторое время на берег выскакивал, радостный от предвкушения встречи, Магантык и с разбега плюхался прямо в воду, недоумевая, куда же я подевался.

А я выбегал из-за кустов и, смеясь во все горло, начинал улепетывать к дому от мокрого пса, попавшегося на уловку. Магантык громко лаял, словно досадовал на себя за очередную промашку, и в пару прыжков настигал меня, валил на землю и облизывал лицо. Мокрые, перепачканные, но дико счастливые, мы вместе возвращались домой...

Жили мы тогда в Верхневиллюйском улусе, в местности Чёнгёрё. Магантык родился и вырос в тех местах. Говорят, что собаки привязываются к людям, а кошки к местности. В случае с моим белым псом, несмотря на нашу искреннюю привязанность друг к другу, все оказалось с точностью наоборот. Когда мы переехали в местность Тэптэгин, Магантык остался в Чёнгёрё один. Отчим два раза специально ездил за ним, привозил, но пес неизменно возвращался обратно. Три

года он жил там вдали от людей, а потом кто-то застрелил одинокого белого пса...

Когда я вспоминаю его, мне становится и радостно, и грустно. Радостно от воспоминаний о нашей жизни вместе, грустно от того, что он остался один. Как он жил эти три года без меня? Может, он каждый день ждал, что кто-то крикнет вдалеке: «Маганты-ык!» и бросится бежать к речке. Почему-то, вспоминая его, я не могу удержать слез.

Глава 9. Ученик-работник

В школу я пошел впервые лет в десять. Тогда многие отдавали детей учиться позже положенного возраста. Люди жили по алаасам, далеко от Сыдыбыла, где находилась ближайшая к нам школа. Отдать детей учиться вовремя в большинстве случаев мешало одно обстоятельство: родители не могли найти семью, согласную приютить их ребенка во время учебы в школе.

Но в моем случае было не так. После перенесенных в раннем детстве болезней, я был настолько маленьким и худосочным, что родителям все казалось, что еще рано отдавать меня в школу, что я не смогу жить в людях, быть самостоятельным.

Несмотря на длительную задержку, я был далеко не самым старшим в своем классе, были ребята и повзрослее меня. Почему-то почти все одноклассники были старше нас, мальчишек, на два-три года. Ох, и доставалось же нам от них порой, когда чересчур шалили!

В школе я слыл егозой и непоседой. Девчонок дразнил, много шалил, баловался. Из уроков любил родную литературу, язык, а вот по русскому языку и литературе откровенно «плавал».

Зимой я учился, а летом трудился в колхозе вместе с родителями. С двенадцати лет мне доверили двух быков, на которых я пахал и сеял наравне со взрослыми. До четырнадцати лет я работал за полтрудодня. Вместе с матерью и Давыдом мы зарабатывали до тысячи трудодней в год. Много работали, потому не бедствовали. Ели свой хлеб, держали трех коров. На столе у нас всегда были свои масло, сметана и молоко. Кроме этого мы сдавали государству по полторы туши мяса в год.

В четырнадцать я уже считался за взрослого, к тому времени научился управляться со сбруей, распрягать лошадь, ездить верхом. Потому я работал за полные трудодни на сенокосе. Работать мне было интересно, и трудились мы всегда с большой охотой. Моими мозолистыми ладонями больше всех гордилась моя мама. Для нее это

было большим счастьем видеть, что ее сын стал настоящим трудовым человеком.

Глава 10. Хаабы

Сидел я за одной партой с будущим главой республики Гавриилом Чиряевым. Конечно, тогда об этом мы и помыслить не могли. Просто дружили, к тому же он приходился мне родственником по линии приемной матери. Гавриила все звали Хаабы, а меня Тонгсуо. Так нас и поминали всегда вместе: «Хаабы с Тонгсуо» или «Тонгсуо с Хаабы». Был он очень тихим, любознательным, скромным учеником, хотя иногда мог и пошалить. Мальчишка же!

Я часто бывал в семье Хаабы и не переставал каждый раз удивляться. Отец его, Иосиф Чиряев, статный интеллигентный мужчина еще до революции учился в Казани на медика. Но на старших курсах, когда студентов начали учить делать операции на трупах, он понял, что не выносит вида крови, и вернулся на родину без диплома врача.

В 1935 году отца Хаабы выбрали председателем колхоза. Был он большой новатор. При нем появились в Сыдыбыле колхозные амбары, сельский клуб, первые типовые хотоны⁷. Некоторым людям такие новшества были не по нраву и потому, когда в одном из хотонов повесилась доярка, на деятельного председателя составили донос, пытались обвинить его в случившемся, называли «врагом народа». Но судья закрыла дело, сняв все нелепые обвинения.

После этого случая семья Хаабы переехала в Виллойск, куда перевезли свой большой дом. Когда они жили в Кэданде, держали огород, на котором сажали неведомые нам, диковинные овощи. **Впервые в своей жизни я попробовал дома у Хаабы огурцы. Они показались мне невкусными, горькими что я их выплюнул, но зато съел зараз четыре морковки. После этого у меня дико заболел живот. С тех пор я не ем огурцы и даже, будучи в армии, отказывался брать в рот хотя бы ломтик этого коварного овоща.**

Глава 11. Как я узнал тайну своего рождения

Однажды, когда мне было лет двенадцать, я проходил мимо группы, собравшихся по какому-то поводу картежников. Один старик громко сказал:

-- Хо! Да он же вылитый отец! Прямо как будто сам Хонооску собственной персоной мимо проходит!

Хонооску – было прозвище Афанасия Тихонова. Мне

доводилось видеть этого заядлого картежника, которого я считал образцом разгильдяйства и лени, и поэтому меня до глубины души оскорбили слова старика.

-- Никакой я не Хонооску! – крикнул ему в ответ и убежал.

-- И такой же вспылчивый! – загоготала мне вслед честная компания.

Я был зол, как черт. Дома, возмущенный и оскорбленный я тут же пожаловался матери на глупое сравнение с пройдохой-картежником.

-- Они называли меня сыном Хонооску! – Гневно кричал я, размахивая руками.

У мамы вдруг сразу поникли брови, опустились плечи. Перемена в ее облике настолько бросалась в глаза, что я тут же смолк.

-- Что с тобой, мама? – спросил я.

-- Дело в том, что Хонооску действительно твой отец, -- горько вздохнула мама. Потом она, глядя мою вихрастую голову, поведала историю моего усыновления.

Я был потрясен до глубины души, не описать словами тех чувств, что терзали меня в тот миг... Но я все понял. Смог совладать с переживаниями и еще больше и сильнее полюбил свою, как оказалось, неродную маму.

Глава 12. За двадцать пять тысяч

После того как я узнал о том, что меня усыновили, я жутко злился, когда мне лишний раз об этом напоминали. Скажу больше, мне вообще не нравилось любое упоминание о моей родной семье.

Помню, когда я учился в четвертом классе, было какое-то распоряжение правительства, согласно которому семье, в которой было семеро и более детей, давали по двадцать пять тысяч рублей. Узнав об этом, мои родные родители решились переговорить с моими приемными матерью и отцом, чтобы я вернулся к ним на время, дабы они смогли получить эту огромную по тем временам сумму.

Денег тогда практически не было, все работали за трудодни, потому ажиотаж был довольно-таки большой. У Тихоновых, как на грех, было шестеро детей, а меня – седьмого, они, получалось, отдали на воспитание. Родная моя мать Прасковья Семеновна рожала семнадцать раз, но в живых остались только семеро детей вместе со мной.

Мама подумала, посоветовалась с Давыдом и согласилась, поскольку хотела хоть как-то помочь большой семье, которая из-за непутевого отца-картежника еле сводила концы с концами. Она позвала

меня и робко, как будто стесняясь, рассказала об этой просьбе Тихоновых. Сказать, что я был в ярости, значит, ничего не сказать. Меня такое предложение возмутило до глубины души!

-- Ты поживешь там пока учишься, ведь от Тихоновых до школы всего три версты, -- увещевала меня моя добрая мама. – Глядишь, и нам будет легче. После того, как выплатят эти деньги, ты сразу к нам вернешься и, может быть, Тихоновы про тебя не забудут, дадут денег на новое хорошее пальто, шапку. Будешь у нас, как городской парень одет с иголки...

Бедная, добрая моя, милая мама! Она все думала, как бы я жил в мире со своими родными, был одет и обут не хуже других. А я знал, что разлука со мной для нее еще большее испытание, чем для меня. Ради матери, только из-за нее, я согласился на этот нечестный эксперимент.

...В отчем доме мне жилось плохо. Я каждый день ждал, когда же Тихоновым выдадут их несчастные двадцать пять тысяч, и я смогу вернуться обратно. Братья и сестры меня не знали, не видели с рождения, потому особых родственных чувств ко мне не испытывали. Старшие нередко меня обижали, а поскольку я и сам не отличался тихим нравом, и всегда мог постоять за себя с кулаками, семейные скандалы случались почти каждый день.

Родная моя мать всегда держалась со мной холодно. Ни разу за то время, что я жил у них, не погладила по голове, не приласкала, не защитила от нападков братьев. Отец, и тот пытался проявлять какую-то суровую заботу, но от него я не принимал никаких знаков внимания.

Однажды, когда мы ужинали, а еды в большой семье, как известно, много не бывает, один из старших братьев стащил у меня мясо прямо с тарелки. Я в тот момент зачем-то отвернулся, а когда хотел продолжить трапезу, обнаружил свой кусок на тарелке у брата. Недолго думая, я стукнул его по голове рукояткой ножа, которым собирался резать свою долю говядины. Брат ойкнул, схватился за голову и, увидев на ладони кровь, (тяжелая рукоятка рассекла кожу) заревел благим матом. Мать подскочила к столу, отобрала у меня нож и, прижимая к груди ревающего парня, начала причитать:

-- Вы посмотрите, какого хулигана мы у себя приютили! Да он же чуть ребенка не убил!

Отец, к которому были обращены эти слова, оказался справедливей:

-- Не голоси и не вмешивайся. Пусть дети сами разберутся! – таков был его вердикт.

Я прожил у Тихоновых до комиссии, пока оформляли все эти

бумаги на двадцать пять тысяч. А потом сразу же уехал обратно, счастливый, что могу вернуться домой. Необходимые документы были собраны, Тихоновы остались ждать заветной суммы от государства.

-- Мама, я приехал! – С такими словами прямо с порога я бросился к своей матери, по которой в родной семье скучал каждый день, а по ночам даже плакал в подушку, тайком от всех.

Мама всплакнула от радости. Прижала меня к себе, и мы долго молчали, счастливые, что разлука уже позади. Была весна, хотелось петь, летать от счастья, как на крыльях. Что еще нужно человеку в четырнадцать лет?

...Наступило зеленое лето. Пришла весточка из района, что обещанные деньги, эти двадцать пять тысяч рублей от советского правительства для многодетных семей нашли своих адресатов, в том числе и мою родную семью Тихоновых. Мама тогда позвала меня и сказала:

-- Тоойуом⁸ Тонгсуо, езжай-ка ты к Тихоновым. Говорят, они большие деньги получили. Попроси денег на костюм. Пусть хотя бы сотню рублей дадут. Осенью в школу нарядным пойдешь. А о работе пока не заботься, мы с отцом за тебя потрудимся.

Я отнекивался, как мог, но мама была непреклонна. Пришлось ехать.

... У Тихоновых жизнь била ключом. Еще во дворе я увидел распахнутую дверь амбара. Там отец со своими приятелями вовсю рубился в карты. Народу было много. В амбаре стоял шум и гам, через каждую минуту раздавались веселые выкрики картежников. «Всюду страда, -- подумал я, -- а они в карты режутся! Делать им нечего!». Даже не поздоровавшись с отцом, зашел в дом.

Дома была сестра Мавра и старший брат Никифор, который в ту пору уже начал работать писарем. Они меня встретили холодно, не высказали ни тени удивления, не спросили, зачем я приехал.

Три дня я прожил у Тихоновых и ни разу никто из родных не поинтересовался о цели моего визита в столь горячую пору. Я понял, что денег мне здесь не предложат, а просить самому язык не поворачивался. На четвертый день я встал, собрался и уехал, не сказав никому ни слова. И родные проводили меня ответным молчанием. Больше до окончания школы я у них не бывал. А матери дома сказал:

-- Из этих двадцати пяти тысяч мне даже двадцати пяти копеек не дали! Стоило ли отрывать меня от работы для этой глупой затеи?

Мама горько улыбнулась, а потом, видимо только осознав, что мне удалось пережить, всплакнула:

-- Ничего, милый мой, проживем! И костюм тебе сами справим, ты, главное, не переживай!

Глава 13. Далекие родные

Забегая вперед, я хочу рассказать о том, как сложились мои отношения с родной семьей в дальнейшем, чтобы более к этой теме не возвращаться...

В 1941 году, когда я заведовал в Сыдыбыле сельским клубом, мне снова довелось какое-то время пожить в отчем доме. Родная моя мать к тому времени уже два года как покоилась в сырой земле. Сказались семнадцать родов, беспокойная трудная жизнь с мужем-картежником. Она умерла рано даже по суровым меркам того нелегкого времени.

Отец после ее смерти пристрастился к выпивке. Никифор в то время работал в сельхозотделе в Виллюйске. Однажды я, в холодную погоду надел его старое пальто, которое нашел в амбаре. Поехал в нем в Виллюйск по работе. В районном центре решил проведать брата.

-- А чего это ты мое пальто надел? -- такими возмущенными словами с порога приветствовал меня Никифор.

Я ни слова, не говоря, снял пальто, бросил на кровать и захлопнул за собой дверь. Ушел прямо в пиджаке по первому снегу. У знакомых одолжил старый ватник, а обида на брата еще долго жгла мое сердце.

...Спал я у Тихоновых за перегородкой в комнате отца. Однажды он пришел ночью пьяный и стал горланить песни. Пел он, надо отдать должное, очень хорошо, но мне было недосуг наслаждаться его вокалом, поскольку рано утром надо было вставать и идти на работу.

-- Афанасий, спи! -- крикнул я отцу, затыкая подушкой уши.

-- Нохоо⁹, я ж тебе какой-никакой, но отец! Вот и называй меня отцом, а не Афанасием, -- был его ответ.

-- Отцом я тебя никогда не назову, -- сказал я в пылу раздражения и добавил, чтобы обидеть его еще больше. -- Ишь ты! Какой-то Хонооску моим отцом себя возомнил!

Отца это задело. Один из моих старших братьев работал в военкомате, носил военную форму. Отец схватил его ремень с тяжелой пряжкой и ворвался ко мне за перегородку с криком:

-- А ну скидывай портки, я тебе всыплю за дерзкие слова!

Мне тогда было семнадцать лет, и я считал себя взрослым, которого этот полупьяный Хонооску решил пороть, как маленького

мальчишку. Я вскочил на ноги и пнул пошатывающегося отца прямо в грудь. Он упал, потом поднялся. Взревев от ярости, он бросился на меня во второй раз, но я проворно убежал от него, схватив свою одежду. В тот же миг я оделся, собрал свои вещи и уехал домой, к матери и Давыду. Больше я в отчем доме никогда не был.

... Позже, из побежденного Берлина, я написал два письма. Одно со словами любви усыновившей меня женщине, моей горячо любимой матери, а второе было адресовано брату Никифору. А писал я его, по сути, для отца, отказавшегося от меня в раннем детстве. Родную мать я ни в чем не винил и осуждал за то, что семья отказалась от меня, только отца. Впрочем, виноват он был в моих глазах не только за это, но и за то, что прожил свою жизнь беспутно, не заботясь о своей семье, жене, детях. Такого человека не хотелось называть отцом.

Я описал все свои подвиги, награды, звания. Приложил фотографию, где я красовался в парадной форме. «Теперь я воин-освободитель. Пройдя через огонь, воду и медные трубы я часто думаю о своем происхождении. Если вы признаете меня своим братом, я тоже готов признать вас своими родными. Но вашего отца, Хонооску, продавшего меня за быка, которого он потом проиграл в карты, я никогда не назову отцом. Не забуду, как, получив, благодаря мне, двадцать пять тысяч рублей, вы пожалели для меня двадцать пять копеек. Не могу забыть, как ты, Никифор, пожалел для меня свое старое пальто. Ты был взрослым тогда и потому считаю тебя виноватым...»

Все припомнил я в том письме. Излил всю горечь от обид, которые с детства терзали меня. Никифор потом рассказывал, что отец рыдал, читая мое письмо. В 1945 году он сильно приболел, а переживания, доставленные ему моим письмом, по словам братьев, окончательно подкосили его силы, и старик вскоре после этого умер.

Глава 14. Сыновний долг

Я не считаю себя каким-то извергом или жестоким сыном... Я просто был суров, как все фронтовики, и не умел лукавить ни перед людьми, ни перед своей совестью. Родные простили меня, как и я простил им все, что испытал от них в детстве, отрочестве, молодости. Годы лечат, но суть дела от этого не меняется. В этом я уверен и могу сказать, прожив долгую и, на мой взгляд, очень счастливую жизнь...

На могиле родной матери я посадил в 1948 году молодые деревья и всегда, когда был в родных местах, навещал ее. В 1960 году еле отыскал могилу и место захоронения отца. Похоронены они с

матерью были в разных местах. Приезжая на родину, я останавливался у брата Никифора. Отношения между нами с годами потеплели. Иногда я даже называл его убай¹⁰.

Однажды я упрекнул Никифора:

-- Ты уважаемый на родине человек, а могилы наших родителей сравнялись с землей. Тебе не стыдно? Разве нельзя было хотя бы приличные надгробия им сделать?

Никифор ответил, что по-якутским обычаям обустроить могилу по прошествии трех лет не положено.

-- Раз ты чтишь обычаи, я сам сделаю надгробия, потому что память родителей надо чтить больше, -- ответил я и взялся за работу.

Смастерил надгробия я самостоятельно, поскольку любил и умел работать по дереву. Чтобы просить чужих не было ни денег, ни вина... На следующее лето установил на могилах отца с матерью памятники с бронзовыми табличками, которые пришлось заказать в сувенирном цехе.

Ставить памятники поехали вместе с братом и его сыном Михаилом. На могиле матери уложили мраморную плиту с высеченной надписью: «Тихонова Прасковья Семеновна. Многодетная мать».

-- Смотри, Михаил. Здесь покоится мать, которая никогда в жизни меня не погладила по голове, не улыбнулась мне -- своему родному сыну. С 1948 года я ухаживаю за ее могилой, потому что уважаю ее, не смотря ни на что. И мое отношение к ней никогда не изменится, покуда я жив.

На могиле родного отца я высказался иначе:

-- Этого человека я никогда не называл своим отцом, но я -- его плоть и кровь, и потому сделал этот памятник.

Говорил ли я эти прямые резкие слова своему племяннику или адресовал их своим родителям? Это уже неважно. Слова и поступки -- разные вещи...

Память о предках всегда должна жить в каждом человеке. Я обустроил таким же образом могилу усыновившей меня матери, и своего нелюбимого в детстве отчима Давыда, которого я искренне полюбил и понял это, встав взрослее, пройдя Великую Отечественную войну. Отыскал и справил надгробие я на могиле первого мужа моей матери -- Петра Корякина. Сыновний долг надо исполнять и тогда, когда родителей давно нет в живых. Это свято.

Глава 15. Студенчество

Почему-то все мои одноклассники мечтали стать либо учителями, либо врачами, либо военными. А мне с детства нравились артисты. Что-то притягивало меня к этой творческой, суетной, живой профессии. Я не пропускал ни одного представления в колхозном клубе. Сидя в зрительном зале, жадно ловил каждый жест, движение, слово.

Поэтому после окончания семилетней школы вопрос о дальнейшем образовании был для меня решен. Я решил поступить в культурно-просветительское училище в Якутске. Мать с Давыдом не отговаривали, потому что для них всегда было важнее всего мое желание. Они собрали все что могли -- семьдесят пять рублей, чтобы я в городе мог справиться себе обновки, купить учебные принадлежности.

-- Тоойуом Тонгсуо, теперь ты взрослый. Смотри, учись прилежно, веди себя хорошо. Пусть у тебя появится много добрых и верных друзей, -- напутствовала меня мама.

Были во время проводов и слезы, поскольку до окончания учебы я должен был оставаться в Якутске. Нам предстояла долгая разлука длиной в несколько лет. Преодолевать семьсот с лишним километров в те годы надо было на лошадях. Поездка была и затратной, и утомительной.

С завернутыми в тряпочку тремя двадцатипятирублевыми купюрами, осенью 1940 года я приехал в столицу нашей республики. Якутск тогда был преимущественно деревянным, во всех домах топили печи, поэтому в городе постоянно пахло дымом. Но на меня, алаасного мальчишку, Якутск произвел неизгладимое впечатление. Множество высоких домов, людей, лошадей, собак...

Жить мне предстояло у родственницы из Нюрбы по фамилии Габышева. Муж ее находился под арестом. Он работал в «Якутзолоте», когда там вскрылось крупное хищение. Из-за регулярных обысков на дому мы жили в постоянном напряженном состоянии: прислушивались к каждому шороху за дверью.

В городе я пристрастился ходить в кинотеатр. Это было самое диковинное развлечение в те годы. На экране бурлила какая-то совершенно незнакомая нам жизнь, с неведомыми вещами, странными героями. Здесь, в этом чудном зрительном зале меня, как, оказалось, поджидала беда. Во время сеанса какой-то прохиндей украл у меня из кармана три заветные бумажки, завернутые в тряпочку. Плакали мои, с таким трудом собранные заботливыми родителями, скромные сбережения! Остался я без обновок, тетрадей и книжек...

Сетовать было некому, пришлось зарабатывать на жизнь самостоятельно. Мы с однокурсниками все свободное время ходили по

домам на нынешней улице Орджоникидзе, предлагали наколоть горожанам дрова, натаскать лед, очистить двор от снега за пропитание или за вещи, редко – деньги. Без такой подработки на тридцать рублей стипендии прожить было невозможно.

На месте нынешней мэрии находилось двухэтажное деревянное здание. Это было наше училище. Учились мы старательно, не пропускали занятий. Но как бы не интересно было в Якутске, вечерами я всегда вспоминал родных, гадал, что они сейчас делают.

А между тем жизнь текла размеренно, своим чередом. Я тогда, как и все кто меня окружал, не думал и не догадывался, что на нашу страну надвигается большая беда -- война.

Часть II. Война

Глава 1. Сорок первый

Наступил 1941 год. К этому времени я уже привык к городской жизни, учебе, друзьям. Во время летних каникул, вопреки большому желанию, я не мог поехать домой, потому остался в городе.

День начала войны помню, как сейчас... Проснувшись в отличном расположении духа, я позавтракал, съев приличный кусок хлеба с маслом. Кругом было необычайно тихо, все куда-то ушли. Потом я оделся, вышел из дома и пошел гулять. В городе было непривычно пусто. Напротив нынешнего здания Министерства внутренних дел висел большой красный плакат. На надпись я не обратил никакого внимания.

На улице Орджоникидзе напротив репродуктора толпился народ. Все стояли, устремив глаза на репродуктор, откуда звучал размеренный, суровый голос Молотова: «22 июня фашистские захватчики вероломно напали на Советский Союз». И тут я вспомнил кумачовый плакат, на котором было написано: «Смерть фашистским захватчикам!». Все люди молчали, забыты были все дела: кто куда шел и зачем... Весь народ разом преобразился. Не стало ни улыбок на лицах, ни сияющих глаз. Война! Началась война.

С этой поры с пропитанием в Якутске стало очень тяжело. Сразу ввели карточную систему. Вся наша стипендия уходила в фонд обороны страны. Но никто не сетовал, не роптал. Нам, приезжим деревенским мальчишкам, в такую суровую пору жить в городе стало невозможно. Закрылись ранее распахнутые двери горожан, никто более не нуждался в наших нехитрых услугах, да и платить людям за работу было нечем. Все голодали.

Глава 2. Доброволец

Но гораздо больше, чем пищи наши юношеские сердца жаждали попасть на фронт. Я бредил армией, рвался на войну с первых минут начала Великой Отечественной.

25 июня я пошел в военкомат, чтобы записаться добровольцем. Мне тогда было семнадцать лет, но для того, чтобы попасть на фронт, я бессовестно соврал, что родился в 1922 году. Если мне и удалось обмануть комиссию о своем возрасте, провести врачей не получилось. Я до этого перехворал малярией, и поэтому комиссия безжалостно отчислила меня из числа добровольцев. Никогда в жизни я не испытывал такой душевной боли, как в миг, когда мне вручили белый билет, вместо призыва.

А выживать в городе с каждым днем становилось все труднее и труднее. Я понял, что надо ехать домой, иначе меня бы ждала здесь неминуемая голодная смерть. Осенью, напросившись к торговым подрядчикам в обоз, я уехал на родной Вилной.

Добрался через несколько месяцев исхудавший, полуживой, грязный и обовшивевший за время долгого и трудного пути. Семьсот километров протопал на своих двоих, по грязи и бездорожью, Бог весть, чем питаюсь. Засыпая, трясся от холода и вспоминал маму, Давыда. Сердце сжималось от желания поскорее их обнять.

Какой бы нескончаемой, долгой не была дорога, она рано или поздно имеет свой конец. Так и мой путь домой завершился встречей с родными людьми, объятиями, слезами, и радостью вперемешку с горечью материнских переживаний за любимого сына...

Глава 3. На фронт любой ценой

По возвращении меня назначили заведующим избой-читальней и клубом в Сыдыбыле. Работа не занимала меня, как было бы, наверное, в мирное время. Я жадно ловил новости с фронта и не оставлял попыток записаться добровольцем. Белый билет висел на мне ярмом, и, надо сказать, что не мне одному он портил жизнь. Еще четверо моих знакомых белобилетников отдали бы все, чтобы попасть на фронт. Весной нам наконец-то представился такой шанс.

В мае сорок второго в сельпо вывесили общую повестку на сорок призывников. Нас в этом списке не было, хотя двоих белобилетников из нашей компании на сей раз туда включили. Положение было отчаянное.

Лихорадочно раскинув мозгами, я заметил, что на листе еще оставалось пустое место для пары-тройки фамилий.

Тогда я решился на отчаянный шаг. Надоумил другого белобилетника Макара, который хорошо рисовал, вписать наши имена таким же почерком, каким был составлен список. Макар без труда подделал почерк и вписал в повестку себя, меня и моего двоюродного брата Мишу Иванова, девятнадцатилетнего парня.

Таким образом, мы втроем отправились в Вилуйск, где нам предстояло пройти военную комиссию. Когда я уезжал, мама плакала, просила, молилась каким-то силам, лишь бы меня не забирали в армию. А я в свою очередь требовал у всех айыы¹¹ способствовать моей воле. Я был уверен, что непременно добьюсь своего.

Комиссия заседала в вилуйской средней школе. В коридоре толпились призывники. Едва дождавшись своей очереди, я влетел в кабинет. Там сидели трое членов комиссии и среди них, на мою голову, был наш председатель райсовета Николай Спиридонович. Увидев меня, он сразу указал на дверь.

-- Иди домой!

Мишу тоже прогнали. На второй день работы комиссии я еще раз пришел в школу с надеждой, что председателя сегодня там не будет. Но к моему разочарованию он снова восседал за коммиссионным столом. Я ушел домой не солоно хлебавши, даже не попытавшись войти в кабинет.

На третий день председателя в школе не было и я, лелея надежду, вновь предстал перед комиссией. Признаться, даже в отсутствие председателя мои шансы были невелики. Злосчастная малярия, слабое зрение после перенесенной в детстве кори, юный возраст – все было против меня!

Председателем комиссии в тот день был врач Шеметов. Он велел мне подтянуться на финском турнике, пробежать несколько кругов, послушал легкие, измерил пульс. Физически я был крепок, потому задания выполнил без особого труда. Подвести меня могло только слабое зрение. С волнением я ждал когда начнут проверять зоркость. А видел я, прямо скажем, неважно.

Шеметов, как мне кажется сейчас, догадывался о том, что я плохо вижу. Но знал он также, что я не в первый раз рвусь добровольцем и своих попыток не оставляю, даже если эта комиссия в очередной раз мне откажет. Он недолго подумал, прежде чем приступить к обязательной процедуре проверки зрения.

-- А сосчитай-ка мне, дорогой мой призывник, сколько роликов

на проводе над зданием почты, -- спросил доктор.

Здание почты стояло в пятидесяти метрах от школы и было видно из окна. Количество этих роликов я знал с самого детства, с тех пор как впервые приехал в Вилуйск. Все местные мальчишки это знали.

-- Двенадцать, товарищ председатель комиссии! -- гаркнул я, как заправский военный.

-- Зрение, так и запишем, отличное, -- улыбнулся доктор Шеметов. – А теперь посиди в сторонке, а мы посовещаемся.

Я сел на стул и стал во все глаза наблюдать за членами комиссии. Было видно, что Шеметов доказывает настроенным против моего призыва коллегам, что я годен. «У нас недобор», «мы не выполняем план», -- долетали до меня обрывки их разговора.

Потом Шеметов пригласил меня к столу и спросил, глядя в глаза:

-- А скажи мне, пожалуйста, ты действительно настолько сильно хочешь воевать?

-- Так точно! – ответил я и тихо добавил. – Очень хочу.

-- Призывник Иванов, вы молодец! Такие солдаты нужны нашей родине, -- сказал доктор и пожал мне руку.

Если бы не врожденная якутская сдержанность в проявлении чувств, я бы расцеловал Шеметова в обе щеки. Из школы я не шел, а мчался, летел, как на крыльях! Духи, которым я молился, оказались могущественней духов моей матери.

В Вилуйске я остановился у родственников. Мне выделили нары в сарае, на которых я расстелил нехитрые спальные принадлежности: тюфяк из маминой шали, да подушечку. Каково же было мое удивление, когда я, вбежав в каморку, обнаружил там маму.

Материнское сердце подсказало ей, что на сей раз комиссия даст мне добро. Самый близкий, родной мой человечек, бросила все дела, отпросилась с работы, что было тогда под стать подвигу, и приехала в Вилуйск, проститься с сыном.

Она сидела на нарах, уткнувшись в мой свернутый тюфяк лицом и, ее худые маленькие плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Никогда мне не забыть, какая небывалая волна жалости захлестнула тогда мое юношеское сердце. Я обнял маму, прослезился и, утешая разрыдавшуюся мать, повторял вновь и вновь:

-- Я не умру, мама, ты даже не бойся. Не смей думать о таком. Я сам убью немцев и вернусь домой с победой!

А рассиживаться было некогда.

-- Ты не плачь, мама, -- сказал я, отнимая ее руки. -- Меня ждут

командиры, надо идти в училище. Там у нас место сбора.

А мама была безутешна. Она не могла ни говорить, ни оторваться от моей груди, к которой она прильнула, как ей казалось, в последний раз...

Глава 4. Путь-дорога

Я ушел на фронт в июне 1942 года. Мать собирала меня в дорогу, поливая слезами всю нехитрую провизию: лепешки, масло в туеске... В те голодные военные годы трудно было достать хоть какую-то еду. Провожать меня мать не приехала: надо было работать, да и не выдержала бы она очередного душераздирающего прощания.

Нас повезли на двух баржах по Вилюю. Забрали призывников из Верхневилуйска, Нюрбы, Сунтар. Кормили в пути хорошо, варили в бочках суп, кашу. Хлеба было вдоволь. Приплыли в Якутск.

В Якутске устроили перевалочный пункт. Пока ждали теплоход, отбывший в Оленек, нас помыли в бане. Желающие во время ожидания вновь проходили врачебную комиссию. Были редкие товарищи, кто не хотел ехать на фронт, для них это был шанс остаться на родине. Кое-кто им воспользовался. А мне на сей раз удалось благополучно избежать очередного комиссионного сита.

Отплывали мы на трехэтажном теплоходе «Надежда Крупская» от причала напротив нынешней площади Победы. Провожали нас торжественно, с музыкой и цветами. Теплоход был битком набит призывниками. Счастье, если удавалось прилечь во время сна. Спали сидя. Кроме нас, вилуйчан, на теплоход посадили десяток человек из Якутска. Более вместить не удалось.

Мы плыли до самого Усть-Кута. Оттуда ехали до Саянска на полуторках. Вот где была адская тряска! Из Саянска по мосту пешком переправились в Иркутск-2, где недалеко от города была сформирована большая мобилизационная база, куда стекались реки, речки и ручейки призывников с Дальнего Востока и Якутии.

В Иркутске призывникам устроили банно-прачечный день. Я, надо отметить, всегда тщательно следил за своей внешностью, любил хорошо одеваться, всегда был опрятен. В ту пору я отрастил чудную шевелюру, которой весьма дорожил. А тут объявили, что всех будут стричь наголо. Про себя я подумал: «Помоюсь-то с удовольствием, а вот стричь себя не дам».

Но порядок из-за моих прихотей никто нарушать не собирался. Молодой лейтенант, не взирая на мое решительное «нет», пошел прямо

на меня с машинкой в руке, как заправский боец. Я увернулся от цепкой хватки, схватил мокрый веник и начал яростно махать им в разные стороны. Когда от веника остались жалкие прутики, схватил шайку с водой и обливал нападающих.

Ловили меня по всей бане, зажали в углу, скрутили и тут же, силой начали сбривать мою густую шевелюру. Я вцепился в шайку, как утопающий за спасательный круг. Я бился в безжалостных руках, крутил головой, ругался на чем свет стоит и по-русски, и по-якутски, отчаянно пинался ногами и махал шайкой. Во время обороны нечаянно заехал лейтенанту шайкой прямо по физиономии. Разумеется, после этого меня скрутили с удвоенными силами. Но тут, на мое счастье, возмутились другие призывники.

-- Вы чего над человеком издеваетесь! – Пробасил рослый мужчина с усами, возмущенно потрясая мокрой шайкой. – Что ж вы его как зверя-то скрутили? Стригите по человечески!

После потасовки в бане меня определили в вагон-карцер. Тут сидели еще пять бедолаг, которые, как и я, выказали дикую непокорность. Везли нас до самого Новосибирска, не выпуская на свет Божий. Хотя вагон и назывался карцером, кормили нас хорошо, давали хлеб, суп и кашу. Все, что положено.

С таких приключений началась долгая дорога на фронт.

Глава 5. Живые скелеты

В Новосибирске пленникам вагона-карцера наконец-то разрешили выйти из вагона. Огромный городской железнодорожный вокзал мне показался сказочным дворцом. Даже в Олонхо¹² не воспевали таких домов! Я вновь и вновь обходил могущественное строение, задираю голову и считал этажи. В Якутске мне доводилось видеть лишь двухэтажные строения, поэтому я никак не мог представить, какой же человек мог жить в таком большом каменном доме! Более просвещенные земляки объяснили мне, что это вокзал, и здесь никто не живет.

Людей на вокзале было много, но я не обращал на них никакого внимания, с жадностью рассматривая внутреннюю отделку каменных сводов. Лишь выйдя на перрон, обратил внимание на странную пару. С виду это были высокие скелеты, обтянутые кожей. Впалые щеки, торчащие из под тонких бескровных губ огромные зубы и печальные глаза без ресниц, ужаснули меня до глубины души. Они были абсолютно лысые, и лишь по платьям я догадался, что передо мной стояли

женщины. Оказалось, что это была группа вывезенных из блокадного Ленинграда девушек. Их эвакуировали в Челябинск. Живые мертвецы – иными словами встреченных незнакомок не назвать.

Я так перепугался, что быстро вернулся в вагон, хотя планировал продолжить экскурсию по железнодорожному вокзалу. Ни увиденные потом на войне настоящие трупы, ни вывернутые кишки, ни оторванные конечности не могут затмить ужаса, который на меня произвели эти девушки-скелеты... «Так, наверное, подумал я, выглядит сама Смерть».

Я еще не знал, что больше полумиллиона ленинградцев умрут в блокаду от голода, что в Ленинграде люди умирают от голода каждый час, что шоферы «Дороги жизни» выбиваются из сил, поставляя продовольствие в осажденный город. Я только сейчас окунулся в войну по-настоящему и первым ее зримым воплощением оказались эвакуированные ленинградки.

Глава 6. Картошка

Едва мы отъехали от Новосибирска, как у меня заболел живот. Поел чего-то холодного, а потом скрутило так, что три дня не мог ни есть, ни пить. Ослаб так, что ноги дрожали, когда я предпринимал попытки подняться. На одной из станций нас, приболевших призывников, отсекли от основной массы. Я успел отдать свои пожитки земляку, чтобы не потерять их в больнице.

Начали нас лечить. Через три дня вроде отпустило, я стал потихоньку выходить на улицу, дышать свежим воздухом. По-русски говорил я очень плохо, потому спросить, куда нас отправят по выздоровлению, не мог.

-- Почему? – Этот вопрос я бесконечно задавал женщине в военной форме, привозившей нам еду.

Она жестами объясняла, что мы находимся в санчасти.

На четвертый день пребывания в лечебнице какая-то неразговорчивая худая женщина посадила меня и еще одного больного на телегу и куда-то повезла.

Наступала осень, было зябко, дул пронизывающий ветер, накрапывал противный мелкий дождь, а на мне была легкая рубашка, какие-то старые штаны, на ногах стоптанные, разваливающиеся замшевые тапочки, сшитые матерью.

Через час езды по тряской дороге нас привезли на большое картофельное поле. На окраине стоял шалаш, куда я поспешил укрыться

от непогоды, лег прямо на сено и свернулся калачиком. Было там еще несколько якутов, худых, изможденных, похожих более на каторжников, чем на призывников. Они, очевидно, тоже отстали от поезда, и находились тут давно. Земляки рассказали, что надо копать картошку. Здесь впервые в своей жизни я увидел такой инструмент, как тляпка.

Вдруг снаружи послышались чьи-то шаги. В шалаш заглянул здоровенный мужчина-кавказец:

-- Стройся! – скомандовал громким басом.

Мы выстроились. Мужчина в форме велел копать, указав фронт работ. Мой напарник вместе с другими собратями по несчастью взяли лопаты и покорно направились к грядкам. А я отказался. Залез в шалаш и лег на затхлое сырое сено.

Кавказец что-то рявкнул и выволок меня из шалаша за ноги. Хотел ударить ногой, но за меня вступилась та самая, привезшая нас на поле женщина.

-- Я воевать, -- на ломаном русском обратился я к женщине. – Картошка копать нет!

Она тоже рассердилась, повысила голос и начала быстро-быстро что-то говорить, показывая то на меня, то на картофельное поле, то на сурового командира. А я твердил все то же самое:

-- Я воевать, картошка копать нет!

Три дня нас возили на огород. Напарник копал, а я упрямо отказывался от работы. Однажды сердитая женщина принесла мне огромные старые ботинки и женское пальто.

-- Одевайся! – сердито крикнула мне и бросила вещи к моим ногам.

Я взял вещи. Когда тебе делают добро, тяжело отвечать злом, но копать картошку я не стал, даже будучи одетым. Я попытался объяснить благодетельнице, почему я не хочу работать. Жестами, ногами, руками я показывал, что проделал огромный путь из далекой Якутии, чтобы воевать, а не копать в земле, как червяк. Не знаю, поняла ли она меня...

Вечером меня в больнице подозвал незнакомый майор, раненный в руку.

-- Это вы Иванов? Садитесь, есть разговор.

Он что-то долго говорил, я молчал. По обрывкам знакомых слов я понял, что он предлагает мне уехать с ним на фронт. Конечно же, я согласился.

На другой день майор, я и еще двое из санчасти поехали на станцию, где сели на поезд. Ненавистное картофельное поле наконец-то

осталось где-то далеко. Так я в очередной раз отвоевал, выгрыз себе право сжимать в руках винтовку, а не тяпку!

Глава 7. Учения

Мы догнали своих в Кургане. Земляки уж и не чаяли увидеть меня в своих рядах. Радости-то было! Не передать словами.

Затем два месяца шли учения. Я был разочарован. Думал, приеду, и сразу кинусь в бой, где буду бить фашистских захватчиков направо и налево... Но вместо этого мы учились ползать по-пластунски, ездить верхом, бросать гранату, строиться, разбирать оружие. Все эти навыки пригодились потом в бою, но тогда, нам, нетерпеливым горячим юнцам, хотелось сразу в самое пекло! Мы считали дни, сучая на учениях...

Хотя какая скука? Гоняли нас, как Сидоровых коз, постоянно шли проверки, занятия и лекции. Ближе к концу формирования привезли старослужащих – сержантов, старшин, просто опытных солдат из ранее разбитых частей, чтобы наша «зеленая» часть была подкреплена опытными, нюхнувшими пороха солдатами. Назначались командиры отделений и взводов, выдвигались отличники боевой и политической учебы. Я в их число не попал, но изо всех сил стремился стать таковым.

По вечерам старослужащие рассказывали о войне, на которую они возвращались. Порой это были страшные байки, но чаще они лекторским тоном объясняли новичкам, что делать при бомбежке, как определять полет мины по звуку, как развести в сырой яме незаметный костерок и прочую окопную премудрость.

В сентябре сформированную 193-ю стрелковую дивизию, в составе которой был наш 685-й стрелковый полк, наконец-то бросили в бой. Вначале выдали обмундирование, а оружием почему-то не снабдили. Повезли нас в город Камышин, что под Сталинградом. Немцы как раз подходили к этому городку, за которым им открывался путь на сам Сталинград. Помыслить о том, что фашисты захватят город, названный в честь Великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина, не могло ни высшее командование, ни рядовые бойцы.

В Камышино нам выдали долгожданное оружие. «Старикам» -- автоматы, а «новичкам» -- винтовки. Интенданты не раздавали оружие каждому солдату, а просто открыли ящики и цинки, отошли в сторону и задымили папиросами. Во время раздачи я, разумеется, выхватил автомат. Как сейчас помню – ПППШ казался немногим смешным: короткий в сравнении с винтовкой, с толстеньким диском, очень

тяжелый, вопреки своему виду...

Старые бойцы, не стали отбирать у меня оружие, а просто велели мне его зарядить. К стыду своему, я не смог справиться с этим заданием и жутко оконфузился. Там довольно хитрая система с диском, не как у винтовки, надо следить при набивании, что патроны не перекосило, и при этом заряжать не до отказа, чтобы пружину не заклинило.

-- Эх вы, вояки, -- смеялись над новобранцами в моем лице бывалые бойцы.

А «новички» покорно стали брать винтовки. В бою надежнее то оружие, которым умеешь пользоваться. Наши якутяне с трехлинейками были знакомы хорошо, а уж охотники-виллойчане с винтовками и в тайге ходили, и по снегу ползали. Мосинка – оружие надежное и простое, доступное большинству призывников. Но она считалась оружием бытовым, а автоматы сразу притягивали к себе своим военным видом и подспудно обещали треск очередей, лихие штурмы и груды подстреленных врагов.

Пришлось и мне на первый раз довольствоваться винтовкой. К ним нам выдали по семьдесят пять патронов, и еще полагалось по пять гранат. Не знаю почему, но я с начала своей службы больше всего доверял именно, гранатам. Помню, в первый тот раз набил ими оба своих кармана, то есть взял больше нормы. Но эта «жадность» никого из «стариков» не возмутила, потому что пользоваться гранатами любят не все и, обычно, используют их в самых крайних случаях. Да и на раздаче этого «добра» было много, в отличие от патронов.

Так вооруженные и взволнованные предстоящей схваткой, настоящим сражением, мы погрузились в небольшие грузовые «студебеккеры» и нас повезли на переправу. Винтовка жгла мои руки, адреналин захлестывал так, что не было даже страха, даже мысли, что я буду убит, как и недопустима была мысль, что выполнить приказ нам не удастся. Впереди меня ждал, я был уверен, только удачный бой, только победа!

Глава 8. За нами Сталинград!

21 сентября мы переправились под шквальным огнем на противоположный берег.

Волга пылала – такое у меня возникло ощущение. На противоположном берегу горели здания, машины, корабли, казалось, вся земля объята пожаром. Воняло страшно. Гарь, сажа, пепел,

пороховая копоть, удушливый смрад горячей солянки...

На нашем берегу в шахматном порядке торчали орудия, залпом стрелявшие в через реку. На берег были перекинута сходня к баржам и катерам, по которым топало пополнение. После заполнения корабли вразброд, чтоб труднее было попасть, отчаливали, маневрируя между всплесками. Гитлеровцы били по реке из всех орудий, стремясь сорвать переправу. Тут и мой полк сошел вниз с горочки, чтобы встать в очередь на погрузку.

Пока плыли, натерпелся страху. Больше всего пугали крупнокалиберные снаряды. Немцы стреляли наобум, но от этого становилось еще страшнее. Свист, выматывающий душу ожиданием, всплеск от входа в воду и грохот с шипением, когда на глади реки вырастал фонтан высотой с приличную елку. От такого огня маневры бесполезны. Попадет, так не доплывешь. Нам оставалось рассчитывать только на удачу.

Не меньше проблем доставляли и минометы. Мины были не так убийственны, но взрывались над водой, жужжа осколками. Взрыватель у немецких мин чуткий, не то что у снарядов, едва коснется чего-нибудь, хоть воды, хоть обломка, готово — взрыв! А осколки у них мелкие, да злобные, прошибают и каску, и одежду, а те, что покрупнее, запросто человека пополам перерубают.

Когда подплыли поближе, услышал пулеметы. Немцы с занятых высот били вдоль реки сквозь дым, пули свистели во всех направлениях. Никогда не забуду и всегда различу по звуку: как пуля врубается в дерево, а как — в плоть.

Переправа... Нет ни зарева осветительных ракет над рекой, ни холодной воды, в которую заходишь по грудь, ни свиста пуль, ударяющихся о воду. По нам били из нескольких пулеметов, минометный расчет и две-три батареи пехотных пушек. Время от времени стреляли вражеские снайперы. В ответ с нашего берега экономно стреляли контрбатарейные установки, чтобы не дать немцам безнаказанно истреблять подкрепление. И со своей задачей они более-менее справились, потери были небольшие.

Высадились, построились. Перед нами стояла задача — отбить у немцев мукомольный завод. Кирпичное здание краснело на пригорке в каких-нибудь трехстах метрах от Волги. Недалеко от заводских мельниц были вырыты окопы, где засели наши. До них мне удалось добраться живым и невредимым.

Немцы сидели крепко. Стреляли непрерывно из двух пулеметов, расчищая все пространство вокруг завода. Оттуда и река, как

на ладони. Не подступиться к ним, чертякам!

Атаковали раз, другой... Бесполезно! Люди на колючке виснут, в воронки падают, косят нас немецкие пули. Пулеметчики пристрелялись, подпустят поближе да как резанут очередью поперек цепи, сразу мертвые да раненые валятся. Немцы с окон стреляют из винтовок да автоматов, да и орудия их поддерживают. Стоит нашей атаке задержаться, как сразу гаубицы бьют, навесом из центра города. Да так точно стреляют, ни недолетов, ни перелетов, все прямо в цель. Корректировщик с ракетой у них на заводе имелся что ли?

Прошли вторые сутки, уж и патронов осталось мало. Много бойцов полегло, была сорвана не одна атака. Вечером наш командир, молодой лейтенант, забыл фамилию, приказал мне и здоровому сибиряку Петру подползти в темноте к осаждаемому объекту и снять пулеметчиков, затем ворваться в здание и забросать немцев гранатами. Идти вдвоем, чтобы было легче прятаться и подобраться поближе. А мы с Петром самые опытные в этом деле, одно слово – сибиряки-таежники!

Придумал он, конечно, хорошо, а вот выполнить задание было практически невыполнимо. Но боевые приказы не обсуждаются рядовыми солдатами. Командир приказал – значит надо выполнить или умереть.

С собой нам дали один ручной пулемет ДП, я был назначен вторым номером, так сказать запасным пулеметчиком. Два диска взял Петр, два – я. Взяв с собой автомат (к тому времени я научился им пользоваться), я пополз за здоровяком.

Ползли хорошо, без звука. Прятались то в воронках, то за телами. Немцы изредка пускали ракеты, но освещали они не очень – дым мешал, а дыма было много, почитай весь город горел. Вот очереди пугали. Постоянно то один, то другой пулемет наугад местность прочешут. Поди догадайся, когда фрицу повезет!

Мы залегли в сотне метров от завода и Петр, который находился впереди меня, начал стрелять. Бил он хорошо, метился как раз в окно, где самое опасное пулеметное гнездо было – и мешками заложено, и сектор обстрела хороший, и пулеметчик мастер своего дела. Из здания почти тут же ответили перекрестным огнем. Я припал к земле, и некоторое время не отваживался даже поднять голову. Пули вокруг свистят, землю перепыхивают, в трупы втыкаются, об железки ricochetят. Вдруг слышу, умолк ручной пулемет. Понял, что-то неладно. Стал потихоньку ползти к месту, где лежал Петр. До самого конца надеялся, что тот еще жив, что у него просто кончились патроны...

Добрался до него я уже в кромешной темноте, немцы еще долго

успокоиться не могли, приходилось по полчаса лежать то тут, то там. Дело оказалось худо. Тело Петра, когда я немислимыми усилиями, каким-то чудом дополз до него, начало коченеть. Немцы, очевидно, подумали, что с наглыми лазутчиками покончено. Изредка тьму снова прорезали дежурные очереди из немецких пулеметов. Из окон завода лилась танцевальная музыка, где-то внутри верещало немецким голосом радио. Очевидно, фрицы отдыхали от боев.

Я еле высвободил пулемет из заковеневших могучих рук Петра. Он был залит скользкой, липкой кровью моего напарника. В этот момент у меня пробежали мурашки по коже. Лежать рядом с трупом, в зловещей мгле было страшнее, чем идти в стан живого врага. Трясущимися руками я, как мог, вытер пулемет от крови и стал отползать от Петра в сторону завода. Задание надо выполнять.

Через некоторое время я подполз так близко к кирпичному зданию, что мог четко различать немецкие каркающие голоса.

Оказался я как раз под окнами, откуда фрицы били по нам из пулеметов. Стал я думать, как быть дальше. Вспомнил про гранаты. Почему-то в голову лезла нелепая мысль: а обрушится ли здание, если я сейчас закину в окно пару гранат?

Раздумывать времени не было, рассвет был недалек, поэтому я, свернув запал и выдернув чеку, забросил в окна сначала одну, потом вторую гранату. Только и успел, что прикинуть к бурьяну. Грохнули взрывы двух осколочных РГДешек, посыпались осколки битого кирпича и стекла. В доме засуетились, забегали, слышались протяжные стоны и крики раненых, кто-то пальнул... Вдруг все разом стихло. Ни шороха внутри, ни звука. Отступили? Затаились?

Лежу я в этой тишине, и вдруг кто-то несильно дергает меня за ногу! Я чуть не вскрикнул во весь голос, до того был напряжен. Сердце куда-то провалилось...

-- Вася, это ты? – послышался из темноты голос однополчанина. Оказалось, что несколько человек добрались-таки до завода, еще на первые сутки, но израсходовав все боеприпасы, залегли вокруг завода, ожидая наступления или благоприятного случая. У меня отлегло от сердца, в голове стало легко-легко.

-- Я. Много вас тут? – спросил шепотом.

-- Есть еще товарищи, -- ответил друг.

-- Надо штурмовать, -- сказал я.

Распределив остатки моих боеприпасов, мы небольшой, но яростной группой ворвались в здание завода. Тихо в здании, не видно немцев. Бросились по комнатам. Бежим. Там и сям раздаются короткие

выстрелы. Патронов у меня меньше десятка в диске – пулемет отдал товарищам, также, как и часть патронов с дисков.

В одной из комнат за полуразрушенной стенкой заметил движение. Толкнул ногой кирпичи, они развалились, а за нею фриц! Впервые я увидел врага вблизи. Мечется в панике, пистолетиком машет. Перепуганный насмерть, руки трясутся, ни прицелиться толком не может, ни остановиться. Стреляет в стены, в пол, застрелиться пытался, но патроны кончились. Потом упал, забился в угол.

А на полу винтовка немецкая с прилаженным штыком валяется. Мне патронов было жаль. Схватил я ее и в самую грудь ему всадил, даже поднимать не стал. Хрустнуло что-то, фриц захрипел, еще сильней свернулся и начал руками за винтовку хвататься. Выдернул я штык и во второй раз всадил ему в область сердца. Как машина, руки, натренированные на учениях, сами острие направили, я даже не думал, просто была смесь испуга, удивления и отстраненности. Брызнула горячая кровь, попала мне на руку. Немец испустил дух.

И тут мне настолько противно стало, что стошнило прямо тут же. Впервые человека убить, пусть даже врага, страшно! А особенно страшно, когда убиваешь не пулей, не гранатой, а лицом к лицу. Выкручивало, как тряпку, давно не ел, аж до желчи дошло. Ноги тряслись, а я на лицо немца не смотрю. Не хочу запоминать. С тех пор мой первый убитый для меня темное пятно. Молодой ли был, старый, толстый, худой – не помню. Как тряпкой из памяти стерло.

Еле взял себя в руки, а тут уже и мои однополчане подошли. Постреляли по комнатам нескольких фрицев. Было их не так уж и много. Основная масса, по всей видимости, успела отступить. Среди наших потерь не было, только раненые.

Выглянул в окно, гляжу, женщина на балконе стоит, прямо в противоположном здании. Ватник, косынка на голове, сапоги. Машу ей – слазь, мол, дура. И тут до меня доходит – зачем нормальной бабе торчать у всех на виду? Стоит прямо, головой вертит, а плечи широкие, не женские, и сапоги странные... Повязка опять же как-то странно повязана, не по-нашему. Окликнул командира, показываю на женщину, пальцем в нее тыкаю, не могу объяснить, что в ней такого. Тот подошел, да отмахнулся было. Вдруг ветер налетел, повязку смахнуло, а там – голова стриженная под ноль! Мужик переодетый, немец!

Я его, как командир подошел, сразу в прицел взял, поэтому, как только повязка слетела, а командир от удивления сматерился, сразу курок нажал. Неплохие у немцев винтовки. Я из трофейной с первого выстрела в голову попал! Немец, как руки вскинул, чтоб косынку

поправить, так и полетел с балкона...

-- Молодец, Иванов, - говорит лейтенант. - Прищучили наконец-то этого корректировщика.

Мне потом объяснили уже, что это наблюдатель фашистской батареи был. Наблюдает, как их снаряды ложатся и комментирует: лево-право-ближе-дальше...

В одной из комнат нашли столовую, где фрицы трапезничали. Повсюду лежала еда, котелки, разбитые бутылки. Две бутылки уцелели. Я обтер горлышко рукавом и попробовал. Вино было сладкое, французское. Выдул махом полбутылки, уж больно жажда одолела, и после убийства плохо было. Голова сразу стала тяжелой, ноги ватными.

Тут подоспели наши с берега. Лейтенант ожидал нашей атаки и сразу же после взрывов поднял подразделение в атаку. Осматривая здание, я нашел шикарную люльку, какую видел в иллюстрациях книги о Тарасе Бульбе. Хотел взять ее себе, но оказалось, что на люльку положил глаз грузин из нашего полка.

-- Дай сюда, кацо, -- сказал он мне, протягивая руку к трофею.

Я обиделся на незнакомое слово, подумал, что он меня обозвал. Позже узнал, что «кацо» по-грузински значит «друг». Но тогда я этого не знал. Бросил люльку и повернулся к грузину спиной.

-- Шелдор, почему ты товарищу трофей не хочешь отдать? -- вмешался командир взвода, наблюдавший эту картину. -- Дай сюда.

Командир отобрал трубку у грузина и подошел ко мне.

-- Как отличившемуся в бою бойцу, дарю вам этот трофей, боец Иванов! -- сказал командир и торжественно вручил мне люльку.

Я бережно положил трубку в вещевой мешок. Трофей! Первый бой. Первый враг. Первый трофей. Все первое, а я жив!

Потом сел за стол и заснул мертвым сном. Шуточное ли дело четверо суток не спали! А первое боевое задание я выполнил!

Глава 9. Жажда

Не знаю, как долго я спал, может несколько часов, а может и несколько дней. Проснулся на рассвете от разорвавшегося рядом снаряда. Первое ощущение – чудовищная жажда. Язык во рту стал, как сухая доска. Губы потрескались, кожа на лице походила на наждачную бумагу.

На окне сидели наши парни, курили. Бои продолжались, немцы, отступившие выше, хлестали оттуда пулеметными очередями, не давая пробраться к реке, манившей своей зеркальной гладью. Воды не

осталось ни у кого во всем здании. По уставу, нам выдавали перед боем стеклянные фляги в матерчатых чехлах. В стране не хватало металла, того же алюминия. Немудрено, что сохранить стекло в пылу сражения не удалось почти никому. Все фляги поразбивались!

-- Кто желает сходить на Волгу за водой? – спросил командир.

Желающих не оказалось. Тогда я решил прогуляться до реки. Терпеть жажду было невыносимо, сидеть в здании как мышь, мне не хотелось. Хоть сам напьюсь, думаю.

-- Я! – вызвался добровольно.

Стал объяснять, что надо найти какую-нибудь посуду. Не в сапогах же я воду принесу! Из семидесяти человек, оказавшихся в здании, около трех десятков якутов было, да только говорить по-русски не умел ни один. На ломаном русском еле втолковали, что надо искать фляги.

У мертвых немцев отыскивали шесть алюминиевых фляжек. Связали их на один ремень, взял я эту связку и с автоматом наперевес вышел из здания, и был тут же обстрелян с занятой немцами высоты, метров двести от наших позиций. Упал на землю. Плачу от досады. Вот она – река, а пройти не дают. Немцы подумали, что я умер, перестали стрелять. Тут я быстро заполз обратно.

Решил выползти из противоположного от них окна и по бурьяну доползти до безопасной зоны. Так и сделал. Выбрался на недостижимое расстояние. В полный рост пошел. Наворочено кругом от жарких схваток! Везде воронки, дохлые лошади валяются, разбитые минометы, развороченные машины, ящики какие-то телеги, ежи противотанковые. Есть, думаю, где укрыться в случае опасности.

Вышел к реке. Дымно на берегу, горит что-то, сильно. Вдруг вижу какие-то фигуры у трупа лошади возятся. Подобрался поближе – наши. Лица черные от копоти, одни зубы блестят, что у твоих негров, а говор наш – якутский. Подлетел к ним.

-- Василий, это ты что ли? – спросил до боли знакомый голос. Оказалось это земляк мой Мишка Иванов с еще одним якутом Корякиным лошадь свежевали. Их части недалеко от берега засели. Провизия кончилась, солдаты были вынуждены есть конину.

-- Эх, и почему я на эту войну увязался! -- посетовал Мишка. – Сидели бы мы сейчас с тобой, Василий, дома, ели бы уху из свежих карасей, а не эту тухлятину!

Но расслаживаться с земляками, и сетовать на судьбу было некогда. Мучила жажда, а на заводе, я знал, ждали изнывающие от жажды однополчане. С берега, где мои земляки свежевали лошадь,

добыть воду не получилось, там разлился мазут. Прошел чуть дальше, но мазутная пленка все не кончалась. Что там было? Топливо для танков везли и разлили? Потонула баржа? До сих пор не знаю.

Тогда я решил войти в реку подальше от берега. Пить хотелось так, что мочи не было. А когда вода рядом, только руку протяни, с ума можно было сойти. Я потом узнал, что такие случаи были. Немцы наших стреляли, когда те, забыв обо всем, бежали к воде в полный рост. Посидишь без воды день, два, обо всем на свете забудешь...

Я снял штаны, ботинки, забрался в Волгу-матушку по пояс, пока мазутная пленка не осталась за спиной. Тут я наконец-то зачерпнул пригоршню чистой речной воды, сначала умыл лицо, потом стал пить, опустив лицо прямо в воду. Постоял некоторое время, потом снова прильнул к водной глади. Жажда все не проходила. Лишь на четвертый раз я облегченно вздохнул, напившись, как мне казалось, впрок на целую неделю. Продрог до чертиков, решил греться движением.

Заполнив фляги до самых краев, стал возвращаться на берег, пытаясь обойти полосу мазута. Так я прошел вдоль берега довольно приличное расстояние. Вышел на берег возле недостроенного кирпичного дома. Стал, не спеша одеваться. Едва надел штаны, как услышал чей-то смех из дома и уже знакомую неприятельскую каркающую речь. В доме засели немцы! По неторопливой, спокойной беседе, смеху, я понял, что фрицы меня не заметили.

Пригнувшись к земле, я бесшумно подбежал к дому. Благо не успел еще обуться. Вначале схватился за автомат, но через мгновение передумал и вынул проверенное в первом бою средство – гранату. Ввернул запал, выдернул чеку. Забросить в недостроенный дом гранату оказалось не сложнее, чем закинуть кусок сахара в чашку с чаем. Раздался взрыв, свистнули осколки, а потом все стихло, даже не стонал никто. Подождав какое-то время, я осторожно заглянул в дом. Четыре фашиста были убиты наповал... Сидели, смеялись, болтали о чем-то – вдруг миг и в окно влетает граната. То-то же, на войне с Тонгсуо клювом не щелкай!

На завод вернулся радостный: принес воду, да еще и немецкую точку ликвидировал, которая с берега косила красноармейцев-водоносов.

Командир чуть не заплакал от радости. В наградном листе, обнаруженном позже в архиве, он написал, что 24 сентября 1942 года боец из Якутии Василий Иванов проявил себя в бою, как истинный герой, ликвидировал две пулеметные точки, организовал штурм здания стратегически важного объекта, уничтожил десять гитлеровцев. За

боевой подвиг, командир, ходатайствовал для меня не много, не мало, а орден Боевого Красного Знамени.

Но в штабе решили, что боец Иванов слишком молод, ему всего восемнадцать лет от роду и на фронте он всего три дня. Зелен еще для Боевого Красного. Решили ограничиться медалью «За отвагу». Подписал наградной лист сам командарм Чуйков. Эта награда нашла меня лишь в 1970 году...

Пока мы ждали подкрепления и вражеского контрнаступления в здании отбитого у немцев мукомольного завода, я регулярно совершал вылазки к Волге и приносил драгоценную воду все в тех же шести трофейных фляжках. Почему я рисковал жизнью? Купаться больно нравилось, и скучно было сидеть без дела...

Глава 10. Пролитый суп

Во время одной из очередных вылазок за водой я направился к берегу с другой, более отвесной стороны. По моим предположениям там было больше укрытий в случае обстрела. Берег был в целом наш, но враг, отошедший вглубь, все еще постреливал, укрепившись на отдельных объектах, расположенных выше. Порой немцы совершали наглые вылазки, обстреливали подходы к реке из автоматов и пулеметов, нападали на мелкие части.

Очевидно, что там, куда я пошел в этот раз, недавно прошло одно из таких сражений. Дыхание реки еще не окончательно разогнало запах миновавшего здесь боя: запах пролитой крови, раскаленного железа, сожженного пороха, развороченной земли...

Далее я пошел с оглядкой. Возле самой реки на высоком обрыве заметил небольшую пещеру. Показалось, что там кто-то есть. Я не успел укрыться незамеченным:

-- Эй, красноармеец! – крикнул мужчина в командирской фуражке, выходя из пещеры. – Ты из какой роты?

У меня отлегло от сердца. Свой! Я представился, как положено перед старшим по званию. Командира я знал. Он был то ли из третьей, то ли из четвертой роты нашего полка, старший лейтенант, еврей по национальности. Веселый был мужик.

-- Пойдем со мной, осмотрим берег, там где-то наша полевая кухня должна быть...

Мы прочесали берег и действительно наткнулись на то, что осталось от раздаточного пункта. Прямое попадание крупнокалиберного снаряда убило возницу, повара, обеих лошадей, разнесло баки с супом и

кашей. На разгромленной кухне я отыскал переносной ранцевый термос с супом, с еще теплым содержимым, немного хлеба. Командир разрешил отнести добычу своим.

Только я надел фляжечную перевязь и положил хлеб в вещмешок, как свистнула пуля над головой. Вторая, третья... Одновременно с командиром мы укрылись за разбитой телегой полевой кухни. Чувствую, что спину жжет, прямо-таки припекает. Попали, гады, прямо в термос, хорошо, что сам цел остался. Начали мы отползать в сторону пещеры. Ползу, а спину ошпаривает уже чуть ли не кипятком, терпеть невмоготу. Горячий суп выливается прямо мне на спину, хотя приготовлен он часы назад. Умели же тогда делать термосы!

Достал финку, перерезал лямки фляги, а бросать драгоценную находку, ой, как не хотелось! Поволок дальше, держа за лямки. Когда выбрались из-под обстрела, открыл крышку термоса, заглянул внутрь. Жижга вытекла, а гуща осталась. И то хлеб! Возвращался к своим я тем же путем, уже в одиночку. Поели-таки тепленького!

Глава 11. Передислокация

На четвертый день я снова ушел к реке за водой. По дороге искал, как всегда, провиант. Вернулся к вечеру, а половины дома заводоуправления, в котором укрепилась наша рота, как не бывало! Видимо, снаряд попал. Нет никого уж в руинах.

Стою, смотрю на развалины в полном недоумении. Как будто разом осиротел. Ни мыслей, ни планов на будущее. Вдруг, слышу, с берега кто-то окликнул:

-- Ивано-ов!

Пошел на зов. Наши! Оказалось, мукомольный завод, пока меня не было, подвергся массированному артобстрелу прямой наводкой, немцы перешли в наступление. Шестерых убило на месте, остальные отступили к берегу, там оборонялись, опять, заняв те окопы, где мы высадились. Потом с новыми частями, стрелки из двух дивизий к нам подошли, отвоевали высоту, ударив немцам во фланг, отрезав мукомольный завод и расстреляв в упор убегающих от него гитлеровцев.

Во время ожесточенной схватки нашего командира ранило в грудь, многих убило, роту едва ли не наполовину выкосило. Зато плацдарм уже не тот пяточок, что раньше! Почти километр до Волги, а соседи и подальше продвинулись. Батареи немецкие оттеснили, теперь они били по берегу, а до реки только дальнобойные гаубицы и пушки дотягивались.

Теперь нам предстояло передвинуться дальше по берегу и отбить у немцев захваченный завод «Красный Октябрь». Заночевали мы на берегу. Утром разбудили стуком в каску: «Строиться». Криками на войне поднимают только по тревоге, если авианалет или враг скрытно подобрался. А так стараешься тихо, чтобы фрицы не насторожились, у них ведь тоже уши есть. А иных бойцов ведь не то, что криками, пинками не добудишься! Спят, как убитые, особенно после беспрерывных боев, длящихся несколько суток напролет. А постучи бойца по каске – лишь мертвый не встанет! Звон до самых мозгов раздается...

Посчитались. Набралась всего одна рота из батальона, с которым я переправился. Приказали перебросить нас к основному полку, вверх по течению Волги и вглубь города, куда немцев отгеснили. Добрались мы до места расположения своих лишь к вечеру. Заняли оборону, заночевали. Утром снова легонько постучали по моей каске, как по кастрюле: «Комсомольцы или партийные есть? Спроси своих в взводе». Я был комсомольцем. Всем партийным и комсомольцам велели спускаться вниз, к реке.

У реки политрук и комсорг организовали небольшой митинг для партийных, на котором озвучили боевой приказ: отбить у врага здание школы, расположенной в трехстах метрах от берега. Оказалось, что вчера немцы, проведя ожесточенный бой, захватили здание школы. Там они оборудовали огневые позиции и, укрепившись таким образом, взяли под контроль переправу. Нужно было во чтобы то ни стало выбить фрицев из здания школы.

Задача была сложная, почти невыполнимая. Партийные солдаты: коммунисты и комсомольцы определялись в состав штурмовой группы сразу, остальных предстояло набрать из добровольцев. К слову сказать, добровольцев вместо партийных было много, но взяли не всех – почти все участники штурма состояли из комсомольцев и коммунистов. Ни один не отказался.

Глава 12. Комсомольское задание

Из комсомольцев сформировали штурмовую бригаду в семьдесят человек. Нам приказали по темноте бесшумно добраться до здания школы и залечь вокруг. По сигналу с берега, увидев две красные ракеты, мы должны были с криками «Ура!» броситься в атаку и забросать здание гранатами.

Тяжелого оружия было мало. В основном вооружены мы были

винтовками. Комсорг нес ДП-27, ручной пулемет, тяжелую такую штуку с блином-диском, мы с Петром-покойником точно таким же воевали, некоторые сержанты имели автоматы ППШ и ППД.

Посчитали боеприпасы. У меня оставалось всего две гранаты, у других было не больше, у кого-то и вовсе нет. Пополнить запасы было неоткуда. Полк оттесняя немцев, растратил боеприпасы. «Ладно, -- думаю. – Хватит». Перед заданием чуток подкрепились, пожевали хлеба, попили воды. Другой провизии в части не оказалось.

До объекта доползли в сумерках. Залегли в каких-то шести-семи метрах от здания. Слышно все: как бабы пленные, стирающие немецкое белье, на протоке волжской переговариваются, как внутри здания немцы ходят. Лежим, не шелохнемся. Стемнело уж, а ракет все нет! Час ждем, второй... Холодно.

Вдруг тишину пререзал крик:

-- Какого черта мы тут лежим, как распоследние трусы!

У одного из наших, судя по голосу, перебравшего для храбрости сто граммов фронтowych, сдали нервы. Деваться было некуда, надо было атаковать и немедленно!

Лежали мы с другом под самыми окнами. По-русски вдвоем хоть и не понимали, а смысл слов, а главное, важность момента, оценили мгновенно. Застучали затворы автоматов, наши поднимались на атаку. Сорвав запал с первой гранаты, я забросил ее в окно, раздался взрыв. В здании забегали, завопили...

Недолго думая, я распрощался со своей второй, последней гранатой. Повернулся к товарищу, хотел забрать у него третью и краем глаза вижу, как в окне третьего этажа что-то мелькнуло. Батюшки-светы, летит немецкая ответная граната-колотушка и прямо на нас. Едва успел упасть на землю и обхватить голову руками поверх каски. Ка-ак шандарахнуло! Я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени пролежал без чувств. Очнулся: в ушах звон, голова тяжелая как камень, глаза, мне показалось, лопнули, ничего не видят и адская боль в левой руке, как будто ее оторвало взрывом. Не чувствую ее вовсе и пошевелить не могу.

Кое-как вспомнил, каким ветром и куда меня занесло. Друга зову шепотом, он не отзывается. Стал правой рукой ощупывать себя. Рука вроде есть, глаза тоже, видимо, не лопнули. Только не вижу ничего. Земля набилась. Догадался-таки, достал флягу, открыл зубами, промыл глаза, огляделся. Светло, как днем, немцы осветительную ракету запустили. Бегают где-то рядом во дворе школы, стреляют. Друга увидел... Лежал ничком без движения. Погиб, сжимая в руке гранату.

Ту самую, которую я у него забрать не успел.

Рядом воронка, маленькая такая, от гранатного взрыва. Мне повезло, что друг ближе к ней оказался – ему осколками сразу почти все тело прошило, гимнастерка была рваная как сетка. А меня накрыло взрывной волной, так и спасся.

Наши комсомольцы вокруг лежат. Все в грудь убиты, к школе рвались, но видать, не дошел никто. И раненых не видно, не слышно. Выжившие когда отступали – забрали.

По уставу я знал, что раненому положено отступать. Но такая меня злоба на фрицев охватила за погибшего друга, что я не мог сейчас отступить просто так, ничего им не сделав! Вынув из руки мертвого товарища гранату, я сорвал чеку и со всей силы швырнул в группу немцев, копошившихся вокруг небольшого миномета и бросился бежать. Успел увидеть, что граната почти перелетела через них, но ударилась об изрубленное осколками дерево и скатилась точно за их спинами. Бахнуло, заорали немцы, но я уже за горкой скрылся.

На крутом склоне оступися, упал и кубарем покатился вниз, едва не теряя сознание от адской боли. Свалился с обрывистого берега прямо в объятия Волги.

Холодная вода прояснила сознание, привела в чувство, но тяжелый автомат, намочшая одежда, сапоги, неумолимо тянули на дно, которое я не мог нащупать ногами. Собрав остатки сил, стал подгрести здоровой рукой к берегу. Силы были на исходе, когда ноги мои, наконец, отыскали твердое дно. На берегу я свалился в изнеможении, задыхаясь и выплевывая воду, которой нахлебался по самые уши. Звон в голове все не проходил. Контузия, точно.

Светало. Переведа дух, я отыскал в своих вещах индивидуальный пакет. С грехом пополам перевязал раненую руку и пошел искать своих – хотелось узнать, что случилось когда я был в отключке, поесть и найти перевязочный пункт.

Глава 13. Левый берег

Я знал, что с ранением надо идти в медпункт, расположенный в землянке на берегу. Еще раньше доводилось видеть знакомый знак -- красный крест. Просто красной краской намалевано на жестянке две полосы. Ставить флаг с указателем нельзя – немцы как будто специально метили по санбатам и медпунктам, по раненым, по врачам. Рассказывали в окопах, как будто был случай, когда «юнгерсы», разбомбив палатки с полковым госпиталем, летали над расползающимися тяжелоранеными,

стреляли из пулеметов. Это у них было как бы развлечение...

В общем, направился напрямиком туда. В медпункте мне промыли руку холодным раствором марганцовки, чем-то обмазали раны, перевязали, поставили укол. Внимательная уже немолодая медсестра положила мои документы в карман гимнастерки: комсомольский билет, красноармейскую книжку и заботливо застегнула на пуговицу. С бумагами лежала справка о ранении и бумажка с надписью «Левый берег».

-- Смотри, не потеряй, -- несколько раз повторила сестричка.

Я не понял, для чего нужна эта бумажка, но расспрашивать не стал. Да и не мог. Рука перевязана, не больно-то и пожестикуюлируешь, а языком еще не владел, чтобы спокойно изъясняться.

-- Иди, -- махнула сестричка в сторону берега.

Посидел я в землянке еще немного, все звон в голове не проходил. Потом вижу, что дел здесь без меня много, раненые все прибывали и прибывали. Некоторым, у кого было легкое ранение, давали такую же бумажку, как и мне. Посидел я так, отряхнул шинель как следует, положил ее в вещевой мешок и пошел в направлении, указанном сестричкой.

Выражение «левый берег» ровным счетом ничего мне не говорило. Название ли это какой-нибудь местности, или просто слова – все это было для меня, как китайская грамота. Знал только, что от своих иду, вглубь советской земли. Причем не там, где я переправился, а выше по течению, где фронт уже сдвинулся на запад. Так было безопасней.

Шел я довольно долго. К вечеру стало холодать, пришлось достать шинель из вещевого мешка. Это говорится легко, а когда рукой пошевелить не можешь, проделать эту нехитрую процедуру нелегко. Пока одевал, аж взопрел от натуги. Пошел дальше. Раненых по дороге встретил немало. Кого-то я обогнал, а иные, более ходкие, сами меня обгоняли. Перевязанные окровавленными бинтами бойцы, шли, пошатываясь, словно тени. Ни бодрых разговоров между собой, ни улыбки на лицах... Слышались лишь стоны от боли, да шорох некрепких шагов...

В каком-то месте догнал я офицера в английской шинели. Молодой такой лейтенантик. Одну руку, раненую, на подставке из бинта несет, а в другой мешок вещевого тащит. Выглядит неважно. Ослабел совсем, судя по виду – весь бледный, потный, шатается как сосны таежные на ветру. Услышав за спиной шорох моих шагов, остановился, повернулся и скривил губы, должно быть, хотел улыбнуться.

-- Друг, помоги до переправы, -- робко попросил меня. Мог ведь

и приказать, как старший по званию...

Смысл его слов я понял. Может потому что слово «помоги» на войне слышишь очень часто, даже чаще, чем «Вперед» или «Ура!». Я взял у него мешок, перекинул через плечо вместе со своим, и пошли мы дальше вдвоем. Непонятно, то ли без мешка лейтенант шибче пошел, то ли я с двумя мешками -- медленней, но пошли мы с ним вровень. Разговаривать нам особо было не о чем. Все равно я не понимал по-русски, говорить по-якутски смысла не было, а жестами объясняться, когда на двоих только две руки, особо не хотелось. Но занятие для утомленного дорогой сознания я все-таки нашел. Шел и ломал голову: «Что такое переправа. Докуда же мне его мешок нести?»...

К ночи прибились к своим, саперный взвод двигался к передовой, ну и встречные раненые прибились. Заночевали. На другой день едва солнце показалось за горизонтом, мы с лейтенантом решили продолжить свой нелегкий путь. Сначала немного поели каши, хлеба с сыром, попили чай с сахаром. Тем саперам спасибо... У нас проверили документы, показали, куда двигаться дальше. И мы снова, еле передвигая ноги, отправились в госпиталь.

Хорошо, что нас догнал небольшой военный обоз с какими-то кулями. Мы на телегу вещи свои побросали, легче стало. Опять же можно стало идти, держась за телегу. Раненому такой обоз в дороге -- большое подспорье, лучше костыля.

Через несколько часов дошли до причала. Река в этом месте немного сужалась. Виднелся узенький дощатый помост, на котором толпились люди, у причала стоял небольшой пароход. Народу -- море! Раненые солдаты, какие-то обозы, беженцы...

Из толпы выделялась невысокая женщина. Вижу, стоит какая-то баба в одной ночной рубашке, плачет навзрыд, голосит! В правой руке сжимает сито, а второй прижимает к груди голого ребенка. Ночью, сказали люди, немцы деревню взяли и начали людей стрелять без разбору. Женщина схватила ребенка и первое, что подвернулось под руку, и убежала в лес босиком. Ночная рубашка да сито, -- вот и все ее имущество теперь...

Мысли о несчастной судьбе беженки прервала тревога.

-- Воздух! -- вдруг зычно крикнул кто-то, и толпа на берегу тут же бросилась врассыпную. В небе показался немецкий истребитель-бомбардировщик «лаптежник», так на фронте их называли, за торчащие неубирающиеся лапы -- шасси. Краем глаза я успел увидеть, как белая рубаха мелькнула возле прибрежного леса -- беженка успешно спаслась. Мы с лейтенантом схоронились под мостом на причале.

Тра-та-та-та, -- засвистели пули. Истребитель, словно промахнувшийся коршун, взмыл обратно в небо и улетел, посеяв страх в сердцах мирных и злобу от бессилия у раненых военных. Скорее всего, у поганого фрица просто кончились боеприпасы, иначе бы он продолжил подлый и бесчеловечный обстрел на берегу... А у нас ни зениток, ни пулеметов, пистолеты офицерские да винтовки у тех раненых, кто посильней. Но попробуй постреляй, если руки забинтованы или голова кружится от контузии! Некоторые стояли-то еле-еле, куда там еще воевать...

Через некоторое время на причале вновь собралась толпа. Раненых было так много, что посадка затягивалась. К пароходу выстроилась длинная очередь. Я от нечего делать достал свою трофейную трубку, закурил. У давшего мне прикурить чистенького капитана в аккуратном картузе, судя по эмблеме с «глистой в рюмке» - медика, заблестели глаза при виде моего курительного прибора.

-- Эй, товарищ, давай поменяемся! – предложил он мне, протягивая свою обычную, выдавшую виды, прожженную советскую трубку, похожую на сталинскую.

Я еле понял, что он сказал. Заметив мое замешательство, подошел мой попутчик. Растолковав мне, что капитан хочет мою трубку, он начал торговаться. Оказалось, что в моем лейтенанте погиб приличный торгаш! Вроде не еврей, но талант у человека был огромный. Он громко убеждал, горячился, играл на чувствах капитана, нахваливая мою трубку, даже о ране забыл на какое-то время. В результате ему удалось выторговать у медика порядочный набор продуктов. Условия лейтенанта были таковы: та самая «сталинская» трубка, две буханки хлеба или четыре котелка сухарей, четыреста граммов сыра или масла и три больших куска сахара. Дорого оценил.

Медицинский капитан махнул рукой, взял мой вещевой мешок и куда-то ушел. Через полчаса принес мой мешок обратно, набитый сухарями, сыром и сахаром (хлеба не дал), взял мою трофейную трубку, дал взамен свою и ушел, явно довольный состоявшейся сделкой. Я, в общем, тоже был не в претензии, все честно, ну, а меня в данный момент больше еда волновала, чем трофей.

Мы с лейтенантом поели, покурили, запили водичкой из Волги. Во время быстрой трапезы, путая русские слова и якутские, я кое-как спросил у лейтенанта:

-- Что такое «Левый берег»?

Капитан понял. Показал на Волгу. Потом на землю под нами, свою правую руку и сказал:

-- Это правый берег.

Затем указал на противоположную сторону и свою левую руку:

-- Там левый берег.

Я все понял. Значит, мне надо было переправиться на противоположный берег, а эта бумажка, выписанная заботливой медсестрой, была всего лишь пропуском для переправы на таком вот пароходе, куда я в очереди стою. Как я жалел, оказавшись на фронте, что ловил ворон на уроках русского языка в школе!

-- А что такое «переправа»? – Я еле выговорил это слово, чем-то созвучное со словом «берег».

Лейтенант показал на пароход, потом подумал и решил сделать проще. Нарисовав прутиком на земле реку, пересек ее пунктирной линией до нашей земли:

-- Переправа.

Пока торговались, потом ели и разговаривали, наша очередь подошла. И ведь не сбилась ни разу, не затормозилась, как это было в мирное время. Строго, чинно, дисциплинированно – ни мата тебе, ни ругани. Поплыли мы на левый берег.

Глава 14. СЫМЫТ

Вспоминая о бойком бартере на причале за трофейную трубку, забегая вперед, расскажу еще один курьезный случай, который произошел со мной уже намного позже. Хочу поведать как мне снова довелось поторговаться...

Было это после очередного ранения. Выписавшись из госпиталя, я ожидал дальнейшего распределения в часть возле города Калач, уже на Украине. Был там новосибирец по фамилии Говоров. Бойкий мужчина, называвший меня земляком.

-- Ты северянин, я сибиряк. Земляки мы! – говорил он, обнимая меня своими могучими руками.

Кормили бойцов на пункте хорошо. Даже селедку давали, точнее в основном селедку с кашей. Мы на первых порах ее ели в охотку, а потом уж ни вида, ни запаха терпеть не могли. Шуточное ли дело – каждый день на столе селедка! Но другого ничего не было. Приходилось есть приевшуюся рыбу, не выбрасывать же.

До самого Калача было верст пять от нашего сборного пункта. Мы на небольшом хуторе жили. Там, мы знали, был рынок чуть ли не с трех деревень, где за продукты можно было выменять все, что душа пожелает. Но поскольку долгосрочные вылазки противоречили уставу,

мы в Калач не ходили.

Но вот у нас кончился табак. Паек дают, а табака нет. А солдатам без курева тяжело. Привыкаешь к этому вредному делу, хоть и опасно, и противно, и мучаешься без табака. Но курить всем хочется, неумоготу, а табака нет. Хоть селедку кури!

-- Ты, земляк, сходи на базар в Калач, -- подозвал меня как-то Говоров. -- А мы тебе селедки накопим. Всем кагалом скинемся, чтоб побольше наменял ты табачку.

На постое было скучно. Делать нечего. Я в свободное время помогал хозяевам, старался не бездельничать, разминал тело, чтоб поскорее забыть о ранении.

Может это мое рвение – вечно двигаться, расположило ребят к тому, что в Калач должен отправиться именно я. Поскольку делать мне все равно было нечего, я без лишних вопросов согласился съездить с деревенскими на рынок. Не пешком же, на лошади! Так до первого же патруля доедешь и все, привет, «губа». Собрали мне ребята опостылевшую всем селедку, и поехал я торговать...

Народу на базаре было много. Кто живность продавал, кто молоко, кто яйца. Всякой рухлядью торговали, меняли керосин на сапоги, а патроны на муку. Деньги всякие разные – рубли советские, купоны для оккупированных областей. Но я деньгами решил не разбрасываться, строго был нацелен именно на бартер, как сейчас модно стало говорить. Я без труда нашел женщину, стоявшую с мешком самосада. Показал на мерную чашку чуть поменьше чайной, вынул из своего мешка селедку. Женщина кивнула головой.

Немая сделка состоялась. Я высыпал три чашки нарезанного табака в специальный мешочек, в свой кисет тоже немного, отдал женщине пять рыбок.

У меня оставалось еще три селедки. Женщина кроме самосада продавала лукошко яиц. Увидев чистенькие, ровные кругляшки (в детстве мы часто воровали гусиные и утиные яйца из гнезд, чтобы полакомиться ими) мне вдруг страстно захотелось отведать яиц. Но я не знал, как по-русски будет «яйцо».

-- Мне надо сымыт¹³, -- сказал я женщине.

-- Чего тебе, касатик, надо? – переспросила она.

Я показал на яйцо. Женщина кивнула и показала на мои три селедки. За них она предлагала мне пять яиц, растопылив пять пальцев на руке. Я помотал головой и показал десять пальцев, потом на яйца и положил перед ней три селедки.

-- Ладно, бери, -- улыбнулась женщина. То ли правда цена

устроила, то ли над красноармейцем сжалилась.

Я бережно положил яйца поверх табака и потом всю дорогу трясся над драгоценным приобретением до самого дома, что твоя наседка. Табак я отдал ребятам, а яйца отнес хозяевам, у которых мы остановились. Как бы в благодарность...

-- Яйца? – удивилась хозяйка.

Так я узнал русское название яиц, и больше не называл их якутским словом «сымыыт». Зато поел яичницы, большой такой, на всю сковородку.

Глава 15. В госпитале

Вернусь к Сталинграду. Переправились на левый берег. Оказалось, что вода к этому времени сильно спала. Чтобы не сесть на мель, пришлось плыть до берега на катере. Стали искать белую палатку с красным крестом. Людей спрашивали, сами головами вертели. Через некоторое время дошли до медицинского пункта.

В палатке пахло медикаментами и болью. Страшный запах, хуже чем на войне: карболка, кровь, хлор и сладковато гнилью пахнет. Сновали усталые люди в белых халатах, ковыляли всякие разные раненые – кто на одной ноге, кто вслепую, с замотанной головой. Медики сняли перевязку с моей руки, и начали, что меня удивило, нюхать рану. Как-то выглядело это... по нашему, не по-медицински.

-- Начинается гангрена, -- сказал врач. Это слово мне было незнакомо, потому я даже не испугался. Знал бы я, чем мне грозит это странное рычащее слово...

Опять промыли мою руку в растворе марганцовки, опять кололи уколы. Было жутко неприятно смотреть на свои раны. Мой большой палец распух и походил на гнилую картофелину, двигать им было невозможно. В пальцах застряли осколки. Лицезреть собственные гниющие мышцы, сухожилия было зрелищем малоприятным. Пока медики обрабатывали раны, мой лейтенант их о чем-то расспрашивал. Причем было видно, что лейтенант недоволен, но сдерживается.

С питанием в медпункте, очевидно, были сложности. Нам предложили лишь кипятку, а так даже каши не было. Когда мы достали из моего вещмешка хлеб, кусок сыра, сахар, утомленные лица медиков посветлели. С едой управились в два счета. Столовались они в несколько приемов, пока кто-то ел, кто-то находился у раненых, потом менялись. Как оказалось, с утра никто не ел.

Из медицинской палатки нас отправили в местность Эльтон, где

располагался дивизионный госпиталь. Опять же пешком, машины и телеги были заняты тяжелоранеными. До пункта назначения мы добрались лишь вечером. Сам Эльтон оказался просто растолстевшей, как я подумал, железнодорожной станцией, откуда можно было отправлять составы с ранеными.

В госпитале не оказалось лежачих мест, раненые лежали даже во дворе. Мы нашли себе уголок, постелили на земле брезент и устроились ночевать прямо под открытым небом. Я настолько устал, что лег и сразу провалился в бездну...

Ночью проснулся от резкого тычка лейтенанта в плечо: «Бежим, Вася!». Ревели сирены, где-то гудели поезда, а я спал, как убитый, и даже не слышал сигналов тревоги, не ощущал толчков от взрывов. Немцы бомбили станцию и госпиталь! Мы побежали, не разбирая направления, прочь, подальше от авианалета...

Вокруг грохотало, выл воздух под осколками, где-то на станции захлеб частили зенитные скорострелки. Скоро спины озарились заревом пожара, вокруг метались ошалелые раненые и медперсонал, кто-то кричал высоким голосом, слышались команды. Видел палатку, откуда бегом на носилках зараз по два-три человека лежачих раненых вытаскивали медсестры. Маленькие, тоненькие, а ведь поднимали бугаев, каждого под сто килограмм, да еще по двое.

Остановились мы с лейтенантом лишь, когда оказались на большом лугу. Здесь стояла непривычная после бомбежки тишина. Узкая дорожка уводила куда-то в лес, деревня Эльтон с госпиталем и станцией осталась позади. Что делать? Возвращаться? Но там по прежнему грохотало, видимо, пошла вторая волна бомбардировщиков. Лейтенант, во время краткого перекура, предложил:

-- Надо оставить дорогу. Пойдем дальше лесными тропинками. Так будет безопаснее.

Так и сделали. Шли мы долго, молча, прислушиваясь к каждому звуку. К утру вдаль показались огоньки. Когда мы добрались до какого-то колхоза, уже светало. На ферме были наши солдаты, кавалеристы, почти два эскадрона. Мы лишь представились, кто мы, откуда и сразу заснули на мягком ворохе сена.

Проснулся я от смачного похрустывания совсем рядом. Причудливое животное, похожее на корову, лошадь и еще на кого-то еще, жевало сено прямо над моей головой. Оказалось, как мне потом растолковал лейтенант, это был верблюд. Нам дали немного молока и по кусочку хлеба, кавалеристы напоили чаем. Когда мы подкрепились, а эскадроны ушли на запад, подошла молодая женщина из местных. Она

сказала, что отвезет нас в местность Красный Эстон, на ближайшую станцию, следующую за той, которую ночью разбомбили.

Повезли нас на том самом верблюде, жевавшем сено. Запряженное в арбу животное двигалось медленно, неохотно. Наверное, он хотел стоять себе на ферме рядом с охапкой сена, а не плестись с тяжелой повозкой в неведомую даль. Погонщик – молодой парень, тоже из местных, ругал скотину последними словами. Но на верблюда брань не возымела никакого действия, как и пинки по ляжкам. Тогда раздосадованный парень начал хлестать его между ног гибкой розгой. Такой поворот событий пронял толстокожее животное. «Караван пустыни» повернул к парню голову и... плюнул ему прямо в лицо. С чувством исполненного долга верблюд взял и улегся прямо на дорогу.

Женщина нагнала нашу телегу и накинулась на бедного парня, залепленного слюной по брови:

-- Ты зачем скотину бил, ирод?! Теперь ведь заупрямится и не пойдет дальше!

Затем она начала ворковать над верблюдом, будто он был не верблюд, а по меньшей мере падишах. Женщина гладила его по шее, уговаривала, как капризное дитя. Ласку подкрепила угощением - женщина сунула что-то верблюду в рот, он начал медленно, словно снисходя, жевать. Через полчаса животное медленно поднялось и величаво тронулось в путь под одобрительные возгласы женщины. Но скорость движения все равно была невысокой.

Таким образом, мы едва успели на санитарный поезд, отходивший вечером от ближайшей станции. На станции нас пересадили на носилки и отнесли в вагон. Поезд тронулся. Женщина с верблюдом помахала нам вслед платком...

Утром в поезде дали завтрак: кашу, сгущенку, по банке на брата. К обеду мы уже приехали в Саратов. Местный госпиталь оказался больше тех, что нам приходилось видеть до этого. Процедура была мне знакома. Врачи снова нюхали мои руки, снова чем-то их мазали и кололи. Меня определили к легкораненым, в первую группу. Моему попутчику повезло меньше. У него были оторваны несколько пальцев. Раненая рука начала разлагаться, грозила ампутация кисти, а может, даже руки по локоть. Потому далее нам было не по пути. Лейтенант только тяжело вздохнул на прощание.

-- Эх, Вася, жаль, что расстаемся. Мы бы в Куйбышеве у моих стариков погостили...

Нас рассадили в разные полуторки, и больше лейтенанта я не встречал. С таким ранением вряд ли он остался на фронте. Иногда

думаю, как у него в Куйбышеве жизнь сложилась?

А меня привезли в большой каменный дом с палатами для разных раненых, где я пробыл около месяца. Раны заживали медленно. В госпитале было нестерпимо скучно, хотелось поскорее вернуться на фронт. Из курса лечения запомнилось только то, как нам ставили уколы и почему-то иглы у медсестер всегда были тупые. Сводки Совинформбюро воспринимались как радость, но мало их было, от случая к случаю. Вот мы и мучились безвестностью и бездельем...

Когда раны начали заживать, я по совету врача, ездил на улицу Чапаева к какому-то известному саратовскому массажисту. Жил он на квартире, был гостеприимный, но вечно занятый – все время было расписано такими, как я. С его помощью я начал сгибать и разгибать пальцы. Осколки от гранаты частично вынули или вышли сами, а некоторые остались со мной на всю жизнь. Иногда я нащупываю их в кисти и вспоминаю саратовский госпиталь, лейтенанта, с которым прошел путь до лечебницы, бой, в котором получил ранение...

Глава 16. Побег на передовую

Октябрьский праздник 1942 года отметили в Саратове. Потом из госпиталя меня вместе с другими выздоравливающими бойцами определили в запасной полк, расположенный в Татищеве.

Под овощехранилище, оказалось, приспособили казармы. Условия здесь были убогие, опустошенные комнаты порой не имели мебели – зато сена давали в избытке. Кормили нас одной перловой кашей, все лучшее шло на фронт, тылу тогда приходилось туго. Одежды не выдавали, а я после госпиталя остался в одной гимнастерке с пилоткой. Шинель потерялась еще в Саратове, при пересадке, а взять новую было негде. Банно-прачечный день в субботу делали, помоешься – и снова ту же форму надевать, сырую – если постирал, или грязную, если не захотел. Надоело нам в запасе маяться, а распределения все не было. И новостей никаких, даже динамика не было в овощехранилище. Лежим, будто мы картошка в подвале, и как будто забыли про нас.

Был у нас младший лейтенант по фамилии Сидоров. Живой такой, шустрый. Когда его допекло, он побегал, подсуетился, что-то поузнавал в штабах. А у нас с ним кровати рядом стояли. Как-то вечером он у меня шепотом и спросил:

-- Слышь, Вася, ты воевать хочешь?

Я кивнул.

-- Коли хочешь, поехали со мной. Я узнал, что рядом с нами

дивизия расположена, ее на фронт должны перебросить. Туда и подадимся. Только ты это... Никому не говори о уговоре. Понял? А то под трибунал пойдем, за самоволку.

Я кивнул во второй раз. Согласиться я вроде как согласился, но в голову полезли всякие мысли. Переживал я из-за того, что не смог лейтенанту о своем друге рассказать.

Дело в том, что я в Татищево встретил земляка из Якутии, он в лыжном батальоне был. Мы подружились, долгими вечерами разговаривали на своем языке. Теперь же получалось, что я уеду с лейтенантом на передовую, а его оставлю здесь в полном неведении, на голодном пайке, в ожидании неизвестного будущего... Так делать не годилось. Потому я решил на свой страх и риск взять земляка с собой. Пусть лейтенант ругается, авось не попадемся!

В назначенный день мы встретились на проходной. Лейтенант, увидев, что я не один, к моему удивлению ругаться не стал. С ним было еще три человека. Один офицер - младший лейтенант и два солдата, оба молодые совсем. Он коротко изложил план. Показываем предварительно выписанные увольнительные, выходим двумя группами, будто прогуляться, и идем на станцию.

Мы перевязали друг друга, потому, как дежурные на проходной на человека в бинтах особого внимания не обращали. Куда, наверное, думали, раненый денется...

Мы спокойно перебрались через проходную и, следуя плану лейтенанта, махнули на железнодорожную станцию. Там забрались на отходивший тендер с паровозом и стали радоваться, как дети, что удалось сбежать. Но потому как все были легко одеты, в скором времени стало не до веселья. Закоченели как собаки. зуб на зуб не попадал, ветер еще такой степной, до костей пробивает. Прибились мы друг к дружке и так, в обнимку доехали до какого-то городка.

Это была станция Артищево. Теперь надо было незаметно покинуть поезд и пробраться в ближайшие части. С поезда мы благополучно сошли, но не успели даже осмотреться, как нарвались на караул:

-- Стой! Стрелять буду!

У меня аж сердце в пятки провалилось. «Эх, -- только успел подумать. – Не видать нам передовой, как своих ушей!»

С конвоем за спиной мы пришли на вокзал. Офицеров увели к начальству, а нас поместили в какой-то подвал и заперли снаружи. В подвале было тепло и сухо, опять же сено лежит. Мы без разговоров улеглись спать. Ну и выспался я тогда, как будто на самой мягкой

постели. После сырого овощехранилища и ночи в холодном поезде, подвал мне показался самым уютным местом на земле.

Через какое-то время меня растолкали приятели. Оказалось, что принесли покушать. Дымилась горячая каша с мясом в котелке, рядом лежал ломоть хлеба на каждого. Давно мы его, родимого, не ели, потому показался он вкуснее всех бисквитов.

Вдруг вновь загремел засов. Мы с интересом ждали что же нам принесут на сей раз.

-- Может еще кофейку нальют? – пошутил один из беглецов.

Но в подвал спустился наш младший лейтенант. Он переоделся, был подтянут и весел, побрился даже. Мы сразу и не признали в нем зачинщика побега.

-- Дорогие товарищи гвардейцы! – Гаркнул лейтенант во весь голос. – Вы вошли в состав сто тринадцатого полка тридцать восьмой гвардейской дивизии! Я назначен командиром нашего разведвзвода. Вы теперь мои разведчики!

Неожиданная счастливая развязка истории с побегом опьянила нас не хуже крепкой водки.

-- Уррааа! – грянули все вместе. Вот и был наш ответ на заявление новоиспеченного командира. Пусть снова на фронт, под пули и снаряды, но воевать, а не отсиживаться в тылу, как овощи какие-то. Дело впереди, дело правое.

Глава 17. Разведчики

Лейтенант сказал, что нас отвезут в расположение дивизии в деревню Михайловка. Радостно переговариваясь, мы покинули теплый подвал и сели в ожидавшую полуторку, с минами для дивизии. На четверых нам выдали две шинели.

-- Не горюй, робя, -- утешительно пробасил провожавший нас пожилой солдат. – На месте вам выдадут полное обмундирование. Вы уж потерпите как-нибудь, у нас у самих не густо с вещами.

На дворе ноябрь месяц, уж снег всюду, а мы в полуторке трясемся. Уж не чуяли как живы добрались. Даже в родной Якутии зимой мне не доводилось так мерзнуть. Ветер этот степной опять же, век бы его не вспоминать и не видеть...

Приехали в Михайловку. Как вошли в теплую избу к штаб полка, так не сразу голос проявили. Думал я, что все, хана нам пришла! Воспаления легких ждал.

Но пронесло... Выспались в теплой избушке. Два дня нас не

трогали, ничего не поручали. Только кормили усиленно. Обошлось все. Ни один из нас даже не чихнул. Оправились...

На третий день обмундирование выдали полностью. Переоделись мы и сразу бравыми гвардейцами заделались, хоть сейчас на парад. Ходим и друг на дружку поглядываем. Жаль, большого зеркала не было, чтобы на себя полюбоваться. И фотографа, снимок сделать.

Потом началась учебная часть с разведывательным батальоном дивизии. Нас учили помимо стрельбы и метания гранат управляться с ножом, главным оружием в разведке. Мы научились метать ножи, узнали, как финкой нанести удар точно в сердце, чтобы вражеский часовой и пикнуть не смог... Как ходить бесшумно, сигналы друг другу подавать, ползать, не оставляя следов... Премудростей в разведке оказалось превеликое множество. Но учились прилежно, это не школа, тут экзамены немцы будут принимать, пулей отметки ставить.

Кормили нас, как на убой. На спецпайке все окрепли, подтянулись, зарумянились, мускулы проявились боевые. В свободное время ребята все больше шутили, баловались, дурачились друг над другом. Настроение у всех появилось, будто бы не на войне, а в студенческом общежитии находимся, на субботнике.

...Был у нас здоровый украинец по фамилии Корчагин. Косая сажень в плечах, руки, как лапы у медведя... А я был полный антипод Корчагина: маленький и тощий, один нос да жилы. По этой причине этот самый Корчагин мне житья не давал. Подойдет внезапно, схватит в охапку, как ребенка малого, поднимет к потолку, иной раз еще и подбросит раза три-четыре.

-- Эх ты, шпингалет! – Смеется, зараза! Ему смешно, а мне обидно. Но ведь с кулаками на такого не полезешь! Да и за что? За то, что шутки у человека дурацкие? Я лишь недовольно бурчал на его шалости и норовил увернуться, когда Корчагин ко мне подходил. Недолголюбивал я его. Парни смеялись над нами и лишь саратовец Сидоров, моряк, прошедший сквозь ад обороны Севастополя и оставивший там почти всех своих товарищей, иногда журил Корчагина:

-- Да оставь ты парня в покое. Самого бы тебя эдак!

Так доучились мы до знаменательного дня, когда нашей дивизии вручили Боевое Красное знамя. Мы, надраили сапоги, выгладили мундиры в честь такого события. В честь торжества приехали какие-то генералы из штаба фронта. Был большой праздник, на котором вручили ордена и медали отличившимся разведчикам. Нам вручили новые гвардейские значки с Красным знаменем и обновили записи в красноармейских книжках. Мы стали красногвардейцами! Большой

гордости я в своей жизни еще не испытывал.

Глава 18. Из последних сил

...Примерно через неделю нас собрали, посадили на поезд. Доехали мы до станции Филоново. Оказалось, что опоздали на пересадку, поэтому от станции пришлось топтать пешком до самой Воронежской области, до следующего узла.

Холодно, уже зима наступает. Тяжело идти, а когда к вечеру снег повалил, вовсе плохо стало. Не идем, а еле ноги передвигаем. Снег глаза лепит, ветер подкашивает... Отстали мы от своих. Прилично эдак. Всю ночь шли, а не нагнали.

К утру только увидели своих. Отдельно от бойцов нас дожидался сам командир полка. Мы прибавили ходу. Комполка ругаться не стал, а только злобно рявкнул на нашего лейтенанта Сидорова: «Что же вы за разведчики, если в хвосте плететесь?!». Покраснел наш командир, глаза опустил, только слышно, как зубами заскрежетал. Обидно нам стало. Бегом побежали. Впереди всего полка, разведчицкий форс проявляли. Двое наших парней через какое-то время свалились от усталости и не поднялись. Их потом в полку подобрали, но назад в разведчики не попали, стали обычной полковой пехотой...

У меня разрывались легкие. Ноги сделались непослушными, тяжелыми, как будто бы чугунные сапоги надел. Глаза не разбирали дороги, а надо было бежать и бежать. Вперед и только вперед! Уставившись в спину бежавшему впереди меня бойцу, я лишь старался не потерять ее из виду. В голове пульсировала жилка, и казалось, что сейчас что-то там взорвется... Тяжелый, сырой и холодный воздух обжигал дыхательные пути. Вот-вот, казалось мне, я упаду и умру. Вдруг пристрелят – комполка уж больно сердитый был на нас! Только эта мысль гнала меня вперед, заставляя продолжать безумный марафон. Снежный ад! Другого слова для этого марш-броска подобрать невозможно.

Я не помню, как, но пришел конец и этой гонке. Мы пробежали большой луг, тяжело дыша, добрались до леса, а затем вышли к Дону, к станции. Привал! Какое счастье -- просто остановиться! Какая улада -- перевести дух! Мы дошли. После трудного пути нам, разведчикам, дали два дня на восстановление сил. Большую часть этого времени мы спали, пока ехали в поезде.

Глава 19. Трус

Передовая была совсем близко, как мы высадились из поезда. За эти два дня пехота прошла вперед и залегла за Доном, заняв оборону. На линии фронта шли ожесточенные бои, немцы пытались скинуть наши части обратно в Дон, наши сопротивлялись и расширяли плацдарм. Здесь и ожидало меня первое боевое задание в качестве разведчика.

Как только наша дивизия заняла место потрепанной в предыдущих боях, меня и того самого здоровенного украинца Корчагина вызвали в штаб полка и велели отправиться на передовую, к головному батальону, разведать обстановку, количество орудий и машин в зоне действия полка, какие построили немцы укрепленные точки, а потом вернуться с подробным докладом. Поиск предстояло провести тихо, только наблюдение, без вылазок за линию.

С Корчагиным идти на боевое задание мне не хотелось, но приказы, как известно, не обсуждаются. Мне дали карандаш, велели найти бумагу, на которой надо было записать добытую информацию. Найти бумагу в части было сложно. Немного подумав, я выпросил на полевой кухне обертку от пшенной крупы. Разгладил, сложил и спрятал в обшлаг рукава шинели. Туда же положил карандаш и зеркало, с помощью которого можно незаметно разведать обстановку из-за укрытия или подать своим сигнал зайчиком, если надо.

По пути Корчагин молчал, да и я не отличался разговорчивостью. Был он угрюм, не весел, вопреки своему обычному состоянию. Хоть «шпингалетом» не обзывал... Долго ли шли или кротко, дошли до большого поля, на котором чернели, будто свесив головы огромные, неубранные подсолнухи под снегом. За ним находился мост через Дон, а за рекой тянулась линия фронта. Громыхало...

Едва мы ступили на мост, как над противоположным берегом вынырнули два истребителя: наш, ЛаГГ-2 и немецкий «мессер». Немец летел к мосту, а наш заходил ему в хвост, пытаясь помешать разбомбить переправу. Словно две огромные хищные птицы они кружили над рекой, пытаясь сбить друг друга. Пока я наблюдал за зрелищным сражением, отчаянно переживая за нашего летчика, мой попутчик куда-то пропал. Заметив отсутствие Корчагина, мне стало уже не до воздушного боя, который тем более сместился южнее. Куда мог подеваться мой напарник в самый важный момент? Что я скажу в штабе? Что потерял товарища по дороге?

-- Корчагин! Ты где? – несколько раз крикнул я по-русски, озираясь кругом. Никто не отзывался. Потом я внезапно подумал, что Корчагин, возможно, ждет меня на противоположном правом берегу.

Стремглав бросился бежать по мосту.

На правом берегу я опять выкрикивал фамилию своего напарника, но снова не дозволялся. В отчаянии я взбежал прямо по сугробу на горку возле реки, оглядел близлежащую местность. Пусто было на берегу. Ничего напоминающего здоровую фигуру Корчагина. Чуть поодаль темнели землянки передового батальона, но мне и в голову не могло прийти, чтобы Корчагин спрятался от меня там. Постояв в раздумьях некоторое время, я решил оставить тщетные поиски. Корчагин исчез. Возможно, сбежал. Других вариантов у меня не было. С горки я увидел вдали чернеющие впереди окопы.

Вот она цель – передовая, рубеж нашего батальона. Надо было добраться до них. Короткими перебежками, местами переползая попластунски, я добрался до цели.

-- Стой, кто идет! Кто такой? Куда идешь! – встретил меня часовой, щелкнув затвором винтовки.

-- Я разведчик, -- коротко бросил ему. Представился. Меня без лишних расспросов проводили в штаб батальона.

Там меня снабдили сведениями о разведанных проходах в минных полях, о наблюдателях, о засеченных наблюдательных пунктах. Потом я выполз в окопы, поползал между воронками на нейтральной полосе, не приближаясь к вражеским позициям. Мне помимо указанных в штабе батальона удалось разглядеть еще один пулеметный ДЗОТ и большое скопление противотанковых ежей в лощинке, густо заплетенных колючей проволокой. Если бы наши пошли в наступление по этой лощине, то ни танки, ни пехота ее бы не прошли.

Разведав всю необходимую информацию, и тщательно записав ее на оберточной бумаге, я направился обратно. Данные нужно было донести как можно быстрее. До моста я добрался благополучно. Встретил наш первый взвод, направлявшийся на передовую. Спросил у знакомых, не видели ли они Корчагина. Никто его, оказалось, не видел. Ребята протопали вперед, я продолжил свой путь.

Едва я дошел до моста, как из одной из землянок, что я видел на берегу, потягиваясь и зевая, вышел мой Корчагин. Целый и невредимый, красавец наш широкоплечий! Видать, выпался, зараза, пока я на передовую ходил! Как не пропустил меня, караулил, что ли? Глаза протирает и на меня исподлобья косится:

-- Скажешь кому, задушу, шпингалет. Понял? – и голосом, и всем злобным видом Корчагин показал мне, что намерен выполнить свою угрозу, если я проболтаюсь. Я промолчал. Сплюнул только Корчагину под ноги и пошел вперед. Этот трус без всяких сомнений мог

убить меня и здесь, а вот я его – рука не поднималась.

-- Ну, Вася, рассказывай. Что там видел на передовой? – уже более миролюбиво и заискивающе спросил у меня Корчагин, нагоняя и заглядывая в лицо.

Я рассказал... Про себя подумал, хватит ли у него духу доложить в штабе, что он ходил на передовую? Мне, кстати, он насчет своего поведения слова не сказал.

Да и что тут скажешь?

Наглости этому солдату было не занимать, в отличие от совести. По мере приближения до нашей части он становился все веселее, увереннее, начал балагурить. Расправились плечи, грудь вздымалась колесом... Глядя на его преображение, мне хотелось только одного. Больше никогда не ходить с ним в разведку...

В штаб Корчагин вошел первым. Bravo отдал честь и выпалил все, что узнал у меня. Даже глазом не моргнул.

А я? Я не стал его выдавать. Подумал, что рано или поздно трусость Корчагина всплывет и без моего участия. А так как нас было всего двое, никто бы в тот момент не подтвердил моих слов. Кто бы поверил, глядя на такого бравого здоровяка, что он трус, да еще с такой героической фамилией?!

Поэтому и промолчал.

Рапорт начштаба полка принял, похвалил за оперативность. Корчагин буквально расцвел. Сидоров расцвел тоже, командиру приятно, когда его подчиненных хвалят. Наши данные легли на карту и пошли в штаб дивизии для определения целей.

...Через пару дней нам снова дали задание. На сей раз надо было не просто сходить в разведку, а взять «языка», желательно офицера, но сойдет и солдат. Идти на дело нам предстояло впятером. Мне, Корчагину и еще двоим разведчикам рядовым, старшим над нами назначили сержанта Калибулина. Улучив подходящий момент во время сборов, я подошел к сержанту и говорю:

-- Давайте оставим Корчагина. Я ходил с ним на задание. Скажу прямо, трусоват наш Корчагин.

Я вкратце рассказал о его поступке. Калибулин, сам матерый ветеран, посмотрел на меня долгим испытывающим взглядом, словно хотел удостовериться, что я не вру.

-- Ладно, пусть идет. Там и посмотрим, -- был его ответ.

Пришлось снова идти с этим трусом. Через Дон перебирались по тому же мосту. Возле знакомых мне землянок, как я и предполагал, Корчагин снова исчез.

Калибулин здорово рассердился. Но мешкать в сумерках в поисках трусоватого разведчика было некогда. Надо было пробраться в расположение врага, чтобы добыть «языка». Путь мы преодолели прямо, как по инструкции: быстро, тихо и незаметно. К тому времени окончательно стемнело.

Проползли через колючку, вжимаясь при каждой вспышке осветительной ракеты. На мины не напоролись, вражеские передовые окопы с караулами тоже миновали, даже не потревожив врага.

Впереди мелькнул свет, как будто на секунду открылась и закрылась дверь. Вот он нужный нам объект – небольшой блиндаж, где засели вражеские солдаты. По ночному, уже зимнему воздуху, звуки и запахи передаются особенно явственно. Мы отчетливо слышали, как переговариваются часовые рядом с блиндажом, чувствовали запах дыма. Услышанный говор был мне незнаком, даже в сравнении с уже слышанной гавкающей речью немцев. Мне доселе не приходилось слышать итальянцев. Но развешивать уши тоже было некогда - в тридцать градусов мороза с ветром на снегу не больно-то разлежишься.

Калибулин шепотом спросил:

-- Ребята, кто из вас хорошо бросает гранату?

Я вызвался первым. До сих пор граната ни разу меня не подводила. В этот момент ошибиться означало бы провалить задание, поэтому я хотел быть уверенным, что все будет сделано четко. Я знал, что не промахнусь, а о других этого наверняка сказать не мог. В общем, хочешь, чтоб было сделано хорошо, сделай сам.

Задание на самом деле было непростое. Гранату надо было забросить в блиндаж через дымоход. Пока ребята разбирались с часовыми, я подполз к дымоходу, прямо по крыше, чувствуя, как скрипит снег в нескольких метрах от спящих врагов. Было слышно, как внутри кто-то кашлянул во сне. Я, не мешкая, сорвал кольцо с гранаты, и опустил, родимую, прямо в дымоход. Рвануло!

К тому времени ребята управились с часовым, заткнули ему рот кляпом, связали руки и мы понеслись обратно, толкая пленника впереди себя. Отовсюду уже неслись испуганные и раздраженные голоса, в любой момент могла подоспеть подмога и расправиться с нашей небольшой группой. К счастью, обошлось.

Пленник шел быстро, что в его положении было естественно. Скажу сразу, если «языки» упирались, то обычно их не жалели. Били прикладами, ножами кололи.

Мы бежали шустро, плотной группой, оцетинившись во все стороны дулами автоматов. Окопы перемахнули в один миг, быстро

обстреляв стекавшихся врагов. Затем по одному нырнули под колючкой и оказались почти дома, оставив за спиной возбужденную переключку и полетевшие в воздух ракеты-лампы.

Перепуганный итальянец что-то быстро залопотал по-своему, когда, выбравшись на безопасное расстояние, уже на нейтральной полосе, мы вынули кляп у него изо рта. Мы его не понимали, но в штабе, подумали, как-нибудь да разберутся с языком «языка». Там спецы сидят как раз на этот случай -- итальянская армия Муссолини воевала против нас на Дону. С немцами их, конечно, не сравнишь. Вояки из итальянцев неважные, а вот «языки» -- лучше некуда.

Возле переправы нас снова догнал Корчагин. Он что, сторожил специально? Услышав знакомый голос, мы остановились. Из темноты вырисовалась огромная фигура украинца.

-- Заплутал, товарищ сержант, отстал я от вас, по темноте-то -- оправдывался он перед Калибулиным и даже не покраснел ни разу. -- Вы уж меня простите...

Плюнул Калибулин ему под ноги. Потом посмотрел на меня таким же долгим взглядом, как и перед выходом.

-- Таких, Василий, война не жалуется, уж воздаст по заслугам, ты не переживай!

Как в воду глядел Калибулин. Через четыре дня нас бросили в наступление. Весь наш взвод был на острие атаки. Схватка вышла ожесточенной. Ту несчастную землянку, где я угостил итальянцев гранатой, перемахнули сразу, а в лощину даже не совались. Били пулеметы, несколько раз доходило до рукопашной, от залпов артиллерии земля ходила ходуном. Так начиналось освобождение Украины.

Лишь после боя, завершившегося нашей победой, когда мы оттеснили врага на пять километров, мне стала известна судьба Корчагина. Когда мы побежали в гору во время наступления, Корчагин, оказалось, повернул по своему обыкновению подальше от перестрелки, в тыл. Он был убит выстрелом в спину, как самый последний трус. Чьей пулей, так и неизвестно -- то ли враги постарались, то ли наши. Он таким и был, а война, трусость не прощает...

Глава 20. Засада

Вместе с пехотой 1 гвардейской армии генерала-лейтенанта Кузнецова и приданными танковыми войсками мы вышибли итальяшек с Дона уже на всем протяжении реки. После жестких боев в ходе

наступления они сдавались в плен добровольно целыми тысячами, потеряв боевой дух, отвагу, а порой и снаряжение. Исхудавшие, замерзшие, оголодавшие итальянские солдаты выглядели так жалко, что поневоле к ним просыпались какие-то человеческие чувства. Все же к ним относились иначе, чем к уже привычным немцам – тем да, было и глаз за глаз...

А немцев под самый Новый год мы вышибли из деревни Арбузовка, уже за двадцать километров от Дона. Помню, приехали две БМ-13 «Катюши», дали деловито по три залпа каждая и уехали. А мы пошли в наступление. Деревня горит до небес, а оттуда на нас немцы несутся... с поднятыми руками, кое-кто и седой полностью! Такой вот подарок нас ожидал к новому 1943-му году.

Но радость победы на войне длится недолго. Сегодня враг повержен, а завтра могут побить и тебя. Там же, возле Арбузовки, через несколько дней мы нарвались на немецкую засаду. От нашего разведвзвода к тому времени осталось тридцать четыре человека. Раздобыли коней, чтобы не повторять прошлый марш, и ехали мы, как всегда, впереди полка, бредущего пешком сзади. Шли ночью, чтобы немецкие самолеты полк на марше не разбомбили как раньше, в 1941-ом.

В небольшом заснеженном лесочке, оказалось, нас поджидали гитлеровцы. А поначалу было тихо, только скрипел снег под копытами лошадей да оружие позвякивало. Ни птицы не поют, ни деревья не скрипят. Нам бы догадаться, что это не просто, но было поздно. Вдруг тишину пререзала автоматная очередь. Засада! Как ударили фашисты по нам, да с обеих сторон жарят – два пулемета, несколько автоматов и винтовки, со счета сбиться! Я кубарем слетел с лошади и укрылся в овраге возле дороги. Стал отстреливаться. Многих наших поубивало прежде, чем они успели схватить оружие, первой же пулеметной очередью, но все же не всех, гады перебили. Завязалась перестрелка.

Бились мы отчаянно, но немцев было намного больше и вооружены были они лучше, и автоматы, и винтовок несколько, снайперских, а особенно - пулеметы. Немецкий пулемет страшная штука – разброс небольшой, лента на пятьдесят или сто патронов, и каждая пуля, входя в тело как дырочка, на выходе целый кусок мяса вырывает. Мы его «коса» называли за убийность и скорострельность.

Один за одним смолкали наши автоматы, немцы уже на гранатный бросок подошли. Вскоре отстреливался только я один, овражек спасал – пули поверху стригут. «Все, -- подумал. – Конец твоей войне, Василий». Стреляю по чертям фашистским и такую ненависть к

ним испытываю, что мысленно с врагами ругаюсь: «Чего ж вам, сукам, дома не сиделось? Отчего вы, черти, на нашу страну напали?!» Уж не хочется умирать, а деваться некуда. Не живым же сдаваться врагу проклятому! Два диска расстрелял, гранаты все истратил, немцев отгоняя, последние секунды доживаю, пока еще патроны есть.

Немцы в маскхалатах белых, видимо тоже из разведки. Как сугроб выглядят, только и видно, что ползает в темноте что-то, да огоньки от выстрелов. Зато крику было – немцы как атаку начали, так и молчание прекратилось. Гавкают со всех сторон, близко уже некоторые. Думаю, скоординироваться хотят – сейчас пулеметы к земле прижмут окончательно, подползет немец и кинет гранату в овражек – тут стены, все осколки мои будут. Хуже чем мясорубка получится.

Лежу так и стреляю отчаянно по теням этим и тут... Как затрещит сзади «Максим». Тра-та-та-та! «Ураааа!» -- слышу. Полк подошел и топот такой слитный, сотни ног бегут! Не видать фашистам моей смертушки! Повоюю еще...

Полк, готовый к бою, это вам не застигнутый врасплох неполный взвод. Немцам даже оторваться по нормальному не удалось, наши в штыки пошли сразу же. Ночью так даже удобней, чем стрелять во все стороны, по своим и по чужим. Пулеметы они развернули вдоль дороги, но наши их гранатами закидали.

Трое или четверо нас выжило после той засады. Все, с кем я сбежал в эту дивизию, включая командира взвода лейтенанта Сидорова и черноморца, там легли, а оставшиеся в живых хоть и легко, но раненые, а на мне ни царапины! Военное везение это особый случай. И мне, к счастью, везло на войне неоднократно.

Глава 21. Голос

Уж не знаю, в рубашке ли я на свет появился, но везло мне так, что даже самому иной раз не верилось. Еще задолго до войны, с самого детства я не верил ни в абаасы, ни в Бога, ни в черта. В Маркса с Лениным верил. Но был один такой случай на фронте, после которого я, комсомолец и атеист, в Бога поверил...

После того как наш разведывательный взвод разбили, мы остались служить в штабе полка. Затем двоих наших в автоматную роту определили, а меня оставили связным при командире полка. То ли расторопность им моя понравилась, то ли немногословность. Я письма личные относил, да всякие депеши.

Стояла наша 38-я Краснознаменная гвардейская дивизия, 113-й

полк возле города Миллерово в Ростовской области. Там и бои шли. Уже Луганск впереди маячил, многие километры мы по Задонью отшагали. Зима была на исходе.

Добрались мы как-то до хутора Ворошиловка. Там остановились. После нелегкого перехода многие штабные спали, и я прикорнул. Едва засыпать начал, как меня разбудили. У начальства было срочное задание:

-- В шести верстах отсюда расположена деревня Ореховка. Рядом с ней расположена наша танковая часть. Передашь их командиру это, -- сказал командир, вручая мне плотный запечатанный сургучом пакет. Комполка был пожилой человек, которого я еще ни разу за время службы связным не видел в погонах, вообще подтянутым. И в тот день, когда он давал мне задание, как и всегда, что я видел его до этого, он носил какую-то теплую жилетку поверх мундира.

-- Так точно, -- сонно ответил я, как положено по уставу. -- Разрешите выполнять?

-- погоди, -- остановил меня командир. -- Ночью назад не приходи. Заночуй в селе и возвращайся засветло. Уже к самому Миллерово.

Такой приказ мне пришелся по нраву. Отдохнуть в деревне в теплой избе, а если получится, то и помыться в бане, было намного привлекательней, чем возвращаться в неудобное расположение. Возможность помыться была самой приятной стороной этого задания. А то к тому времени вши меня одолели так, что терпеть нестерпимый зуд, уже не было мочи. В наступлении пришлось забыть о банно-прачечных днях, даже иногда одежду на чистый комплект поменять сил и времени не было.

Собраться было недолго -- шинель, ватник, автомат, гранат парочку и вещмешок свой. Засунув пакет поглубже за пазуху, я отправился выполнять задание командира полка. До танковой части добрался без приключений, правда, меня чуть не подстрелили ихние караульщики. Нашел указанного майора-танкиста, передал пакет. Тот сразу разорвал его, прочитал и выдал мне обратно надорванный пакет с лиловым штампом: «Донесение принято». Меня покормили, после чего я отправился на долгожданный ночлег в Ореховку.

Хоть и было до деревни рукой подать, не обошлось без приключений на таком коротком отрезке. Между расположением танкистов и Ореховкой лежало большое озеро, подернутое тонким слоем льда. Лед мне показался тонким и, боясь провалиться, я, несмотря на большой соблазн срезать путь и добраться раньше, пошел в обход.

Знаю я эти весенние льды, в Якутии их даже дети опасаются.

Тут, откуда не возьмись, немецкий «мессер» в небе нарисовался. Заметил меня фашистский летчик и решил, видимо, позабавиться, подстрелить одинокого солдата, то ли делать ему было нечего, то ли специально летал над нашими позициями, разведывал что-то. Как резанул по мне из пулеметов! А я прямо под ним стоял столбиком. С обеих сторон от меня снежная стена от врезавшихся в сугробы пуль выросла, выше человеческого роста. Не попал в меня, сволочь! А авиационный пулемет-пушка орудие особенно неприятное, даже на войне. Пуля его для поражения бронированных бомбардировщиков и других самолетов, больше обычной раза в пять. Попадет одна такая в человека и обычно даже врачи не помогут: рвет на части, кости, мясо, каску – все навывлет.

Ругаюсь на фрица на чем свет стоит и почему-то не боюсь его ни капельки. Вот уверенность изнутри прет – все со мной будет хорошо! Гляжу, разворачивается фриц, будет второй заход делать. Ждет, что я побегу, как затравленный заяц, милое дело погонять беззащитную жертву по снегу. Я бы как таракан в сметане там барахтался, ни подвижности, ни укрытия. А я из полосы, которую он пулеметами прорешетил в снегу с первого раза, даже не вышел.

Лег на спину, чтобы шальной пуле не попасться и от всей души фигу ему сунул, прямо по курсу истребителю.

-- На, гнида, выкуси! – кричу.

Не стрелял больше немец. То ли патроны кончились, то ли... обиделся за фигу...

Переведя дух, я продолжил свой путь в деревню. Наст на сугробе лежал крепкий. По нему я быстро дохрустел до Ореховки. Вот она, деревня, что желаннее всего на фронте для каждого солдата. Мирный быт, -- вот чего хочет душа на войне...

В деревне было людно. Солдат на постое было больше, чем я ожидал. Тут виднелся танк, там – пушки. По запаху определил, где находится кухня. Прямоком туда и направился. За столом сидели солдаты, хлебали суп из котелков, дымилась дымком полевая кухня. У меня котелка не было, поэтому, как бывает в таких случаях, я вынул матерчатую подкладку из каски, протер, как мог каску изнутри и, держа ее, как миску, подошел к повару-раздатчику.

-- А ты кто такой? – удивился повар.

Я к тому времени уже бойко по-русски разговаривал. Взглянул на повара исподлобья:

-- А я что на бойца не похож? – не без вызова ответил повару. –

И меня кормить не следует?

-- Ишь ты какой, -- улыбнулся повар, забирая мою каску и мешая черпаком наваристый суп. Ой, ну и дух от него пошел... У меня аж челюсти свело от запаха. Есть хотелось так, что живот свело, хотя, вроде бы перекусил хлебом у танкистов.

-- Ты из какой части? – спросил повар, наливая в мою каску суп. Я назвал и добавил:

-- Связой я. Вот, пакет в танковую часть принес, -- показал им надорванный конверт.

-- Да он разведчик, ребята, -- повернулся к своим повар. – А ну тащите котелки, сейчас мы ему и каши, и супа добавим, а то вон какой тощенький разведчик пошел!

Навалили мне еще котелок супа и котелок каши, хлеба выставили много, даже с салом. Накормили меня так, что с трудом из-за стола поднялся. Сразу в сон начало клонить. Указали избу, где можно было устроиться на ночлег. Дошел я до этого дома, а там уж нашего брата солдата набилось, что ступить негде. Бойцы спали, разостлав на полу кто ватники, кто шинели... Лишь один немолодой солдат курил у печки. Я нашел свободный уголок справа от печки. Только голову опустил, сразу в сон провалился. Тепло, сытно, хорошо...

После такой еды и такого дня должен был я спать беспробудно. Но послышалось посреди ночи, как будто зовет меня какая-то женщина. Нежно так:

-- Вася, Ва-ася!

Протер глаза, прислушался. Тихо в избе, только солдаты храпят и в печке поленья щелкают, да коптилка горит. Никаких баб. Душно было в избе, от солдат парило потом, грязью, порохом. Решил я на свежий воздух выйти, заодно и малую нужду справить. Дверь оставил приоткрытой, свет из дома на улицу льется. Тихо кругом, даже собаки не лают. Продышался я, справил нужду и вернулся в дом.

Только лег, засыпать начал, как снова тот же голос:

-- Ва-ася!

Да что же это такое! Сел я, начал кругом смотреть, может, играет со мной кто? А тут мне живот скрутило да так, что пришлось спешно на двор бежать, одеваясь на ходу. Не май же на улице.

Поискал глазами я нужник во дворе, и не найдя такового, бросился в огород. Все же решился отойти подальше от дома, вглубь огорода, чтоб не у всех на виду. Там как раз большое дерево росло, раскидистое. Едва облегчился, как слышу – самолеты летят. Знал я, что возле Миллерово немцы аэродром имели, оттуда что ли летят. По гулу

слышу, что летят не истребители «мессеры», а тяжелые бомбардировщики «штука». А у нас коптилка во всю горит, в окнах свет, из трубы дым валит, искры сыпятся. Не успел я до дома добраться, даже закричать «Воздух!» как следует не успел, так, проорал что-то, налетели бомбардировщики. Один из них склонился в пике, и началось... Бах! Бабах!

Бросился я ничком на землю, голову руками прикрыл. Земля дрожит, все гудит, взрывается. Грохот такой, будто внутрь колокола забрался, и змея подпрыгивает, будто спина большой лошади, несущейся галопом. Совсем рядом что-то грохнуло, меня сначала приподняло над землей всем телом, а потом той же землей засыпало. А потом все разом стихло. Улетели самолеты, высыпали бомбы по светящимся огонькам и обратно пошли, за следующей порцией.

Вокруг крик, танкисты свои потери считают, зенитчиков по матушку вспоминают, раненые орут, кое-где деревянные дома гореть начали. А на мне – ни царапины!

Встал я, пошел к руинам дома, где должен был ночевать. Половину избы с лица земли стерло. Вторая половина в огне. Всех, с кем я недавно лежал рядом, поубивало. Ни один не выжил. Мог бы и я с ними навсегда в сырой земле остаться, если бы не странный женский голос, дважды позвавший меня в ночи...

После этого случая верю я, что есть у каждого человека свой ангел-хранитель. По сей день верю. Не всегда он разговаривает с нами, как было со мной той ночью, а чаще передает сигналы через ощущения. Не раз и не два я потом убеждался в этом на собственном опыте. Бывает, сижу в окопе, а вдруг мне становится неуютно в этом месте, да так, что я менял место нахождения. То дуло там, то пахло чем-то или просто ни с того, ни с сего мурашки по коже бегали. А потом в то место, где я сидел, попадали либо снаряд, либо бомба...

Постояв так со снятой шапкой возле избы, ставшей могилой для мирно спавших бойцов, я распрощался с танкистами и отправился к городу Миллерово, к предместьям которого должна была перейти наша часть. Своих нашел, рассказал, что и как. Про голос, конечно, утаил – думал, засмеять могут.

-- Ты, Вася, в рубашке родился, -- сказали товарищи.

Пакет со штампом в штабе приняли. Тут же я узнал, что готовится большое наступление. Нам предстояло выбить фрицев из Миллерово!

Глава 22. Завещание орла

В наступление пошли на большом подъеме. Так уж случилось, что перед атакой речь командира полка разбередила мне сердце, проникла в самую душу.

-- За Родину! За Сталина! За слезы наших матерей! – этот призыв крутился у меня в голове с первых минут сражения за Миллерово.

Схватка была жаркой. Немцы успели нарыть окопов, подготовить пулеметные точки, минометы подтащить. Наш артобстрел всю их систему не подавил, гитлеровцы не итальянцы, чтоб после первого разрыва руки поднимать. Пули свистели непрерывно, что голову от земли не поднимешь. Наступаем, а укрыться негде! Кругом голое поле со снегом, и где-то далеко впереди чернеют окопы, в которых засел враг. Как добраться до них живым под кинжальным огнем сразу десятка пулеметов? Теряя товарищей, мы отчаянно ползли вперед. Хуже даже, чем под Сталинградом, там и дым был с пожаров, и обломков много, а тут ровное поле. Как тараканы на свету, только тапком придави.

Выжить под таким обстрелом могли, наверное, лишь самые везучие. В мою заплечную сумку уже несколько раз попадали пули врага. Смерть, казалось, была неминуемой.

«За слезы наших матерей»... Эх, зачем я вспомнил эти слова перед самой гибелью! Я не мог уже видеть огневые точки врага впереди себя, напоминающие огоньки от сварочного аппарата, не слышал свиста пуль и вой мин. Перед глазами возник образ матери, моей доброй, любимой всем сердцем матери, и я как будто бы слышал сквозь этот грохот ее ласковый зовущий голос:

-- Тоойуом, Тонгсуо...

Вспомнил я ее слезы, когда она провожала меня на войну. Я даже представить не мог, как она будет плакать, когда ей принесут похоронку, когда известят, что ее Тонгсуо больше нет на белом свете?! Я не мог сейчас умереть, потому что тогда моя мать умерла бы от слез! Это была бы самая высшая несправедливость на свете, даже большая, чем то, что я сам вот-вот умру!

Этот момент я всегда вспоминаю с тем же комом в горле, со слезами, неподобающими бойцу, мужчине... Но тогда, представив мать, я мимолетно вспомнил свои родные алаасы, школу, как мы учили наизусть стихотворение Платона Ойунского «Завещание орла»...

...Мин эппин таһааран
Хаххата оностун!

Эти строки будто бы стучались в мою голову, барабанили в мое застывшее на мгновение сознание. Во времена гражданской войны в

Якутии красноармейцы выстраивали перед окопами заслон из мерзлых балбаахов и трупов, погибших бойцов. Такую ограду не могли пробить никакие пули. В стихотворении, которое я вспомнил, умирающий красноармеец завещал поступить с его телом именно таким образом. «Плотью своей я даже мертвым буду бороться с ненавистным врагом», -- говорил умирающий герой.

Все эти мысли за доли секунд пронеслись в моей голове словно бешеные кони. Вокруг Миллерова бои шли давно, поэтому недостатка в мерзлых трупах не было. Как раз передо мной виднелись полузасыпанные снегом останки какого-то бойца, я уж не стал разбирать подробностей, кто он был. Собрав всю волю в кулак, я дополз до него и, рискуя угодить под пули, стал переворачивать мерзлый труп товарища на бок, чтобы укрытие было более надежным.

Это стоило невероятных усилий, но, все же я справился. Перевернув труп, я ненароком заглянул в его мертвое лицо... Меня едва не стошнило. Парня убило прямо в лицо, только глаза остались – удивленные, непонимающие. Лежать рядом с ним я не мог, поэтому отполз назад, насколько мог. Толку в таком случае от заслона было немного, хотя и получился маленький бруствер. Достав свою лопатку, я начал потихоньку окапываться в глубоком снегу.

Ух и работка была! Снег тяжелый, плотный, саперная лопатка размером чуть побольше двух ладоней, да еще и встать нельзя – мигом пуля срубит. Не поймешь, то ли копаешь, то ли сам по себе зарываешься, как будто крот какой.

Все же «подсказка» из школьного прошлого меня выручила. Пули застревали в моем зловещем ограждении, я слышал характерные звуки и продолжал копать снежный наст до самой земли. В выкопанном углублении и за замерзшим трупом я был в относительной безопасности под косящим без разбора огнем противника.

Гляжу по сторонам, вроде бы и другие наши последовали моему примеру. Кто окопался, кто за трупом схоронился. Лежим так, отстреливаемся по вспышкам противника – тут винтовкам самое раздолье. Я патроны берегу, с беспокойством нащупываю время от времени единственную оставшуюся гранату в кармане. Вот бы забросить ее в окоп, туда, где строчит пулемет, не давая нам встать в полный рост и побежать вперед с громогласными криками «Ура!». А как забросишь? Ни проползти из-за бруствера, ни в полный рост встать, чтоб подальше кинуть. А команды наступать все нет. Неужели, думаю, командиров не осталось?

-- Уррааа! – вдруг послышалось откуда-то справа. Крик

подхватили слева, сзади... Все кто был жив, поднялись как один в бой, подставляя под фашистские пули свои сердца... Сейчас или никогда! Целой волной пошли, будто убитые поднялись и снова атакуют это проклятое неприступное Миллерово.

-- Уррааа! – закричал и я, поднимаясь из своего укрытия. От долго лежания ноги стали будто деревянные. Но важно было сделать первый шаг... Второй...

И вот уже ноги сами несутся вперед. Сердце колотится так, словно вот-вот вырвется, кочегарит вскипающую кровь. Ну, немчура, держись! Коли дашь добежать – пощады не будет! Мне рассказывали, что парни из морской пехоты, добегающие до окопов врага под таким огнем, пугали фашистов хуже «Катюш» и танков. Пленных они не брали, а уж штыковой бой врукопашную фашисты проигрывали начисто почти всегда. Не любят они лицом к лицу сходить.

Несусь с такими мыслями вперед, ничего не слышу, вижу только линию окопов впереди. Вот и враг! Добежали в два счета, а немца там уже и след простыл, только мертвецы и тяжелораненые валяются, те, кого при отступлении побросали. Струсил, убежали, сволочи поганые! Ну и дали же мы им жару! Миллерово стал наш.

Глава 23. Покурил

Тут, на границе трех, областей до Украины было рукой подать. Уже второй год Украина находилась в оккупации. Мы были в числе первых красноармейцев, освобождавших Украину от фашистского гнета. Наша дивизия первой из всех частей вошла в Ворошиловскую, ныне Луганскую, область.

Оттуда двинули в Харьковскую область. Шли быстро, за каких-то четыре дня уже были в намеченном пункте, сопротивление противника было слабое, нас тут явно не ждали. Тут из полкового штаба пришел приказ отступить. Оказалось, что немцы перебросили сюда новые танковые части, чтобы ликвидировать прорыв нашей дивизии. Отцы-командиры ясно понимали, что танками нашу стрелковую дивизию на неподготовленных рубежах вкатают в грязь без особых затруднений, поэтому было решено вывести из-под удара оголившиеся фланги.

Так, в походах да наступлениях, передислокациях закончилась окончательно зима. Снег растаял, наступила весна-разливайка... Весна 1943 года, когда я снова был ранен.

Воевали мы в это время под городом Красный Донецк. Меня к

тому времени после легкого ранения в руку назначили телефонистом штаба полка. Пока рука заживала, то толком не слушалась, на передовой от меня было мало толку, зачем боец, который не может выстрелить. Поэтому я согласился на предложение.

Главное, чтобы в госпиталь не упекли. Не хотелось мне покидать линию фронта. Да и помнил я мытарства после первого ранения. А вдруг в запас спишут?

Но беда пришла, откуда я не ждал. В каких только переделках, жарких боях до этого мне удавалось избежать ранений и гибели! Миллерово брал, под Сталинградом выжил, в засады попадал, с танками дрался, выживал под артобстрелами и бомбежками. А вот умудрился получить контузию на ровном месте.

А было это так.

В один погожий весенний денек мы вышли из окопа, чтобы покурить на солнышке – штабные работники и телефонисты попеременно. Уселись на крышу землянки и давай смолить. Солнышко пригревает, теплый ветерок уносит дым, воздух свежий такой, что голова кружится... Весна одним словом!

А тут самолеты летят. Опять «штуки», будь они неладны. Наши зенитчики свои скорострелки раскопегарили, а ребята по-быстрому бычки побросали и в окоп сиганули, а я замешкался, докурить больно хотелось. Да не тут то было! Дал мне немец прикурить на долгую память. В паре метров от меня бомба взорвалась. Прямо в спину как будто пнул великан с пожарную каланчу размером, заодно угостив тумачком по голове. Как шандарахнуло! И больше я ничего не помню...

Очнулся в госпитале с контузией. Лечебница находилась в городе Калач Воронежской области, где я потом селедку на табак менял. Узнал я, что приставлен к награде за проявленную в боях отвагу. За курение, конечно, орденов не полагалось.

Такая вот ирония судьбы.

Долгих полтора месяца, то есть до самого лета продержали меня эскулапы госпитальные. Рука потом отниматься начала, глаза хуже видеть стали. Знал бы, что так выйдет, курить бы бросил заранее, а может, и вовсе бы не начинал...

Глава 24. Госпиталь и НКВД

В общем, долежал я до лета 1943 года в госпитале, контузию лечил. После под Калач определили меня в запасной полк, где ждал я снова распределения. Скучно было. Наши войска уже немцев по всему

фронту громили, а мы в тылу сидим, селедку едим да на махорку меняем. Решил я снова сбежать на фронт.

Сбежали мы с фронтовиками, куда и новосибирец Говоров вошел, из запасного полка. Было нас человек шесть, решили через забор перемахнуть в темноте и опять до станции. Я помню, что радовался лету, помнил как зимой чуть Богу душу не отдал. Украинское лето оно приятное – жарко, ветер обдувает, небо огромное-огромное в степи. Природа после боев оживать начала.

И на этот раз мы до фронта не добрались. Задержали нас НКВДшники пограничных войск на контрольно-пропускном пункте. Развели по одному по комнатам, начали допрашивать.

Меня капитан спрашивал. Петлицы зеленые, взгляд пристальный, выправка строевая:

-- Ты откуда, боец?

-- С Якутии. – я к тому времени уже совсем хорошо по-русски мог говорить.

-- Дезертир, небось? С фронта бежишь?

-- Никак нет! – говорю. – Ищу свою часть, отстал в госпитале. 38-ая гвардейская дивизия.

Капитан даже заулыбался:

-- Так ее с фронта сняли, на отдых и пополнение. А фамилия с именем почему русские?

-- Ну как, товарищ капитан... -- я даже растерялся. – Я якут, с Якутии я, там у всех такие фамилии. Неужели вы Якутию не знаете? Бодайбо, там еще Ленский расстрел еще там проводился. Ленин со Сталиным у нас в ссылке были.

У капитана взгляд немного поменялся, видимо, вспоминать начал. Закурили, потом говорит:

-- Согласно приказу Ставки Верховного Главнокомандования и в связи с выходом к границам Советского Союза создаются пограничные войска. Пойдешь в пограничники? Честно скажу, пойдете либо в пограничники, либо под трибунал.

Что делать? Под трибунал не хотелось, так что на словах согласился. Потом со своими встретился, нас в казарму отвели. Все тоже согласились с предложением НКВД, но трое, считая меня, решили идти к передовой, на фронт.

Сбежали. Даже не сбежали, а просто вышли из казармы, у часового на посту отметились и дальше пошли. Вещмешки у нас не забирали, так что весь свой запас продуктов из-под Калача с собой тащили. Но снова не повезло, НКВД весь ближний тыл прочесывал в

поисках немецких недобитков. Так что снова попались.

На этот раз не рассусоливали, обмундирование отобрали и усадили картошку чистить. Пять дней мы кроме картошки ничего не видели. Потом приказ пришел – зачислить меня в школу младшего начсостава НКВД. Перевели подальше от фронта под Житомир, в учебку. Начали учить как диверсантов да шпионов ловить, как след брать, как допрос вести, как одному с десятком драться. Другая учеба, не то, что у фронтовых разведчиков, но не менее строгая.

Помню, привязался ко мне начальник отделения Дурматов. Щекастый такой мужик был, а сам тощий как палка. Кричал на меня, будто тойон. Дедовщина, как нынче модно стало говорить. Раз довел: заставил во всей казарме полы мыть. Я помыл раз, потом Дурматов пришел, выругался, снова заставил мыть, да еще и натоптал. Ладно, думаю, твоя пока власть, снова мою. Только закончил, Дурматов приходит, рожу кривит и снова, говорит, мыть надо, грязно.

Тут я не выдержал. Одед я ему ведро с грязной водой на голову, да швабру об спину сломал. Крик, вопли, меня сразу схватили, Дурматов орет во весь голос...

Угрожали штрафбатом, но в общем-то, справедливо разобрались – перевели в другое отделение, а Дурматову выговор. Так я стал бойцом 125-го «Померанского» ордена Кутузова пограничного полка войск НКВД. Этот полк был отдельным, не дивизионного подчинения. Входил в 1-й Белорусский фронт, с ним прошел всю Украину.

Ловили окруженцев немецких, диверсантов, парашютистов. Действовали наши умело, потерь почти не было, в переговоры с диверсантами не вступали, сразу огонь открывали, в общем, обеспечивали безопасность тыла фронта.

Дошли до Днепра в октябре. Форсировать надо, а немцы на западном берегу здорово укрепились. Там я простудился сильно, по грудь в ледяной воде пришлось идти. Но в госпиталь не попал, в санбате отлежался, лишь бы снова от части своей не отрываться. Как раз к моему выздоровлению немца с Днепра вышибли, а наш пограничный полк перебрасывали назад, на Украину.

Глава 25. Против бандеровцев

Забросили нас на Украину, к Львову, бить бандеровцев. Три месяца мы там воевали.

Западная Украина -- плохое место для боев. Настоящий

партизанский край. Украинская повстанческая армия (УПА), возглавляемая гитлеровским холуем Степаном Бандерой, отчаянно сопротивлялась Красной Армии, не хуже, чем отборные немецкие части. Население Западной Украины было настроено против наших солдат, местные жители снабжали повстанцев едой, информацией и пополнением, а Третий Рейх щедро одаривал оружием, вплоть до пушек и минометов. Кроме того, местность вокруг Радома, где действовала наша часть, было в изобилии покрыто болотами и густыми лесами, куда мгновенно прятались после вылазок и засад недобитые повстанцы.

Мы воевали в лаптях-мокроступах, чтобы не вязнуть. Удобная вещь, плетешь из прутьев такую галошу, на ботинок ее одел и можешь идти по болоту не проваливаясь по колени, максимум, по щиколотку. У местных научились, им виднее.

Обидно было воевать на освобожденной советской земле против партизан, вместо того, чтобы добивать немцев, гнать к Берлину. Да ведь и крови здесь пролилось немало, много красноармейцев полегло от выстрелов в спину из-за кустов...

Даже генерал армии Ватутин попался в засаду украинских националистов, всего лишь в трех верстах от нашего расположения. Как мне рассказали, штабной «виллис» Ватутина вместе с сопровождением ехал по дороге, когда внезапно из кустов начали бить немецкий пулемет со множеством винтовок. Охранники Ватутина приняли бой, но слишком неравны были силы. Водителя убило первым же залпом, а генерала ранило в бедро. Раненый Ватутин заскочил на место водителя и дал по газам, охранники последовали за ним.

-- Не отдам же я своих подчиненных бандеровцам, -- шутил генерал после боя.

Уже в госпитале выяснилось, что пуля из немецкого карабина пробила генералу ногу, раздробив кость. Генерал только отмахнулся, не желая госпитализироваться: ерунда мол, нога же... Но не зря врачи беспокоились, у Ватутина вскоре началась гангрена, и он сгорел как свечка в Киевском госпитале.

Немцы злорадствовали. Помню, они разбрасывали листовки на немецком и русском языках, где в ярких красках описывалась гибель генерала Ватутина, одного из лучших сталинских полководцев. Немцы задавали ехидные вопросы: «Что это за страна, которая не бережет лучших людей?», «Почему Ватутин не отправили на лечение в Москву?».

Во Львове мы боролись с отрядом УПА имени Тараса Бульбы. Политрук Прагин даже специально провел лекцию на тему: «Тарас

Бульба – вымышленный персонаж Гоголя». Несмотря на его «вымышленность», бандеровцы сражались отчаянно. Мы их называли «бульбовцы» между собой.

Не меньше проблем доставляла и националистическая организация «Вольная Украина». Львов, этот маленький западноукраинский городок всегда был еще с царских времен оплотом националистических настроений. И немцы успешно этим пользовались, рейхскомиссар Гиммлер даже имел беседу со Степаном Бандерой по поводу самоопределения Львова под протекторатом Третьего Рейха и организации сопротивления украинцев частям Красной Армии.

И сопротивление оказывалось, погибли очень многие. Не в силах помешать советским войскам проводить операции, бандеровцы отличались особенной жестокостью к пленным и тем из местных жителей, кто приветствовал красный флаг.

Помню, раз вышли к деревне, где ранее бандеровцы побывали. Страшное зрелище, как после немцев. Кругом следы разгрома, пух-перья летают, скотину либо увели, либо постреляли, чтоб нашим не досталось. Дома горелые, без крыш, без окон, а возле каждого дома рядком расстрелянные семьи. Ни детей, ни стариков бандеровцы не щадили, а коммунистов и советских уполномоченных перед смертью пытали, а потом вешали на видных местах. На площади деревенской трое рядком висели: милиционер, председатель колхоза и секретарь комсомольской ячейки, на груди плакаты с надписями: «Смерть красным собакам». У эсэсовцев научились так вот казни проводить.

Был еще такой случай. В апреле 1944 года послали нас троих для связи в соседний пограничный отряд. Идем мы, автоматы наготове, утро раннее, вдруг кто стрельнет из кустов... Вдруг видим через мост старичок идет, без опаски так, будто по Москве. На тросточку опирается, в папаше, кожанка старая, полинялая вся. Мне мои товарищи шепчут, я старший был в тройке: «Это, наверно, бандеровец переодетый, надо бы стрелкнуть его». Молодые были, всего боялись. А я их заставил автоматы опустить, подхожу к старичку, под козырек взял, представился как положено и попросил показать документы.

Старик не спеша красную книжечку вынул и подает мне. Я читаю, и от удивления чуть речь не пропала – Сидор Артемьевич Ковпак! Знаменитый на весь Союз руководитель советских партизанских отрядов Украины! Ему тут сам черт не брат, он у себя дома, вот и ходит без опаски. Даже бандеровцы его боялись и уважали.

Взял еще раз под козырек, спросил, не надо ли чем помочь. А Сидор Артемьевич как раз в мой полк шел, посоветоваться.

Распрощались и разошлись, но этот случай я навсегда запомнил.

До 1944 года все крещенные солдаты прятали нательные кресты. А я хоть и был комсомолец и атеист, но после ряда случаев безверие мое было сильно поколеблено случаем, когда неведомый голос спас меня от бомбы. Но вот вышел указ Сталина, в котором он призывал не унижать верующих и разрешал носить царские награды. Я тогда подумал, может, Сталин тоже верит в Бога? Я тогда сходил в церковь и помолился, как умел: «Господи, помоги, сбереги мое здоровье», перекрестился и с тех пор стал носить крест открыто.

За бои против бандеровцев нам медалей и наград не давали. Премировали часами «Кировец». И к концу операции уже каждый из нас с такими часами ходил, некоторые с двумя-тремя. Меняли их у маршевых полков, идущих на фронт, и у населения на самогон, на еду, на вещи всякие – спички, нитки да табак.

После «болотных» боев на Западной Украине нас перебазировали в город Ковыль, в августе 1944 года. Там мы вволю помылись в бане, привели себя в порядок, получили новое обмундирование, в том числе сапоги вместо обмоток, и синие фуражки. Бандеровцы, затхлые болота, Западная Украина – все это осталось позади...

Глава 26. Польша

Потом через Брест нас повезли в Люблин. Началась освободительная война в Польше. Польша к тому времени была наполовину красная, наполовину белая. Социалистическая партия формировала новое правительство. Наша задача – его охранять. Некоторые паны и шляхтичи не любили красных так же, как немцев.

Одной из видных фигур польских социалистов в правительстве была писательница Ванда Василевская. У нее в квартире мы дежурили посменно. У нее я увидел прославленных героев – генерала Рокоссовского и маршала Жукова.

Рокоссовский был подтянут и строен, очень красив и всегда приветлив. Отутюженный, заправленный. Мог и за руку поздороваться. Отличался легким веселым нравом, чего не сказать о маршале Жукове. Он был угрюм, приземист, с мощным торсом, всегда в своих мыслях. На приветствие не отвечал. Проходил как мимо статуй под мои крики: «Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза, докладывает дежурный командир отделения Василий Иванов!»

Как бы не было интересно наблюдать за историческими лицами,

мне больше всего хотелось воевать на передовой, чем отдавать честь маршалам и начальникам.

Такой шанс мне вскоре представился. Из под Варшавы нас отправили на передовую. Воевали мы вместе с поляками. Забавная у них была форма: фуражка четырехугольная, китель плечистый, веселая... И приказы на польском получались смешными: «Пан за паном ховайся!». Это вместо нашего «Ра-авняйсь!». Честь они командиру двумя пальцами отдавали, как белогвардейцы в кино делали. В общем, было, на что подивиться в польской армии.

Под городом Радом схватились мы с польскими повстанцами из армии Николая Стика, пытавшегося организовать польское народное государство. Повстанцы рассчитывали на поддержку Англии, чтобы дипломатически осадить Сталина и заставить признать лондонское правительство Польши, ибо всерьез воевать против регулярных частей Красной Армии поляки не хотели. Войной, конечно, назвать эти действия трудно. Стычка – более подходящее слово...

А вот действительно серьезное сражение нас ожидало в городе крепости Познань. Немцы укрепились славно, Познань считалась «воротами к землям Рейха», отсюда открывался прямой путь к граничной реке Одру. Немцы туда стянули артиллерию, вооружили солдат фаустпатронами, накопили ровы и укрепления. Центральная Цитадель и форты имели систему перекрестного огня для поддержки друг друга, так что приходилось штурмовать их все разом.

Там несколько наших дивизий попали в окружение во время осады города. Мне и одному бойцу по фамилии Ключкин велели доставить важный пакет в части, воевавшие в восточной стороне от города, к чуйковцам. Пошли мы, а в поле – лошадей видимо-невидимо, кавалеристскую часть разогнали да разбили, уже не понять, немецкую или нашу, советскую. Но кони не пугаются нас, и от канонады не трусят, пасутся так невозмутимо. Подманили мы пару коней и смастерили из индивидуальных пакетов по узде. Без седла мне приходилось раньше ездить, деревенский же, да и Ключкин оказался боевым парнем. Вскочили мы на лошадей и поскакали выполнять задание верхом. Да недолго нам довелось проскакать, как попали мы в поле обстрела. Гитлеровские гаубицы наобум крыли пригород. Снаряды воют, взрываются там и сям, осколки жужжат густо, как будто снова через Волгу у Сталинграда переправляюсь. Судя по всему, артдуэль в полном разгаре. Ключкин мне и говорит:

-- Давай пересидим здесь, в ямках, а то попадет ненароком, погибнем ни за что.

А я отвечаю:

-- Коли судьба такая, то и в сидящих попадет. Лучше ехать, пакет надо доставить как можно быстрее.

Понеслись мы под взрывающимися снарядами, помню, торопимся, спешим. А потом как отрезало. Темнота...

Очнулся я в госпитале. Оказалось, попал-таки в меня снаряд. Лошадь убило, а на мне ни царапинки. Контузило только снова... Тяжкое это состояние, я вам скажу. Через несколько дней только с трудом первое слово произнес. Хотел встать, а ноги не держат, дрожат... На этом и закончилось мое пребывание в Польше.

Впереди была Германия.

Глава 27. Берлин

А конец войны был близок. В апреле 1945 года, после выздоровления поехал я в свой 125-ый пограничный полк, на заставу на реке Одер. На левом берегу наши, справа – немцы...

С 11 апреля стали готовиться штурмовать Берлин. Артиллерии нагнали – превеликое множество, гаубицы, пушки, орудия особой мощности. У некоторых дуло диаметром с толстого человека. Начали выстраивать орудия, чтоб всем сразу наподдавать. А нас в блиндаж отправили, охранять караульное помещение, где штаб стоит и радиоузел оборудован. Стоим на посту каждый день, через каждые два часа меняемся. Но пока никаких действий. Видимо ждут кого-то...

И вот в один из последних дней апреля приехали несколько машин, из одной вышел какой-то генерал, с ним еще военачальники. Засуетились наши, командиры приказы отдают направо и налево, вестовые забегали с пакетами в войска.

-- Главное командование едет, -- пронеслась весть.

Незадолго до этого в военных газетах было опубликовано обращение командования армии за подписями маршала Жукова и Члена Военного совета генерала Телегина, призывающее советских солдат быть гуманными, честными и смелыми на территории побежденного врага. Это было последнее обращение к бойцам перед победным, а в этом мы не сомневались, наступлением.

А в тот раз, получается, я видел, как приехал генерал Телегин, член Военного совета. Говорят, был и Жуков, но я его не углядел. В двух сотнях метров от блиндажа, где мы дежурили, находился фронтовой командный пункт. Стемнело...

И вот 11 апреля в небо над командным пунктом взмыла красная

ракета. Потом синяя. Началась артподготовка! Грохот стоял невообразимый, оглохнуть можно было запросто.

«Катюши» били бесперебойно, у них ракеты сразу веером за горизонт летели, а там зарево до небес, светло было, как днем. Гаубицы мощно гавкают, аж с внутренностями резонирует, минометы заливисто частят, а осадные пушки подивизионно стреляли, как самый большой в мире крупнокалиберный пулемет, выстрел на выстрел накладывался. Над головой гудели двигатели бомбардировщиков и штурмовиков – авиация шла на Берлин...

Полчаса ревели орудия, земля тряслась от залпов. После мощного обстрела в Берлин выдвинулась пехота. Прожекторы полосовали темное небо, все было видно, как будто происходило днем, по замыслу командования прожекторы должны были еще и врага слепить. Сопротивления наши войска практически не встретили.

На рассвете кавалеристы Белова очистили прилегающие леса от контуженных и перепуганных немцев. С десяти часов утра до трех дня по понтонному мосту переправлялись машины, танки, шла пехота, везли орудия. Последними через реку в тот день переправились мы. А за нами уже снова готовилась к броску на Берлин целая армия, снова пушки, танки, пехота, машины...

Авиация летала над головой весь день и все следующие, высыпая на головы фрицев бомбы и ракеты. Некоторые самолеты выкидывали листовки на немецком языке, призывающие прекратить бессмысленное кровопролитие. Зееловские высоты перед самым Берлином пришлось брать с боем, даже такая мощная артподготовка полностью оборону не разрушила. Из ДОТов, окопов, блиндажей, руин домов стреляли и кидали гранаты. Но это была уже ярость обреченных.

Немцы вроде бы подготовились к обороне своей столицы: затопили поля перед высотами, вырыли целые километры окопов и блиндажей, поставили сотни тысяч противотанковых ежей и надолбов, заплетенных колючей проволокой, приготовили сотни пулеметных и артиллерийских гнезд, но наступление было таким мощным, что особого героизма фашисты так и не проявили.

Многие хваленые гитлеровские войска позорно бежали из Берлина на запад, некоторые выходили и сдавались даже солдатским кашеварам. Нельзя было не вспомнить в эти минуты, как бились наши солдаты за каждый советский город, как героически умирали, чтобы не дать немцам пройти к Москве! Слаб оказался наш враг в подобной ситуации! Не готов драться до последнего?

Поля, полные трупами, заваленные телами окопы в немецкой

форме... Говорят сейчас, что мы останавливали немцев мясом. Так вот, столько бесполезных жертв, как под Берлином, я нигде не видел. Молодых парней лет по пятнадцать-шестнадцать да дедов седых немцы швыряли навстречу, подпирали их элитными эсэсовскими войсками, которые расстреливали трусов.

Все было бесполезно, Красная армия проламывала центр обороны как якутский нож – консервную банку. Артиллерия громыхала, выкашивая немцев целыми отрядами, авиация сыпала бомбы и снаряды, а те части, что шли впереди, имели за спиной четыре страшных года и по боевому опыту были лучшими на земле. Так я думал, так думали все мои однополчане и командиры.

В самом городе бои пошли ожесточенные, немцы компенсировали нехватку орудий и танков фаустпатронами и гранатами, стреляли из каждого подвала. Тут им уже отступить было некуда, кольцо окружения вокруг Берлина замкнулось. Эсэсовцы, предчувствуя разгром, стреляли ополченцев, которые готовы были сдаться. Пограничники 125-го полка шли через западную часть Берлина, к Тиргартену, где был зоопарк. Обычно впереди шли два танка с наваренными щитами из проволоки против фаустпатронов. Каждый танк контролировал пушкой и пулеметами противоположную часть улицы. Между ними шла пехота, а позади артиллеристы – полковая пушка, а иногда и «Катюша». Если какой-то дом не удавалось взять штурмом, то пускали в ход тяжелое оружие, разнося его в пыль, по баррикадам и стенам били прямой наводкой. Пехота прикрывала танки от гранатометчиков и вояк с бутылками с зажигательной смесью.

Была у меня одна только мысль: «Вперед! Последний бой впереди». Спали урывками, ели тоже, когда наша часть отдыхала, ее сменяла следующая, чтобы натиск не уменьшался. Стрелять приходилось много, иногда ствол раскалялся настолько, что можно было обжечься, а уж боеприпасов каждый расходовал море.

Особо стоял вопрос с гражданскими. Гитлер запретил эвакуацию Берлина, так что в битве двух гигантских армий то и дело попадали гражданские, бегавшие по улицам после разрушения своих домов и убежищ. Мы таких ловили и отправляли в тыл, иногда даже жертвуя своими жизнями. С другой стороны, мы же не фашисты, чтоб женщинами и детьми прикрываться в атаке...

26 апреля мы были уже в центре Берлина. Наш патруль из тридцати человек вошел во Внутренний Берлин через Бранденбургские ворота. Перед нами был Рейхстаг, где находилось министерство иностранных дел и когда-то собирался немецкий парламент. Мы уже

захватили рейхсканцелярию и министерство обороны. Наша задача была охранять все захваченные там документы. В помещении с личным штандартом фюрера мы устроили караулку.

27 апреля мы поучаствовали в штурме Рейхстага. Помню, что человек двадцать-тридцать из нескольких групп погибло при штурме за опрометчиво обещанное командованием звание Героя Советского Союза тому, кто водрузит алый стяг над Рейхстагом. Мне было искренне жаль бойцов, дошедших до самого Берлина и сложивших головы от последних вражеских пуль. Они погибали один за другим, подбегая к Рейхстагу с красным флагом в одной руке и автоматом в другой. Зачем им нужно было это звание, когда мы все, дошедшие до Берлина были настоящими героями, победителями?! Этого я не мог понять.

Под утро по Рейхстагу ударила артиллерия, например, помню 203-мм осадную пушку на гусеничной тяге, такая была тяжелая. Так им, гадам, и надо было с самого начала! После обстрела наступила полная тишина, хотя само здание почти уцелело, только купол пробили. Никто не стрелял, не подавал признаков жизни. Осколочные снаряды там всех выкосили да контузили, мы снова пошли на штурм, оборона была уже вялой. 28 апреля Рейхстаг был практически пуст. Тогда и Егоров с Кантарией вошли в Рейхстаг с красным флагом. Не так, как погибали прежние герои, а тихо, мирно, в чистеньких формах, при фотографе...

Вошли в Рейхстаг, а там всюду обломки валяются, все разворочено и никак наверх не забраться, до самого купола. Был с ними маленький паренек по фамилии Кимочкин. Он, порыскав туда-сюда по обломкам, обнаружил уцелевшую лестницу. Забрался по ней наверх и позвал героев Егорова и Кантарию. Водрузили наши бойцы красный флаг над Рейхстагом, засунув древко подмышку всаднику. Не на куполе, как показывают в фильмах, а над входом.

Все! Победа!

Этот памятник павшей Германии отныне находился под нашей охраной. При осмотре здания мы обнаружили в подвале потайной вход. За большой массивной железной дверью находился вход в бункер. Открыв ее, мы увидели комнату, в которой все – потолок, стены, пол были из чистого мрамора. Из бункера отходил какой-то длинный коридор, метров в сто длиной, в конце которого находились недостроенные комнаты, залы, какие-то студии. Всюду валялись посуда, бумаги, вещи, вплоть до рубашек и носков...

Оказывается, личная пешеходная дорожка правителя Третьего Рейха. Гитлер до последних дней своей никчемной жизни проживал в этом самом бункере. С тридцатого апреля по пятое мая мы охраняли

пешеходную дорожку и тайный бункер Гитлера, рейхсканцелярию, труп Геббельса во дворе министерства иностранных дел, архивы вермахта, НДАСП и СС, личный штандарт фюрера.

Вот труп Геббельса был страшен. Из рта у него шла пена, ведь перед тем, как застрелиться, он выпил яд...

Во дворе рейхсканцелярии были ямы, где лежали сожженные трупы. Говорят, там и лежали Ева Браун с Гитлером, их после отравления эсэсовцы выволокли и подожгли, облив бензином. Особисты, наши коллеги из НКВД, нашли стоматолога-немца, водили его среди этих сожженных тел, все голову Гитлера искали, по зубным протезам хотели опознать. Наконец нашли через два дня, поездом в Москву отправили, срочным маршрутом. Лично это тело видел и с тех пор твердо уверен – это сам Гитлер, никуда он из осажденного Берлина не убежал.

Через три дня алый стяг наконец-то водрузили на купол Рейхстага.

На четвертый день, как раз к 5 мая, немецкие генералы начали сдаваться и сообщили о капитуляции Германии, но мы этого не знали. В эту пору, нас перебросили на Карпаты, где остатки группы армий «Австрия» вместе с власовской армией были обездвижены англичане и помогавшие им партизаны-югославы маршала Тито. Заняв круговую оборону, власовцы с немецкими недобитками пытались прорваться в американскую зону, чтобы сдать.

Предателям совсем не резон было сдаваться советским властям. РОА как боевые части себя мало чем зарекомендовало, зато вполне отличившись на поле карательской деятельности. Насмотрелся я на их геройства, еще когда по территории Советского Союза шли. Жестокостью на той войне сложно удивить, но РОА зачастую превосходила даже СС! Единственное их было спасение – американская армия выйти к ним, в зону оккупации через в Италию.

И мы их остановили! Там была большая куча народу: хорватские усташи, эсэсовцы из разных частей, власовцы из РОА, просто немецкие солдаты. Их фронт отказался от главного удара Красной армии на Берлин, их просто блокировали, когда оттесняли от пролома в обороне, так что сохранили они и технику, и артиллерию, и порядок в войсках. И вдобавок ко всему, забились они и шли через горы Закарпатья, а тут война совсем другие формы и виды имеет.

Сначала мы шли на немецкие танки и власовские броневики с гранатами, как ходили всю войну, но 11 мая кто-то из наших по радио узнал весть о капитуляции Германии. Можно было и дальше биться с

предателями с тем же ожесточением, но потерь в боях было не миновать. Тогда мы отказались идти на танки без фаустпатронов или артиллерии. Война же закончилась! Было бы обидно умереть после самого главного события последних пяти лет из-за кучи каких-то неосведомленных о победе Красной Армии солдат власовской армии.

Понимая это, командование нас не торопило. Объявили о капитуляции власовцам, прокричали несколько раз в рупор, закидали листовками. Сами дороги перекрыли, артиллерию и танки подтягиваем, как раз наши части восстанию в Праге помогали, под руководством маршала Конева. 15 мая они выбросили белый флаг. Вышли предатели при всем параде, колодки нацепили, белые перчатки, монокли, как у немцев. Гордые, как будто не на нашей, а на их стороне правое дело... Да только нам до их гордости дела не было. Привезли мы почти полк пленных в Берлин и дали нам целых десять дней отпуска!

Ну, и гульнули мы, конечно, в честь Победы! Этого праздника я не забуду никогда. Так, наверное, не радовались в нашей стране ни до, ни после Дня Победы. Дай Бог, чтобы больше таких праздников не было, как и войн.

Часть III. Сторож Мира

Глава 1. Живой Сталин

После отпуска с нас сняли мерки. Искусные портные сшили нам парадные двубортные мундиры. Кроме них нам выдали новые скрипучие сапоги. Каждый божий день гоняли нас по строевой подготовке. Войну прошедшие, взявшие Берлин, теперь мы должны были выглядеть достойно.

Только мы тогда не понимали этого. Не нравилось нам учиться чеканить шаг, вскидывать руку, держать осанку, сдавая и принимая пост. Уж и говорили в сердцах начальству: зачем вы, мол, нас, старых фронтовиков муштруете?

-- Вы будете охранять конференцию глав правительств! – Вот и весь ответ.

Важное событие произошло в августе 1945 года. Моя рота была назначена в охрану резиденции на Потсдамской конференции, а потом уже позже, на Нюрнбергском процессе.

Самых нацистских бонз охраняли американцы (так вроде бы договорилось руководство), а советские солдаты символизировали содружество войск и единение с союзниками. Так что выпало нам не

конвоирование Риббентропа или Гимmlера, а просто стоять целыми днями с левой стороны дворца, в котором проходила знаменитая конференция.

Вся наша рота сверкала до блеска, вышестоящие отцы-командиры тщательно следили за тем, что доблестная Рабоче-Крестьянская Красная Армия в нашем лице была на высоте: подворотнички подшиты, оружие начищено и смазано, а блеском сапог можно было пускать солнечные зайчики. Это делалось потому, что всегда была вероятность, что представители конференции, международная пресса или начальство Советского Союза появятся у выхода, который охраняли мы, хотя чаще всего они ходили через парадный вход, там же сновали и курьеры, туда доставляли документы и свидетелей, туда привозили под конвоем пленное руководство фашистской Германии. Мы отъедались, учили шагистику и чеканным жестом отдавать честь. И как оказалось, не зря.

Это была последняя неделя августа, кажется. Было очень жарко. Градусов тридцать пять по Цельсию. Я стоял в охране на пару с товарищем, татаринoм по национальности, воевавшим чуть ли не с самого начала войны от самой Москвы и до Берлина. Уже перевалило за полдень, ветер стих и казалось, что вся улица замерла в немой неге. Внезапно улица взорвалась треском мотоциклетки.

За рулем как-то очень прямо сидел автоматчик НКВД, а офицер из коляски прокричал: «Правительство пешком идет!». Честное слово, хотя мы итак не расслаблялись, но стали еще прямее, а выправка была такая, что могли бы позавидовать и гвардейские знаменосцы. Мы даже не поняли конкретно, какое именно начальство, но шестым чувством поняли – идут очень важные персоны.

Мотоцикл укатил дальше, но следом никто из обслуги и охраны не появился, просто раздался шум шагов, негромкие разговоры и...из-за тополей показались фигуры руководителей Советского Союза.

Вначале шел Сталин. Я затаил дыхание, но старался стоять прямо и смотреть строго перед собой. Верховный Главнокомандующий шел не торопясь, одет был в белый генеральский китель, синие штаны, в руке держал генеральскую фуражку. Он что-то негромко говорил идущему за ним Молотову, тот кивал, но, заглядывая в потрепанную книжечку типа блокнота, упорно на чем-то настаивал.

Сталин хмурился и продолжал говорить вполголоса.

Каким он был? Спусти столько лет, всякий раз, когда меня спрашивали об этом, я припоминанию в первую очередь его глаза. Глаза великого человека. Усталые и умные. Внимательные и пронзительные.

А вот знаменитой трубки не было, да это и понятно – не тот возраст, чтоб идти и курить на ходу. И оспин не было! Это удивило меня больше всего, потому что все остальное так или иначе было ожидаемо, а вот отсутствие шрамов стало немного обескураживающим, ну вроде как солнце встало не желтое, а синее. Вообще я волновался настолько, что чуть автомат из рук не выронил. Нам сказали каблуками щелкать, когда руководство поравняется, а у меня дыханье сперло.

Узнал я еще нескольких человек – Берию, например, Жукова, Микояна, Маленкова, Молотова, Ворошилова. Наркомвнудел, кстати, являлся моим официальным начальником, ведь моя рота, пройдя через все инстанции и иерархию НКВД, в конечном итоге выполняла распоряжения Лаврентия Павловича. Берия был одет неофициально и довольно, на мой взгляд, легкомысленно – светлые брюки, зеленая безрукавка с расстегнутым воротом, пенсне. Каганович рослый такой мужик, красивый. Маленков в белом кителе и калифе, немного подшофе, вроде бы. Ворошилов был в белом генеральском мундире, лицо веселое, головой вертел.

Большая часть идущих шла слитно, одной толпой, человек шестьдесят. Только Сталин с Молотовым шли отдельно, как бы авангардом, генералы позади. А Жуков после всех, со всеми регалиями, с суровым лицом, как будто опять разрабатывал какой-то военный план.

Все мои сослуживцы и я, в том числе, вытянулись в струнку. Руководство прошли мимо. Проходя мимо нас, Сталин, который держал в одной руке головной убор, повернул к нам лицо и помахал свободной рукой. Я козырнул вождю привычным жестом и в эту минуту с огромной благодарностью вспомнил всю изводившую нас муштру. Не будь этих сотен часов на плацу, смог ли бы я достойно отдать честь генералиссимусу? Наверное, нет...

Удивило меня то, что наше правительство шло пешком, а не ехало на машинах, и почти без всякой охраны. Глядя на то, как чиновник или бизнесмен средней руки в нынешнее время окружает себя стеной охранников, я вспоминаю Сталина, идущего пешком...

Так прошло самое главное событие, произошедшее во время моего почетного караула.

Сослуживцы, которым не довелось увидеть живого Сталина, шутили над нами, призывая не мыть отныне лицо, раз на него Вождь смотрел. Вот, если бы Иосиф Виссарионович пожал мне руку, я бы точно ее с тех пор не мыл. Все-таки это событие стало для меня одним из самых памятных за всю жизнь.

Все остальное, что проходило в это время в Потсдаме и

Нюрнберге, нам рассказывал знакомый лейтенант-связист – о том, как судили нацистов, какие вопросы задавали, какие приговоры вынесли. Главным свидетелем обвинения с нашей стороны Паулюс был, он через коридор от нашего караульного помещения жил. При нем всегда охрана – майор и капитан из МГБ.

На суде, как говорят, нацисты юлили изо всех сил, валили все грехи на Гитлера и Геббельса, Йодль с Кейтелем вообще обычными офицерами притворялись, мол, они всего лишь приказы выполняли. Помню, вся наша рота обрадовалась тому, что Риббентропа и ещё 12 человек приговорили к виселице, так как была вероятность того, что его одним из разжигателей войны не признают и оправдают.

А у нас его сильно не любили, а я особенно, видимо, из-за предательски нарушенного пакта.

Глава 2. Коммунист

Я прошел всю войну комсомольцем. В 1946 году я был избран делегатом Первой комсомольской конференции оккупационных войск в Лейпциге. Там выступал сам маршал Георгий Константинович Жуков. В жизни он был немногословен, а вот зажигательные речи говорить умел, ничего тут не скажешь.

Помню, выступил он тогда очень эмоционально, воодушевленно. Так мог говорить только убежденный человек. Жуков призывал нас, комсомольцев стать достойной сменой погибшему на фронте миллионной армии коммунистов.

«В 1917 году Запад вздрогнул. Призрак бродит по Европе, говорили буржуа, призрак коммунизма. А сейчас сам коммунизм в нашем лице находится в центре Европы, а не какой-то призрак!» Он не приказывал, а призывал нас вступить в коммунистическую партию Советского Союза и строить светлое будущее нашей общей родины, в которое мы верили. Сроки, он считал, для этого нужны довольно скромные, с нашими-то силами – каких-то пятнадцать лет.

Оглядываясь назад, я вспоминаю лица товарищей, которые слушали эту речь, внимая всем сердцем. Слова маршала находили отклик в каждом молодом сердце. А нас было много, мы были сильны, мы победили фашистов и думали о будущем.

Коммунизм пропагандировал светлые, самые гуманные идеи. Я думаю, что, если бы не Хрущев, мы бы и сейчас жили в Советском Союзе – величайшей стране, на которую сейчас нагромождено так много вранья, что слушать тошно.

Не так все было...

В 1946 году, подавая заявление в кандидаты в члены ВКП(Б), я верил в ее идеалы, как верю по сей день. Подал я заявление 1 ноября. В декабре меня по трем рекомендациям приняли в кандидаты. А потом было само принятие в члены партии.

Мы стояли в то время на охране Нюрнбергского процесса. Помню, было открытие какого-то памятника. Потом нас погрузили в небольшой автобус, французский, желтенький как цыпленок, и повезли к Бранденбургским воротам, находившимся тогда во французской зоне Берлина. Там прямо на улице стоял стол рядом с Красным знаменем. Стояли Жуков и Телегин, другие генералы. Перед ними шеренга бойцов и командиров, принимаемых в коммунисты.

Мы по очереди ходили к ним, целовали, преклонив колено, Красное Знамя, потом Телегин вручал нам партбилеты, а Жуков жал руку. Рука у маршала была большой, крестьянская, рукопожатие крепким. Разве мог я когда-нибудь после этого предать партию, отказаться от идеалов коммунизма. Не имел права.

Коммунисты тех времен и горбачевских – совершенно разные люди. Во времена Горбачева идеи партии были переиначены. Исчезли цитаты Ленина. Коммунизм превратили в фарс. Разве это не подсудное дело?

Я же, дававший присягу Телегину и Жукову в захваченном Берлине, не могу предать партию и ее идеалы даже сегодня, когда мне уже восемьдесят семь лет. Я верю, что во второй половине двадцать первого века мир станет социалистическим. К этому все идет. Вы молодые, может, еще это и увидите...

Глава 3. Чекист

Еще три с половиной года после войны я оставался в Берлине, нес охрану, помогал наводить порядок. Но все когда-нибудь кончается, кончался и послевоенный бардак в армии. Вызвал меня как-то раз мой подполковник Жванецкий:

-- Василий, у тебя же никакой специальности! Как тебя оставить на службе прикажешь? Непорядок.

Призывников в то время массово демобилизовали, оставляли только кадровую часть.

Все-таки пожалел меня и определил в спецшколу МГБ. Так меня завербовали. Не скажу, что против воли. Мне хотелось служить во благо родины и после окончания войны. Домой пока возвращаться не думал.

Послужу еще, полагал про себя.

Учился я хорошо, хотя по-русски писал неважно. Двухгодичные командирские курсы проходили две сотни курсантов, среди них из якутов я был один.

Помню, возили нас на практику в Татарстан. Практикантов было трое. Всем нам изменили имена, выдали документы. Там, говорили, до сих пор орудуют басмачи.

До отъезда мы три месяца учили татарский и башкирский языки. Овладеть ими в совершенстве было сложно, поэтому и история у нас была «оправдывающая» этот момент. Я говорил, что татарин по национальности, но воспитывался в детдоме в глубине России, потому свой родной язык знаю плохо. Из Татарстана мы писали письма своим «близким», сообщая свои наблюдения о настроении людей, о чем они говорят, как относятся к Советской власти.

Жили мы в разных аулах, работали в местных колхозах как полноценные обычные работники. Мне, деревенскому парню, было не привыкать к тяжелому труду. С лошадьми, упряжью управлялся хорошо. Зарплаты не было, работали за трудодни. Были мы, как будто бы студенты, проходящие практику в селе.

В этот период я хорошо узнал уклад жизни в Татарстане. Лошади у них были намного крупнее, чем наши сылгы. А сам быт не сильно походил на якутский. Ели они, как и мы, жеребятину, кроме нее еще баранину, говядину, а вот свинины не употребляли совсем. Понравилась мне татарская лепешка. Хоть я и большой патриот своей Якутии, но лепешки у них вкуснее, чем наши.

Вот сама служба в Татарстане мне не понравилась. Очень много приходилось трудиться физически, а еще и скрываться, притворяясь не собой, кроме этого нужно было постоянно и ухо держать востро, запоминать, передавать, сообщать...

По возвращении с практики меня отправили служить на пограничную заставу на советско-польской границе. Это было тоже в качестве практики. На границе служилось проще, чем в Татарстане. Трудно все-таки искать врагов в мирном населении. Гораздо проще, когда враг перед тобой на фронте, а не в тылу.

Глава 4. Врачебный вердикт

Мне почему-то на протяжении всей жизни не везло с врачами. Сначала не мог пройти комиссию, чтобы попасть на фронт, потом во время войны «воевал» с врачами в госпиталях, постоянно желавших

меня демобилизовать по состоянию здоровья. Мне всю жизнь говорили, что у меня слабое здоровье, что я не выдержу испытаний, что я больше обуза. Вот уже мне восемьдесят семь лет, а врачей, сетовавших на мое здоровье уж и на свете нет...

По возвращении с границы я продолжил обучение в спецшколе, даже был избран старшим в своей группе. В 1948 году в апреле мы съездили в Лейпциг, побывали там в цирке, зоопарке, нас познакомили с местными нравами и обычаями. Обрато вернулись на поезде до железнодорожного вокзала.

От него до нашей заставы было полтора километра. Было необычно жарко для апреля. Стоял практически летний день. Указанное расстояние мы протопали пешком. Идти предстояло мимо бассейна, который обычно пустовал. А в тот день, оказалось, его наполнили водой из артезианского источника. Мы остановились, попили воды, умылись. Кто-то предложил искупаться. Мы и окунулись. Вода была холодной, что аж кости свело. Все-таки весна – не лето! Купание не пошло мне на пользу. Ночью я проснулся от того, что меня лихорадило. Все тело горело, ломило кости. Еще со времен Днепра у меня было воспаление легких, и с этими симптомами я был хорошо знаком.

Пошел в медпункт, сообщив дежурному. Там капитан со звучной фамилией Мировой измерил мне температуру. Сорок! Направили в санчасть. Госпиталь у нас с комендатурой и пограничниками был общий. Пролежал я там два дня с жаром, даже не помню, как меня лечили. Потом пошел на поправку, начал кашлять, отхаркивать, освобождая воспаленные легкие от накопившейся слизи...

Но тут меня и поджидало несчастье. Я привлек внимание врачебной комиссии. Начав копаться в моем здоровье, эскулапы обратили внимание на следующие факты: что один глаз у меня практически не видит, одно ухо плохо слышит, что я был дважды контужен, плохо функционирует рука, в которой застряли осколки немецкой гранаты.

-- Как вы такому товарищу оружие доверили? – вопрошали врачи, качая головами. Вышел я по-ихнему инвалид второй группы, негодный к службе! Четыре месяца мне оставалось до окончания спецкурсов! Всего четыре! Не знаю, как сложилась бы после этого моя судьба, но тогда мне было обидно быть списанным. Угораздило же меня искупаться в этом злополучном фонтане!

Глава 5. Коханая

Как узнал я о том, что меня демобилизуют, телеграфировал своей девушке, которой обзавелся во время военных действий в Украине. Звали ее Евдокия Харченко. В 1943 году наши части стояли на их хуторе в Запорожье. Она была на два года младше меня. Сошлись, в 1944 году Дуняша родила мне дочку.

Все время их помнил, после Потсдамской конференции нам дали десять дней отпуска. Успеть за это время съездить на родину я бы не смог, туда месяцы добираться. Поехал в Запорожье, к своей коханой. Провел семь дней с ней и дочкой.

Родители Дуняши хотели нас в тот раз обвенчать, но я уже был зачислен кандидатом в члены партии, потому отказался. Не стал старикам говорить прямо, чтобы не обидеть.

-- Успеем еще, когда демобилизуюсь, -- ответил. Они не настаивали.

Пока шла врачебная комиссия, я успел отправить телеграмму Дуняше: «Меня демобилизуют. Срочно сообщите, поедете ли вы со мной в Якутию?» До этого мы уже разговаривали о планах на будущее, как все будет, когда война кончится.

-- Я бы не против, но меня родители не отпустят, -- говорила Дуняша все время.

Ответа я на телеграмму не дождался. Потому как гордый был и упрашивать невесту не поехал. Раз не хочет коханая, кто же ее неволит? С тех пор и не видел я ни ее, ни дочки. Когда-то ездил в Киев наводил справки, но не нашел...

11 мая 1948 года я выехал из Берлина в свою Якутию.

Глава 6. Родина

После Берлина меня ждала Москва. Оттуда я поехал в Киров, потом Свердловск, затем Новосибирск, Красноярск и Иркутск. Эвон сколько одних пересадок тогда было! Из Иркутска по Ангаре доплыл до Саянского поселка. Всю Россию нашу матушку, считай, повидал по дороге домой.

Вернулся я в Якутию в самый разгар лета, вдохнул полной грудью родной воздух, аж голова закружилась. Как будто бы вся земля ждала моего возвращения.

Забылась обида на врачей...

В Якутске на улице Ворошилова (рядом с нынешним музеем имени Ярославского) жили знакомые виллойчане. Рядом находился Дом участников войны. В доме участников войны таким солдатам как я

предоставляли деревянные нары. На них куковал целых пятнадцать суток, ожидая парохода в Виллюйск.

Все-таки вернуться на родину после стольких лет было особым событием. Я скучал по своей Якутии и больше всего по матери. Для нее врачебный приговор стал, наверное, самым долгожданным событием. Ее Тонгсуо ехал домой!

Пароход до Виллюйска не доплыл, сел 3 июля в четырех километрах от пристани на мель. Помню всюду были пожары лесные, дым застилал родные просторы. Тем не менее воздух виллюйский показался мне самым сладостным... Так потянуло домой, что я готов был в воду прыгнуть и поплыть к матери! Уговорил я матросов довести меня на берег на лодке. Взял свой вещевой мешок, небольшой чемодан с сувенирами и отчалил от парохода.

Идти предстояло через лес, а был уже вечер. Заплутал я в потемках, еле тропинку отыскал в глухом лесу. По ней на рассвете подошел к городу. Возле Виллюйска паслись коровы. Удивило меня то, что хоть войны здесь не было, животные бросились от меня прочь. Они явно боялись людей. Почему, интересно?

Я знал, что мама ждет меня у родственников в Виллюйске. Направился напрямик к ним. Я сильно устал, хотел спать, но последние метры преодолел едва ли не бегом.

Заглянув через калитку, увидел знакомую фигуру матери. Было ранее утро, солнце едва золотило крыши домов. Мама обтирала тряпкой берестяное ведро, вероятно, собираясь доить коров. Сердце мое сжалось. Я подергал калитку, она была заперта. Не в силах разобраться, где была щеколда, я просто перемахнул через забор. Молча подошел к матери, стоявшей ко мне спиной.

Она замерла... Увидела тень и прошептала не поворачиваясь ко мне:

-- О, обом барахсан...

Никогда я не плакал навзрыд, а тут слезы сами полились ручьем. Мать тоже рыдала, прильнув к моей исхудавшей груди. Время от времени она гладила мою голову, руки, словно не верила собственным глазам... Конечно, вид у меня после болезни и всяких огорчений был не очень представительный. Худющий, бледный... Я, наверное, был из категории тех, про кого говорят «ветром шатает».

Мать плакала, мешая слезы радости со слезами горя.

Вечером пришел Давыд, который был в эту пору на сенокосе в местности Кэбэкэй. Как же он, оказалось, постарел за эти годы! Стал еще меньше ростом, исхудал, сморщился, словно война высосала из него все

жизненные силы. А ведь он еще не был стариком по возрасту. Прижал я его к своему сердцу, человека, которого когда-то так сильно не хотел видеть своим отцом...

Жить мы остались в Вилуйске, у наших родственников Габышевых.

Мама с первых дней начала меня выхаживать, поила сырой кровью, молоком. За все время войны моя трудолюбивая мама сохранила двух коров. Вот это был настоящий подвиг по тем временам! Все свои силы, внимание мать перебросила на то, чтобы поставить меня с их помощью на ноги. Я словно снова был для нее маленьким, беззащитным Тонгсуо...

Глава 7. Работник

Первое время на работу меня не брали. Отмахивались, тыкали на мою инвалидность. Не знаю, чтобы я делал, не вмешайся в мою судьбу инспектор социальной защиты Василий Кириллин и председатель колхоза Илья Миронов. Благодаря их чаяниям, мне оформили инвалидность второй группы и назначили пенсию в шестьсот рублей. Большие по тем временам были деньги.

Но сидеть на шее у государства мне не хотелось. Я был молод, энергичен, способен к труду. Отчего меня в старики записали? Через полгода начал я ходатайствовать, чтобы из второй группы меня перевели в третью. Безрассудство, считали многие, но я хотел работать, ведь силы есть, чего тунеядствовать?

Удалось мне добиться-таки перевода в третью группу. Стал я как бы трудоспособный инвалид. Начал искать работу и вскоре мне предложили заняться делом кинофикации своего района при райсовете, организовывать точки для кино в клубах. Я, было, согласился на радостях, что хоть к какому-то делу приставили, но пожилая женщина в райсовете отговорила меня от этой идеи:

-- Вася, деньги на строительство кинотеатра разворованы, двое уже сидят в тюрьме. Нечисто там. Пусть разберутся, а ты не берись за это дело, пока все не выяснят, не губи себя, -- увещевала меня женщина. – Ты лучше обратись к секретарю райкома партии Михаилу Спиридоновичу Петрову. Земляк же твой.

Я послушался совета мудрой женщины. Михаила Спиридоновича я знал, доводилось с ним общаться и ранее. Когда я уходил на войну, он работал в ЗАГСе, во время войны, как мне рассказали, был начальником местной тюрьмы, потом возглавил

милицию, после чего был избран третьим секретарем райкома партии... Пошел я к Михаилу Спиридоновичу. Он выслушал меня, велел подойти завтра. В девять утра я был как штык в его кабинете.

-- Ты у нас солдат, человек служивый, -- сказал Михаил Спиридонович. -- Иди в МВД, я с ними договорился.

Как на крыльях я летел домой в этот день. Служить в милиции было бы для меня самым подходящим делом, снова стать в строй, снова оружие. Но, оказалось, я рано радовался. Мне предложили должность начальника эксплуатационной части виллюйской тюрьмы. Как услышал я слово «тюрьма», сразу наотрез отказался.

-- Не хочу в тюрьме работать!

Все же переубедили меня. «Другой вакансии,» -- сказали, -- «Нет». Утешили, что название «официальное», что не придется иметь дело с заключенными и зарплату предложили немаленькую. Делать было нечего. Стал я работать в тюрьме.

Работа была очень трудной. У тюрьмы было свое подсобное хозяйство. Мы держали пять коров и двадцать лошадей. Тюрьма содержалась полностью на собственном обеспечении. Администрация сама кормила заключенных, сама искала фонды, чтобы обогреть бараки, инструменты для работы всякие тоже искали самостоятельно. В мои задачи входило обеспечить все тридцать шесть барачных печей дровами. Кроме них в тюрьме работали шестьдесят сотрудников, чьи семьи тоже нужно было снабжать дровами. Так с утра до ночи с этими дровами и возился. За два года устал так, как на фронте не приходилось.

Опостытели мне эти печи, и стал я подумывать о другой работе. Поехав в Якутск за обмундированием и кое-каким грузом, я сходил в министерство внутренних дел. Был там мелкий чиновник по кадрам, по фамилии Атласов. Обратился к нему. Так и так, мол, хочу уйти с работы. Рассказал ему вкратце о себе.

Атласов отвел меня к министру МВД ЯАССР, полковнику Подгаевскому. Это был большой видный мужчина, тоже, кстати, фронтовик, здоровый как медведь.

-- Вот, -- доложил Атласов. -- Хочет уйти из милиции. Отказывается работать. Даже личное дело привез.

Министр первым делом заметил мой гвардейский значок. Одобрительно хмыкнул:

-- Ты откуда, ветеран? -- обратился ко мне, не обращая внимания на суетливую речь Атласова.

-- С Виллюйска, -- ответил я.

-- Я его личное дело посмотрел. Он, оказывается, инвалид. Так

чего же мы с ним возимся? Пусть уходит! – вмешался назойливый, как муха Атласов. Уж не знаю, чего он так взъелся на меня? Я ж его не об этом просил, чего шум поднимать?

Министр строго взглянул на подчиненного:

-- Капитан, уходите! Я вас вызову, если понадобится...

Атласов вспыхнул и быстро покинул кабинет. Подгаевский вызвал секретаря и велел приготовить кофе. Кофе у него оказался хороший, заграничный, трофейный. За чашкой вкусного напитка мы разговорились о боевом прошлом. Оказалось, что он тоже воевал на Украине, командовал дивизией, но до Берлина не дошел из-за ранения. Потом его назначили начальником управления Якутзолота, затем избрали в обком партии, оттуда – пошел в министры.

-- Надо, видимо, должность какую-то для тебя выдумывать, -- задумчиво сказал подполковник. – Такой фронтовик, как ты, этого заслуживает, не можем мы такими кадрами разбрасываться. А может, ты согласишься на переезд?

-- Никак нет, -- ответил я по-военному. – Родители у меня старые, семья, недавно дом начал строить... А должности придумывать не надо. Могу я в лесники уйти, если вы поможете... Там работа спокойная, когда пожаров летом нет.

-- Ладно, тогда подумаю. Зайди ко мне после обеда. Что-нибудь придумаем. Только обязательно лично зайди, -- сказал Подгаевский и вызвал дежурного. – Проконтролируйте товарища из Вилуйска, ему после обеда назначено у меня.

Вернулся я в гостиницу для командированных МВД. Находилась она на четвертом этаже недавно построенного здания ныне четвертого магазина. Посидел там с ребятами, в шахматы поиграл. Потом провиант сторожике отнес: хлеб, колбасу, сыр, которыми должен был питаться во время командировки. Хожу так, а сам все время на часы поглядываю. Долго же тянулись минуты ожидания!

После обеда министр меня принял, как обещал. Он был в приподнятом настроении

-- Ну, Василий, -- начал он, радостно улыбаясь мне. – Мы, фронтовики, должны помогать друг другу. – Я тебе уже и работу придумал! Зарплата 1500 рублей в месяц, дело будет полезное и для тебя, и для общества. Хочешь быть инструктором боевой и политической подготовки?

Такая должность мне подходила, как никакая другая. Конечно же, я согласился. Поскольку у меня не было образования, Подгаевский дал направление на курсы пропагандистов. Закончив их, я начал

работать в новой должности, впервые, после войны, почувствовав, что занимаюсь тем, что мне нравится – общественной работой.

Глава 8. Муж

Спустя несколько месяцев после возвращения с фронта, я познакомился со своей будущей женой, Александрой Петровной Петровой. Случайно все получилось.

Собирая документы для оформления инвалидности, я зашел в райком Вилюйска. Дали мне какие-то бланки. Устроился заполнять их за свободным столом. Напротив сидела красивая девушка, секретарь-машинистка. Я сразу отметил, что девушка очень миловидна, и, видимо, скромна. Стараясь не подать виду, что она мне понравилась, я заполнил бумаги. Пока писал, украдкой посматривал на девушку. В какой-то момент, подняв глаза в очередной раз, наткнулся на ее взгляд. Он не был строг, не таил вызова. Просто девушка смотрела на меня, словно ожидая, когда я закончу писать. Глаза... Какие у нее были глаза!

Потом у товарища одного, тоже фронтовика, Феди Коркина, спросил, кто такая? Он улыбнулся хитро и давай подначивать:

-- Да, хорошая девушка тебе приглянулась. Только неприступная она, очень разборчивая, говорят, еще и капризная. Так что ты давай! Такие девушки – большая редкость.

Он говорил, а передо мной стоял ее образ: взгляд, бездонные глаза, улыбка... Потом я стал часто прохаживаться в тех местах, в надежде встретить предмет своего обожания. Искал ее на каких-нибудь мероприятиях. Вскоре мы познакомились и при встрече уже кивали друг другу, иногда даже немного разговаривали.

Близилась майские праздники. Набравшись смелости, я однажды после танцев вызвался проводить Шуру до дома. Она согласилась, скромно потупив взор. Каково же было мое удивление, когда мы направились в сторону моей работы. Я тогда уже работал в тюрьме. На территории тюрьмы было, я знал, общежитие. К нему и повела меня девушка.

Оказалось, она была дочерью старшего надзирателя Петрова. Отца ее я знал, в общежитии раньше бывать доводилось, причем неоднократно. Почему тогда я раньше Шуру здесь не видел? Вспомнил я, как Шурин отец как-то выспрашивал у меня, почему это я не стою на посту, а хожу только с конвойной группой? Я ответил, что у меня инвалидность третьей группы. В общем, мы тогда друг другу особо не понравились. И дочерью этого человека была моя Шура! Мы расстались,

девушка запорхнула домой, а я весь в раздумьях пошел к себе...

В один из майских выходных я сам не понял почему, но крепко выпил. Мои ноги привели меня к Шуриному общежитию. Зашел. В дверях Шурин отец стоит, поверх белой исподней рубахи и штанов накинул шинель. Курит. А рядом сосед, тоже знакомый. Я к соседу обратился, пытаюсь не показать, что выпивший:

-- Здравствуй, а где Шура живет?

-- Товарищ начальник! Прошу обращаться, как положено, -- громко и отчетливо выговаривая слова, сказал Шурин отец. Я обиделся.

-- Товарищ старший сержант, я не к вам пришел, а к Шуре, -- ответил ему. Гляжу, Шура моя в комнате что-то делает. Я поднырнул под рукой Петрова и в комнату, к ней...

Что было дальше уж и не помню.

Проснулся я утром с головной болью, во рту сухо... Лежу в незнакомой комнате, на чужой кровати. Приподнялся, осмотрелся и охнул, вспомнив подробности: как пил с друзьями, как пьяным ломился к Шуре. Рядом со мной на другой кровати храпел Петров, тоже видимо, пьяный. Кто-то за перегородкой суетился, громыхал посудой, пахло жареными пирожками. Светало.

Понял я, что у соседей Петровых сплю, Герасимовых. Они с Петровыми в одной большой комнате жили. Спали за перегородками, а кухня была общей. Нащупал я свой китель рядом, оделся. Вышел на кухню. Хотел уйти, пока хозяин не проснулся, но жена Герасимова меня остановила приглашением к столу:

-- Василий Давыдович, выпейте с нами чаю за компанию.

Я сел за стол. Рядом с чашкой чая выставили рюмку водки. Я опохмелился. Полегче стало. Съел пирожок, выпил чай.

Во время трапезы зашел мой знакомый фронтовик, Николай Петров. Удивился, увидев меня за столом Петровых да Герасимовых:

-- Не ожидал, Вася, тебя здесь встретить. Рассказывай, как живешь?

Я посетовал, что зарплату задерживают, потом о делах политических заговорили, на тюрьму переключились. Потом зашел какой-то старик. Оказалось, это был отец Николая, сына искал. Разговорились и с ним. Все это время я порывался уйти, пока Шура меня не видела. Как взгляну ей в глаза, после позорного визита? В какое положение я ее поставил перед семьей, отцом?

-- Я, пожалуй, пойду, -- сказал хозяйке, поблагодарив за чай. -- Праздник же сегодня.

-- А ты с нами за компанию отпразднуй. Вон мы сколько всего

наготовили! Гостем будешь, -- улыбнулась хозяйка. Отец и сын Петровы загомонили, появилась бутылка.

В это время вышла Шура из комнаты и, не глядя в мою сторону, пошла к умывальнику. Я сидел ни жив, ни мертв. Отец Шурин спал, а ее мать со мной не разговаривала, только поглядывала сердито.

Герасимовы усадили Шуру рядом со мной. Стульев не хватало, мы сидели на ящиках. Кусок в горло не шел у меня от этого соседства, хотя действительно Герасимовы наготовили много, и с любовью. Шура молчала, только ела, глядя строго вперед. Я боялся на нее посмотреть. Уф! Еле до конца застолья досидел.

Потом пошел на демонстрацию. Заглянул к своим на работу. Там уже вовсю готовились к параду 1 Мая. Чистили оружие, парадные костюмы. Меня тоже засунули в колонну, нести транспарант, но не с парадными сослуживцами. Я прошел с вольнонаемными сотрудниками администрации тюрьмы, не успел сходить переодеть парадный китель вместо того, в котором ночевал у Шуры. Потом пошел домой...

На другой день мне предстояло дежурить в подразделении на охране ворот. Тут меня Шура пригласила к себе на обед. Я пошел, уже и не знаю почему. Отца дома не было. Мать снова сердито косилась и ничего не говорила, только гремела сердито посудой. Шура молча налила чай, потом села рядом и спросила:

-- Объясни мне, что ты делал? Чего такой смурной ходишь?

-- К тебе приходил, -- отвечаю. -- Ты прости, я виноват. Выпивший был. Больше так делать не буду.

Гляжу, она улыбается. Я тогда осмелел:

-- Давай завтра в кино ходим...

Она снова глазами в пол, а сама покраснела, улыбается.

На другой день я на Давыдовой лошади заехал за Шурой и повез ее в клуб. Вечером снова проводил, уже пешком. С тех пор мы часто встречались то в клубе, то в гостях друг у друга. Много девушек вокруг меня было, после войны деревни на парней и мужиков оскудели, а я только о ней думал, к ней ходил.

На новый год свадьбу сыграли. Вернее, просто помолвку. Свадьбы пышные, шумные -- считались пережитком старой жизни. Собрали родственников, чай попили.

Шурина мать меня невлюбила. Все время называла никчемным инвалидом, доходягой. Только я не всегда такой болезненный был. В 1953 году мне дали путевку на два месяца в Сочи. Там, в спецсанатории КГБ, моим здоровьем занялись вплотную. Приехал я из Сочи веселый да румяный. Шесть кило прибавил, выправился, мускулами оброс. С тех

пор меня инвалидом никто не звал.

Жить мы стали у Шуры. Ее родители в соседнюю комнату перебрались, а я к себе мать и Давыда забрал. Сделал перегородку. За одной стеной мы с Шурой жили, за другой отец с матерью, тесть с тещей еще за стенкой... По тем временам это было нормально. Но все равно было тесно. Потому к маю я задумался о собственном доме, чтобы не мучиться так и родственников не мучить.

Вскоре подвернулась возможность обзавестись своим углом. Я взял ссуду в три тысячи рублей в Сбербанке, добавил корову, пенсионные сбережения и купил старый дом. Вместе с Давыдом и Шуриным отцом мы заготовили лес, перестелили полы, потолок. Пожили некоторое время, мебель тоже сами делали. Дети пошли, Давыд с мамой на внуков нарадоваться не могли, Шура вся с головой в семейные хлопоты ушла.

Но в 1953 году Берию объявили врагом народа. Всех кэгебэшников стала партия клеймить да недостатки выискивать. Докатилась эта мода и до нас. Начальником КГБ в Вилюйске был майор Егоров. Досталось ему, конечно, тогда здорово. К тому времени он строил большой дом девять на десять, взял большую ссуду в том же Сбербанке. Но когда начались эти треволнения, Егоров стал выпивать с горя. Его плюс ко всему еще и уволили. Стройку забросил, на все махнул рукой, запил... Два года сруб мок под снегами да дождями.

Надоумил меня начальник охотинспекции Михаил Чусовской к нему сходить, да с бутылкой. Сам пошел вместе со мной. Отдали принесенное вино. Потом спрашиваю:

-- Пантелеймон Кириллович, что с этим домом будете делать?

-- Не знаю, -- говорит. -- Уж не дострою, видно. Третий год руки не доходят, а уже ссуду требуют.

-- А ты продай его Василию, у него четверо детей маленьких, семья, мать с отцом. Семья большая, а ютятся в старой каморке. Им бы расшириться, как думаешь?

Кивнул головой Пантелеймон Кириллович. Выпил вино, которое мы принесли, стал думать. Цену поставил – одиннадцать тысяч рублей. Я восемь предлагаю, нету мол, больше. Торговались да рядили, сошлись в итоге на десяти. Я свой старый дом продал за девять тысяч рублей, занял немножко, заначку распотрошил. Отдал десять тысяч Егорову и начал его сруб достраивать. Опять же семьей, я да Давыд, да Шурин папа. Крышу настелили, окна вставили большие, каждый угол от плесени очистили, полы ровные настелили, печь большую вывели. Знатные хоромы получились. Не дом, а игрушечка!

Только пожить в них, считай не удалось. В Мирный переехали, как раз как мне Подгаевский помог заново устроиться. Сначала я сдавал дом в аренду, но денег это давало мало, в Мирном тоже жилье надо, так что потом продал своему другу. В двадцать семь тысяч оценили его государственные страховщики, а у людей таких денег нет, да и нужды в таких домах. Еле-еле продал...

Глава 9. Отец

С тех пор, как я женился, все время ждал сына. Но первой родилась дочь.

Помню, был у нас акушер Шагаян, приезжий откуда-то из-за границы. Я, когда жену в первый раз в роддом привез, попросил у него:

-- Подари мне сына, будь другом!

-- Обязательно, -- пообещал доктор.

Увели мою Шуру, а я в коридоре сижу. Два часа ждал. Младенцы плачут хором за стеклянной перегородкой. Волнуюсь. Вышла акушерка Клавдия Березкина:

-- Поздравляю вас, Василий Давыдович, с дочкой! Роды прошли благополучно.

А я не верю собственным ушам:

-- Не может быть! Сына же обещали!

Но оказалось, что может, не всегда медицина помочь может. Назвали дочку Валею. Через два месяца я пошел регистрировать ее в ЗАГС на свое имя, метрику выправлять. Называю имя: «Иванова Валентина Васильевна», а мне отвечают:

-- Поскольку вы не регистрировали брак, дочка ваша может носить двойную фамилию Иванова-Петрова. Только так и никак иначе.

Звоню жене из ЗАГСа:

-- Шура, ты выйдешь за меня замуж, а то тут свидетельство Вале не выдают.

-- Ну, если так, то распишемся, -- ответила Шура. Ей не до того было, дите кричит, есть просит, стряпает что-то. Так буднично и решили этот главный женский вопрос.

Вечером стали гадать, какую дать фамилию ребенку. Шура мою фамилию брать не хочет:

-- Я у отца единственная дочь, -- говорит. -- Петровы прервутся.

Потом согласилась все-таки с моими доводами:

-- Ладно, пусть будет Иванова.

Странно у нас с Валею получилось. Выросла и вышла замуж за

Петрова, хороший парень был. Вот тебе и дедушкина фамилия! От судьбы не уйдешь, что ни говори.

За Валею родилась Мира. Она сейчас врач. После нее Виктория, она стала учительницей. Четвертую дочь зовут Вера. Она медсестрой пошла. За ней идет Светлана и только в шестой раз мы дождались долгожданного сына. В честь дедушки назвали его Петром. После Пети жена рожала еще раз. Родилась дочка Прасковья. У меня ныне семнадцать внуков и пока пятнадцать правнуков...

Долгожданный сын у меня родился в 1957 году, уже в Мирном. Большая радость в этом году соседствовала с большой потерей. Не стало моей матери...

Глава 10. Партиец

После встречи с министром МВД, вскоре меня избрали секретарем партийной организации МВД и КГБ. Под моим ведением были: тюремщики, пожарные, прокуратура и судьи. Все они работали вразнобой, каждый сам по себе, по отдельности. А мне предстояло их объединить, охватив партийной деятельностью.

Схлестнулся я с начальниками этих организаций. По уставу они должны были отчитываться партии о проведенной кадровой работе, а отчетов не предоставляли. А народ шел с жалобами, партия, в моем лице, была обязана реагировать на жалобы трудящихся, ведь мы, коммунисты, являлись совестью народа. Начальники же не признавали моих прав, и все вопросы решали самостоятельно.

Я был категорически не согласен с таким положением вещей. В партийном уставе значилось, что перед партией все равны: и начальники, и рядовые служащие, у всех равные права и все наделены обязанностями, нет неприкосновенных. Я работал в этом направлении, направлял письма с требованием не только платить партийные взносы, но и консультироваться по кадровым вопросам, ходить на собрания, на курсы по партийной линии. Но все было бесполезно, они меня игнорировали. Я был как вопиющий глас в пустыне.

О том, как мне быть в такой непростой ситуации, я спросил у второго секретаря райкома Вилройского района, лектора Еремея Тимофеевича Герасимова. Написал ему заявление, что начальники такие-то отказываются от партийных поручений, их деятельность ограничивается только взносами. Представил свой план работы. Я требовал создания агитационных участков в правоохранительных подразделениях, которое должно принимать участие в решении

кадровых вопросов, заниматься политобразованием, защищать права трудящихся. Начальников я приглашал пройти краткий курс истории партии при филиале Марксизма и Ленинизма, которые прошел сам. Брали на курсы только с полным средним образованием, но для меня сделали исключение. На курсах в основном говорили о том, какой должна быть экономика, приходилось много считать. Было трудно, но очень полезно для любого руководителя. А мои подопечные-начальники не хотели проходить эти курсы.

Герасимов выслушал меня и задумался.

-- Давайте мы им все это поручим в приказном порядке, а если не выйдет, проведем партийное расследование достойные ли они начальники, -- сказал второй секретарь.

Разумеется, моя жалоба и нагоняй сверху, не понравились начальникам, привыкшим распорядиться всем самостоятельно. Я получил репутацию «выскочки, выносящего сор из избы» Они продолжали не считаться с требованиями партии, и я решил дать ход попавшему мне в руки делу как раз в этой области. Как раз было дело между двумя начальниками, которые, рассорившись между собой, сделали крайним подчиненного: измывались над дежурным, посылая его с личными посланиями то туда, то обратно. Я вклеил им строгий выговор по партийной линии. Это вызвало целый всплеск от них и коллег.

-- Почему вы так поступили, товарищ секретарь? Разве это не наше личное дело общаться или же не общаться друг с другом? – возмутились эти товарищи.

-- Вы ответственные лица, а ведете себя, как дети. По долгу службы вы должны взаимодействовать, а не посторонних людей мучить. Не можете сотрудничать, то учитесь смиряться, на то вам власть дана, -- таков был им мой ответ.

Начальника милиции после этого сняли с должности, второго оставили с предупреждением в личном деле. Стали считаться с мнением партии, прислушиваться к моим словам.

Затаили обиженные на меня злобу.

И однажды, после выхода указа Хрущева о «пятитысячниках» мы проводили собрание по этому вопросу – кого из партийных лидеров выдвинуть для помощи колхозам. Тут они возьми и предложи меня. Да еще обставили так вкрадчиво.

-- Товарищ Иванов общественными силами построил общежитие в колхозе, контору милицейскую расширил, просветительскую деятельность развернул. Такому деятельному

человеку самое место в колхозе. Он из отстающего колхоза передовой сделает!

Лишь бы, значит, меня убрать...

Вижу я, что их дело выгорит, потому что не противоречат партийной линии, а вроде как даже ее поддерживают. Проголосовали «за» это предложение, большинством голосов утвердили мою кандидатуру. А я про себя подумал: «Не бывать этому»!

Поехал я в Якутск. Пробился на прием к Подгаевскому. Вызвал он кого-то из отдела кадров:

-- Есть ли у вас свободные вакансии? Если имеется, товарища направьте, -- распорядился.

-- Есть место начальника милиции в Усть-Нере, -- рапортуют из отдела кадров.

Я испугался, ведь пишу по-русски до сих пор неважно, да и далеко от родных мест. Так и так, говорю, благодарствуйте, но не могу я. Рассердился тогда Подгаевский.

-- А ты думаешь у нас должности на дороге валяются? Для тебя одного министерство работает?

Тут я ему и рассказал, что меня в колхоз хотят отправить, в отстающий. Там работа такая, что с моей контузией долго не заработаешься, да еще и с семьей.

Вызвал Подгаевский моего тогдашнего «знакомца» Атласова.

-- Скажите, капитан, у нас в Якутске есть какая-нибудь свободная должность?

-- Новый отдел создается против тунеядства...

Я как услышал это слово, подумал: «Неужто для тунеядцев еще какие-то отделы создают?» Задачи размытые, ответственности много, а толку мало. Тунеядство не партийными приказами изживать надо, а личным примером на производствах да стимулированием. Не хотелось бы мне в таком отделе работать, но выбирать было не из чего: либо отстающий колхоз, либо тунеядцы.

-- Когда к работе приступить? – спрашиваю у Атласова.

-- В Мархе дом купили под штаб. Будет вас четыре человека в отделе. Поедешь туда, спросишь заместителя начальника отдела – товарища Сивцева...

Оказалось, я знал этого человека. У нас с ним были весьма недружеские с ним отношения, еще с давних времен, как я в тюрьме работал. Я попросил время подумать и вышел из министерства. Иду и думаю, может, все-таки согласиться?

Быть бы мне в отделе тунеядства, если бы не одна случайность.

Еду в автобусе, переживаю, думаю... И тут с мужиком знакомым одним разговорился. Бронислав, так его звали, узнав о моих перипетиях, тут же посоветовал:

-- Я сам из Ленска, а сейчас в Мирный еду. Там дивизион создают по охране алмазов на разработках. Вакансий полно и участковые тоже нужны! Прямо позарез!

Меня как будто в сердце кто-то толкнул, сразу понял – вот он, шанс! Вот так, совершенно случайно я принял решение, которое полностью перевернуло мою судьбу. Переезд в строящийся город, алмазную столицу Южной Якутии, стал судьбоносным решением, о котором я никогда в своей жизни не сожалел.

Глава 11. Мирный

20 июля 1959 года я написал заявление министерству, в котором просил отправить меня работать в Мирный. Мирный тогда еще не был городом, он только строился. Люди жили там в палатках, потому мне посоветовали оставить семью в Вилюйске, пока все не устроится. Но я знал, что не смогу оставить жену и детей.

Через семь дней получил телеграмму: «Командировать Иванова в Мирный в распоряжение командира дивизиона такого-то и райкома партии». За четыре дня мы сдали дом, продали скарб, который невозможно было увезти в Мирный. На человека, без разницы, взрослый или ребенок, можно было взять всего лишь 75 килограммов груза. Взяли мы с собой кровати, одно кресло, одежду всякую, посуду, чтобы детям было на чем спать и сидеть. Миру оставили у бабушки с дедушкой, Шуриных родителей, а сами с женой и пятью остальными детьми (младшая дочка еще не родилась) оставили родной Вилюй.

На катер наш скарб не поместился. Я договорился с двумя владельцами моторных лодок и перевез членов семьи с остатками вещей. Переправились с грехом пополам.

На берегу грузовых машин не оказалось. А порт был в полутора километрах. Еле нашел заправочную машину, договорился, погрузил скарб. Перевез своих на речной вокзал. Оттуда мы держали курс на Нюрбу на корабле. В Нюрбе с большим трудом отыскивали дом брата Тихонова. Там переночевали.

Из Нюрбы в Мирный в то время летали одни «Антошки». Разумеется, наше все имущество в тесный биплан не поместилось, пришлось взять с собой только самые необходимые вещи. Получилось, что весь рейс разместился на наших вещах, но никто не сетовал. Все

пассажиры самолетика были в приподнятом состоянии, все ждали от нового, строящегося города, только хорошего.

В Мирном первым делом отыскал горотдел милиции. Он находился в двухэтажном деревянном здании, едва ли не единственном «крупном» строении будущего города. Показал бумагу о своем назначении, попросил машину.

Меня направили к исполняющему обязанности начальника дивизиона ВОХР Михайлову. Увидев мою большую семью, детей мал мала меньше, он разинул рот:

-- А... Ты зачем детей с собой взял? – спросил Михайлов.

-- А куда мне их девать? – ответил вопросом на вопрос.

Только к вечеру нашли куда нас устроить. Привезли в какой-то маленький деревянный домишко с двумя дверьми. Очевидно, это был дом на две семьи. Как и все только что построенное жилье, было неудобно и тесно. Наша квартира представляла собой всего одну комнатку с двумя окошками чуть больше двух ладоней, и печкой-буржуйкой из половины бочки. А я обрадовался, что не в палатке будем жить. Многие ведь так жили, уже видел в городе.

Быстро нашел дрова. Растопил печку, жена заварила чай. Согревшись я отправился искать доски, чтобы сколотить нары для детей. Возле фабрики по упаковке да переработке руды лежала груда старых досок, вроде никому не нужных. Спросил у сторожа, объяснил для чего мне они нужны. Он оказался добрым товарищем. Дал пять больших досок, да еще и помог смастерить нары...

Так мы и переночевали, начали жить. Семья моя была не в восторге от новых условий жизни, но жена не ругалась, дети не капризничали, все понимали и терпели, отцу и мужу видней... Я был им за это благодарен. Через восемь дней мне, как семейному, выделили старый трестовский дом. Дом, конечно, сказано сильно. Скорее сарай. Стены в нем были из обычных досок. Но для нас он показался настоящим дворцом после той комнатухи, где лежали все на одних нарах.

Я быстро соорудил перегородки и у нас появились две отдельные комнаты. Утеплить стены мхом, отыскал на фабрике четыре трубы, батареи, кирпичи и сделал печь, повесил в комнатах радиаторы. Стены изнутри обшил фанерой, взятой оттуда же, с фабрики. В этом доме мы перезимовали, благо зимы не то, что у нас, на Вилюе.

В 1960 году весной нам выдали квартиру в частично-благоустроенном доме. Центральное отопление, вода... Считай, только ванны не было и туалет на улице. И зажили мы еще лучше. А еще через

десять лет жизни в Мирном к выходу на пенсию получил я четырехкомнатную благоустроенную квартиру в каменном доме...

Так я стал настоящим мирнинцем, прикипел к этому городу всем сердцем, пустил здесь корни... Любому, прошедшему войну, слово «мир» бесконечно дорого, можно сказать даже свято... Я люблю свой город Мирный, горячо люблю жизнь, свою семью. Я счастлив, что мне довелось пройти славный боевой путь и прожить счастливую долгую мирную жизнь после войны. Миллионы солдат на Великой Отечественной сложили головы за мирную жизнь. Как любой ветеран я всем сердцем хочу, чтобы вы, наши дети, внуки и правнуки берегли завоеванный нами мир...

БЕРЕГИТЕ МИР!

-
- ¹ Тымтай (як.) – Корзина для рыбы
² Тонгсуо (як.) – Производное от слова «клюв»
³ Эдьий (як.) – Тетя или старшая сестра
⁴ Сайылык (як.) – Летник
⁵ Алаас (як.) – Круглый луг посреди леса с водоемом
⁶ Абаасы (як.) – Злое потустороннее существо
⁷ Ётёх (як.) – Старое заброшенное жильё
⁷ Хотон (як.) – Хлев
⁸ Тоойуом (як.) – Ласковое обращение к детям, младшим по возрасту
⁹ Нохоо (як.) – Пренебрежительное обращение к младшим мужчинам
¹ 0 Убай (як.) – Старший брат
¹ 1 Айыы (як.) – Добрые духи
¹ 2 Олонхо (як.) – Якутский эпос
¹ 3 Сыммыт (як.) – Яйцо

Эпилог

Дорогой, читатель!

Мы, семья ветерана Василия Давыдовича Иванова и вся команда участвовавшая в создании книги, будем весьма признательны Вам, если вы поделитесь этой книгой с друзьями, родными, коллегами, всеми теми, до кого бы Вам захотелось донести эту настоящую историю, простого солдата, ведь это произведение олицетворяет подвиг всех наших дедов, прадедов – советских солдат, которые подарили нам Мир...

Благодарим Вас за прочтение и будем рады отзывам в социальных сетях, отметить публикации можно хэштегом #БравыйСолдатВасилийИванов instagram аккаунт книги @vd_ivanov_book

СПРАВКА:

Иванов Василий Давыдович.

Родился 24 ноября 1923 года в крестьянской семье, чочуйского

наслега, Вилуйского округа ЯАССР.

В 1942 года ушел добровольцем на фронт, в ряды рабоче-крестьянской армии.

Сразу попал в самое пекло - окопы Сталинграда, освобождал оккупированную Украину, Варшаву, штурмовал стены Берлина. Воевал в пехоте и разведке, был пограничником, охранял в бункере тело покончившего с собой Геббельса, охранял первых лиц трех стран победителей, стоял в почетном карауле советской армии во время Потсдамской конференции и Нюрнбергского процесса, отдавая честь Сталину, Рокоссовскому и Жукову.

Воевал в Сталинграде - 68-ой гвардейской армии, автоматчиком, после ранения на Юго-Западном фронте командиром отделения 127 пограничных войск МГБ, на Донском фронте 1-ой гвардейской армии 38 гвардейской дивизии, разведчиком.

В 1944 году был послан на 4-х месячные курсы и направлен в 1-ый Белорусский фронт помощником командира взвода в 38-ой Краснознаменный Померанский полк войск МГБ СССР. Войну окончил 11 мая 1945г. на р. Эльбе под г. Берлином. После войны служил до 1948 в пограничных оккупационных войсках Советских войск в Германии, прошел курсы спец. школы при управлении войск МГБ.

Во время войны получил боевые ранения, контузию. Домой вернулся в июле 1948 г. инвалидом ВОВ.

Имеет 9 боевых наград:

- **Орден Отечественной войны 1 степени,**
- **Орден Октябрьской Революции;**
- **Медаль «За отвагу»;**
- **Дважды награжден медалью «За боевые заслуги»;**
- **Медаль «За оборону Сталинграда»;**
- **Медаль «За освобождение Варшавы»;**
- **Медаль «За взятие Берлина»;**
- **Медаль «За Победу над Германией в ВОВ 1941—1945 гг.».**

После службы по направлению РК КПСС направлен в органы МВД ЯАССР. Строил город Мирный, стоял у истоков алмазодобывающей промышленности Республики Саха (Якутия).

Почетный гражданин г. Мирного и Вилуйского района, заслуженный работник Народного хозяйства ЯАССР, ветеран алмазодобывающей промышленности.

Отец 7 детей, 16 внуков, 14 правнуков.

В 2011 г. выпустил книгу – воспоминаний «Я вернусь».

Ушел из жизни 7 октября 2011 г. Похоронен в г. Мирном.